

ISSN 1992–7940

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 2

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2026

Учредители

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет»

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. — председатель (Барнаул), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.Д. Цветкова, к.ф.н, доцент (Казахстан, Павлодар), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

П.В. Алексеев (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), К.И. Бринев, М.П. Гребнева, В.Н. Карпущина, Л.М. Комиссарова, А.И. Куляпин, Е.В. Лукашевич, В.Д. Мансурова, С.А. Осокина, Е.Г. Романова, Ю.В. Трубникова, Л.Н. Тыбыкова

Секретариат

О.А. Ковалев, С.Б. Сарбашева

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, Институт гуманитарных наук, оф. 405а.
Тел.: 8 (3852) 296617. E-mail: soveto1@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: <http://journal.asu.ru/pm/>

Адрес в системе РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992–7940

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Ю. Е. Камер, Н. Н. Шпильная.** Текст закона в контексте неофициального толкования 7
- В. И. Тармаева, Г. Цоглхагва.** Бытовая лексика баргузинского говора потомков баргутов Республики Бурятия 27
- Е. П. Панченко, Т. В. Чернышова.** Способы актуализации категории темпоральности в плакатных текстах Великой Отечественной войны 43
- С. С. Степанов.** Этнокультурные характеристики социальной репрезентации (на материале газетных статей и текстов выступлений Б. Писториуса) 58
- А. О. Полякова.** Принципы систематизации параметров представления иноязычных заимствований на современных онлайн-ресурсах 77
- Ю. С. Багрова.** Основные компоненты мотивационного текста коуча 94
- Е. В. Михайловская, Т. О. Лебедева.** Британская неоготическая проза: лингвистические параметры жанра (на материале романа С. Перри «Мельмот») 109
- Имань Сунь.** Проблема телесности в замятиноведении: история изучения и исследовательские подходы 130
- А. А. Кухтенкова.** Сравнение как способ репрезентации индивидуально-авторской картины мира (на материале романа Г. И. Газданова «Призрак Александра Вольфа») 145
- О. Н. Меркулова.** Тема времени в цикле стихов Алёны Рычковой-Закаблуковской «Хронологическое» 161

Научные сообщения

- С. В. Беликов.** Топонимы как объект лингвострановедения в учебниках по РКИ: аудиовизуальный курс 177
- О. А. Киба.** Кластеризация признаковой информации в латинском ботаническом диагнозе: холо-меронимическая парадигма 195
- О. Г. Твердохлеб.** Лексема «свадьба» в поэме К. Ф. Жакова «Биармия»: семантика и поэтика 205
- Н. В. Чаунина.** Тема любви в творчестве нерюнгринских поэтов (на материале лирики Я. Мельника и К. Шутина) 215

Люди. Факты. События

- Т. В. Чернышова, И. А. Широких, Е. А. Савочкина.** «Познать нам надобно немало...»: к 85-летию юбилею почетного профессора Алтайского государственного университета Алексея Андреевича Чувакина 226
- Резюме** 237
- Наши авторы** 252

CONTENTS

Articles

- Yu. Ye. Kamer, N. N. Shpil'naya.** The Text of The Law in The Context of Informal Interpretation7
- V. I. Tarmaeva, G. Tsoglikhagva.** Everyday Vocabulary of the Barguzin Dialect of the Descendants of the Barguts of the Republic of Buryatia ...27
- Ye. P. Panchenko, T. V. Chernyshova.** Methods of Actualizing the Category of Temporality in Poster Texts of the Great Patriotic War43
- S. S. Stepanov.** Ethnocultural Characteristics of Social Representation (Based on German Newspaper Articles and Speeches of B. Pistorius)58
- A. O. Polyakova.** Principles of Systematizing the Parameters of the Foreign Language Borrowings Presentation on Modern Online Resources77
- Yu. S. Bagrova.** Key Components of a Coach's Motivational Text94
- E. V. Mikhailovskaya, T. O. Lebedeva.** British Neo-Gothic Prose: Linguistic Parameters of the Genre (on Sarah Perry's *Melmoth*) 109
- Sun Yiman.** The Issue of Corporeality in Zamyatin Studies: Research History and Methodological Approaches 130
- A. A. Kukhtenkova.** Comparison as a Way of Representing the Idiosyncratic Author's Worldview (Based on the Novel by G. I. Gazdanov *The Ghost of Alexander Wolf*) 145
- O. N. Merkulova.** Theme of Time in the Cycle of Poems by Alyona Rychkova-Zakablukovskaya "Chronological" 161

Scientific reports

S. V. Belikov. Toponyms as Object of Language and Culture Studies in Textbooks of Russian as a Foreign Language: An Audiovisual Course.... 177

O. A. Kiba. Clustering of Feature Information in Latin Botanical Diagnosis: Holo-Meronymic Paradigm. 195

O. G. Tverdokhlebov. The Lexeme “Wedding” in K. F. Zhakov’s Poem “Biarma”: Semantics and Poetics. 205

N. V. Chaunina. The Theme of Love in the Works of Neryungrin Poets (Case Study of the lyrics of Ya. Melnik and K. Shutin)..... 215

People. Facts. Events

T. V. Chernyshova, I. A. Shirokikh, Ye. A. Savochkina. “We need to learn a lot...”: On the 85th Anniversary of the Honorary Professor of the Altai State University, Alexey Andreevich Chuvakin..... 226

Summary 237

Our authors 252

СТАТЬИ

ТЕКСТ ЗАКОНА В КОНТЕКСТЕ НЕОФИЦИАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ

Ю.Е. Камер, Н.Н. Шпильная

Ключевые слова: неоднозначное толкование текста закона, неофициальное толкование, текст закона, лингвистический эксперимент

Keywords: ambiguous interpretation of the text of the law, informal interpretation, text of the law, linguistic experiment

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)2-01](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)2-01)

Введение

Настоящая статья выполнена в русле лингвистического интерпретационизма. Она посвящена проблеме неофициального толкования¹ текста закона, под которым (толкованием) мы понимаем проявления научной (доктринальной), профессиональной и обыденной интерпретации. Отметим, что проблема понимания и множественности интерпретации юридических текстов (в том числе и текстов законов) в научном сообществе рассматривается с точки зрения права, юридической лингвистики и лингвистического интерпретационизма.

Анализ научных работ правоведов по исследуемой проблеме свидетельствует о ее рассмотрении, как правило, в теоретическом аспекте. Теоретиками права решение рассматриваемой проблемы сводится к определению факторов, которые обусловили ее возникновение. Так, по мнению большинства юристов [Беляева, 2007; Туранин, 2010; Овчинникова, Шаганян, 2017; Белов, Тарасова, 2019], непонимание текстов законов и их неоднозначная интерпретация проявляются в процессе толкования закона рядовыми носителями языка (обыденной интерпретации) и напрямую зависят от следующих факторов: компетентность законодателя и интерпретатора; уровень образования и профессионализм интерпретатора; несоблюдение в процессе толкования пра-

¹ В рамках данного исследования понятия «интерпретация» и «толкование» синонимичны.

вил юридической техники; использование в тексте закона специальных терминов и особых синтаксических конструкций, труднопонимаемых неспециалистами; отсутствие разъяснений (законодательных дефиниций) в необходимых случаях и др.

В современной юридической лингвистике осознается тот факт, что содержать различное толкование, двусмысленность и разночтения могут, как правило, тексты законов, относящиеся к категории сложных для понимания (тексты, в которых используются сложные синтаксические конструкции, отмечается терминологическая перегруженность и т.д.). Иными словами, сложность юридического текста объясняется его лексической и синтаксической организацией.

Об усложнении юридических текстов свидетельствуют и результаты проведенного сотрудниками Института государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ (А.В. Кнutowым, С.М. Плаксиным, Н.Л. Григорьевой и др.) в 2020 г. исследования «Оценка сложности языка законов»; так, ученые пришли к выводу, что в настоящее время в нашей стране отмечается «усложнение текстов правовых актов» [Оценка сложности языка законов].

Однако мы полагаем, что любой, даже самый «ясный» и простой на первый взгляд текст закона может обнаружить варианты интерпретации. Как справедливо отмечает М.В. Батюшкина, «выверенная с различных позиций законодательная норма, сформулированное законодательное определение могут вполне оказаться неясно, неточно или неоднозначно интерпретируемыми» [Батюшкина, 2021, с. 149].

Сказанное согласуется с базовыми положениями концепции вариативно-интерпретационного функционирования текста, сформулированными Н.Д. Голевым и Л.Г. Ким [Голев, Ким, 2009]. Анализ научных работ, выполненных в русле данной концепции, свидетельствует о том, что ведущим принципом описания особенностей интерпретации в современных лингвистических исследованиях становится принцип адресатоцентризма, предполагающий рассмотрение проблемы интерпретации текстов законов с точки зрения его адресата (как активного субъекта речемыслительной деятельности). Так, Н. Д. Голев и Л. Г. Ким в соответствии с адресатоцентричной концепцией коммуникации выделяют следующую коммуникативную модель: «АВТОР — ТЕКСТ автора — ТЕКСТ субстанциональный — АДРЕСАТ — ТЕКСТ адресата» [Ким, Голев, 2008, с. 147], особенность которой заключается в том, что «текст в процессе его функционирования в „пространстве адресата“ предстает в виде множества смысловых вариантов как результат рецептивно-интерпретационной деятельности» [Там же].

В связи с исследованием проблемы неоднозначного толкования текстов законов (шире — юридических текстов) в фокусе внимания ученых-лингвистов — особенности их обыденной интерпретации [Воробьева, 2011; Голев, 2014; Щербак, 2023] или сопоставительное изучение проявлений оппозиции их профессиональной и обыденной интерпретации [Воробьева, 2014; Ким, 2022; Камер, 2024], официальной и неофициальной [Городишенина, 2015]. В данных лингвистических исследованиях чаще всего основным предметом изучения являются не сами тексты законов, а юридические термины, используемые в них.

В настоящей работе основной акцент делается на сопоставительном изучении проявлений разновидностей неофициального толкования (доктринальное (научное), профессиональное и обыденное) текста закона.

Под доктринальным (научным) толкованием (интерпретацией) в контексте данной работы² мы понимаем толкование, осуществляемое носителями языка, имеющими специальные (юридические) познания, ученую степень, опыт толкования российских законов, и представленное в виде комментариев к законодательству. Соответственно, комментарии к законодательству ученых-юристов мы будем отождествлять с доктринальным (научным) толкованием.

Профессиональное толкование (интерпретация) — это интерпретация носителей языка, имеющих специальные (лингвистические / филологические) познания, право самостоятельного производства экспертиз по специальности «судебная лингвистическая экспертиза» и стаж работы по данной специальности, представленная в виде заключения эксперта. Следовательно, интерпретация текста закона экспертов-лингвистов в заключении эксперта соотносится в данном исследовании с профессиональным толкованием.

К обыденному толкованию (интерпретации) мы относим толкование рядовых носителей языка (студентов), не имеющих специальных (юридических или лингвистических) познаний. Так, полученные в ходе проведения эксперимента варианты интерпретаций текста закона мы рассматриваем как проявления обыденного толкования.

² Так, ряд авторов [Черданцев, 2002; Сырых, 2012; Бошно, 2013 и др.] в качестве основных черт доктринального (научного) толкования, отличающего данный вид толкования от профессионального, отмечают следующие особенности: субъект толкования — ученые-юристы, представители науки, имеющие юридическое образование, а также иные компетентные лица; аргументированность, доказательность и обоснованность толкования; форма — монографии, комментарии к законодательству, научные и научно-популярные статьи и др.

Цель статьи заключается в обосновании гипотезы, согласно которой неоднозначно интерпретируемый носителями языка, имеющими специальные познания, текст закона будет неоднозначно понят и рядовыми носителями языка.

Методы и материал исследования

Для достижения поставленной нами цели исследования были применены метод лингвистического эксперимента, количественный метод и метод сравнения.

Материалы исследования:

— фрагмент текста закона — п. 6 ч. 1 ст. 21 («Реклама алкогольной продукции») Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ (далее — ФЗ «О рекламе»);

— варианты профессиональной (толкования носителей языка, имеющих специальные лингвистические познания, — экспертов-лингвистов) и доктринальной (толкования носителей языка, имеющих специальные юридические познания, — ученых-юристов) интерпретаций данного фрагмента;

— варианты интерпретаций, полученные от рядовых носителей языка (студентов) в ходе проведения лингвистического эксперимента.

Результаты исследования

Лингвистический эксперимент включал в себя несколько этапов.

1. Отбор первичного (исходного) «интерпретируемого» [Ким, 2012, с. 9] текста закона, характеризующегося «потенциальной множественностью вариантов интерпретации» [Ким, 2012, с. 7].

В качестве подобного текста был выбран следующий фрагмент статьи ФЗ «О рекламе»:

«Статья 21. Реклама алкогольной продукции

1. Реклама алкогольной продукции не должна:

<...>

б) использовать **образы людей и животных, в том числе выполненные с помощью мультипликации (анимации)**» [ФЗ «О рекламе»].

Потенциальная множественность вариантов интерпретации обусловлена в рассматриваемом нами случае употреблением законодателем «полисемантной» [Нарожняя, 2003, с. 157] лексемы «образ», способной реализовать в контексте статьи ФЗ «О рекламе» одновременно три

лексико-семантических варианта³ (далее — ЛСВ⁴): «внешний вид, облик, наружность, внешность», «представление о ком-либо или о чем-либо, возникающее в воображении, сознании, мыслях кого-либо» и «созданный писателем, художником и т.д. тип, характер, персонаж, являющийся носителем каких-либо черт»⁵. Таким образом, проведенный нами дефиниционный анализ подтверждает наличие в приведенном выше фрагменте потенциальной множественности вариантов интерпретации.

С целью «реализации вариативно-интерпретационного потенциала» [Ким, 2012] данного фрагмента статьи ФЗ «О рекламе» проанализируем варианты профессиональной и доктринальной (научной) интерпретаций⁶, полученные от носителей языка, обладающих специальными познаниями (лингвистическими или юридическими), и сформулируем «смысловые версии» [Ким, 2012] интерпретируемого текста для дальнейшего проведения эксперимента.

2. Анализ интерпретирующего текста (профессиональной интерпретации носителей языка, обладающих специальными (лингвистическими) познаниями, — экспертов-лингвистов, представленной в выводе эксперта) фрагмента статьи ФЗ «О рекламе».

Так, на разрешение комиссии⁷ специалистов-лингвистов Регионального общественного объединения «Гильдия лингвистов-экспертов

³ Под лексико-семантическим вариантом в настоящем исследовании мы понимаем отдельное значение (семантический вариант) многозначного слова [Савченко, Иоффе, 1985, с. 93], «отдельный вариант» [Языкознание. Большой энциклопедический словарь, 1990, с. 262] лексического значения слова.

⁴ Данные ЛСВ сформулированы нами на основе анализа дефиниций слова «образ», закрепленных в современных толковых словарях русского языка.

⁵ С.М. Нарожняя лексемы, способные к реализации разных ЛСВ в одном и том же контексте, называет лексемами с совмещенной семантикой, а само явление совмещения в одной языковой единице разных ЛСВ — синкретизмом [Нарожняя, 2003].

⁶ Варианты профессиональной и доктринальной интерпретаций рассматриваются в данной работе в качестве интерпретирующих (вторичных по отношению к интерпретируемому тексту) текстов [подробнее см.: Ким, 2012].

⁷ Состав комиссии: И.В. Жарков — действительный член ГЛЭДИС (стаж научной деятельности и работы по специальности — 25 лет, экспертная специализация — судебная лингвистическая экспертиза), кандидат филологических наук, начальник научно-методического отдела РОО ГЛЭДИС; А.С. Мамонтов — действительный член ГЛЭДИС (стаж работы по специальности — 34 года, экспертная специализация — судебная лингвистическая экспертиза), академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор кафедры методики, педагогики и психологии Государственного институ-

по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)» был поставлен следующий вопрос: «Каково буквальное толкование слова „образ“ в контексте статьи 21 действующей редакции Федерального закона „О рекламе“ № 38-ФЗ в соответствии с нормами и правилами русского языка?» [Заключение комиссии специалистов-лингвистов].

В результате анализа закрепленных в «Современном толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова дефиниций слова «образ» и их соотнесения со значениями данного слова, реализуемыми в контексте рассматриваемой статьи, эксперты-лингвисты пришли к следующему выводу: «В контексте статьи 21 закона „О рекламе“, с точки зрения норм и правил современного русского языка, возможна реализация следующих значений существительного *образ*:

- „внешний вид, облик; наружность; внешность“;
- „тип, характер (как совокупность основных, наиболее устойчивых психических свойств человека или животного, обнаруживающихся в их поведении), созданный писателем, художником, артистом» [Заключение комиссии специалистов-лингвистов].

Следовательно, носители языка, имеющие специальные (лингвистические) познания, неоднозначно интерпретируют предложенный им для анализа фрагмент статьи ФЗ «О рекламе», указывая на возможность реализации в данном контексте обоих значений.

На основе полученных от экспертов-лингвистов интерпретаций сформулированы следующие «смысловые версии»:

1. Реклама алкогольной продукции не должна использовать фотографические, видео- и мультипликационные (анимационные) изображения внешности реально существующих или существовавших людей и животных.

2. Реклама алкогольной продукции не должна использовать характеры людей и животных (как совокупности основных, наиболее устойчивых психических свойств, обнаруживающихся в их поведении), созданные писателями, художниками, в том числе художниками-мультипликаторами и аниматорами, артистами.

та русского языка им. А.С. Пушкина, консультант научно-методического совета при Правлении ГЛЭДИС; Г.Н. Трофимова – действительный член ГЛЭДИС (стаж работы по специальности – 17 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза), доктор филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов, член Правления ГЛЭДИС.

Не оспаривая позицию носителей языка, имеющих специальные (лингвистические) познания, заметим, что ими в процессе анализа рассматриваемого фрагмента статьи реализация ЛСВ «представление о ком-либо или о чем-либо, возникающее в воображении, сознании, мыслях кого-либо» слова «образ» исключена по причине нарушения условия синсемичности.

3. Анализ интерпретирующего текста (доктринальных / научных) интерпретаций носителей языка, обладающих специальными (юридическими) познаниями, — ученых-юристов, представленных в виде комментариев к ФЗ «О рекламе») данного фрагмента статьи ФЗ «О рекламе».

Анализируемый нами п. 6 ч. 1 ст. 21 ФЗ «О рекламе» в действующей редакции был изложен законодателем только в 2011 г. (в редакции Федерального закона от 18.07.2011 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции” и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу Федерального закона „Об ограничениях розничной продажи и потребления (распития) пива и напитков, изготавливаемых на его основе”»). В предыдущей редакции ранее действующий ФЗ «О рекламе» в указанном пункте содержал положение о запрете использования в рекламе алкогольной продукции образов несовершеннолетних (см. табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление разных редакций ФЗ «О рекламе»

Редакция п. 6 ч. 1 ст. 21 ФЗ «О рекламе», действующая до 2011 г.	Действующая в настоящее время редакция п. 6 ч. 1 ст. 21 ФЗ «О рекламе»
Ст. 21. Реклама алкогольной продукции 1. Реклама алкогольной продукции не должна: <...> б) использовать образы несовершеннолетних	Ст. 21. Реклама алкогольной продукции 1. Реклама алкогольной продукции не должна: <...> б) использовать образы людей и животных , в том числе выполненные с помощью мультипликации (анимации)

Все известные нам на момент написания данной работы комментарии содержат толкование положений ФЗ «О рекламе» в редакции, действующей до 2011 г. Соответственно, комментарий к анализируемому нами фрагменту статьи ФЗ «О рекламе» отсутствует. Поскольку слово «образ» используется и в других статьях ФЗ «О рекламе», мы считаем допустимым проанализировать комментарии к данным статьям в целях определения значения лексемы «образ» в рассматриваемом нами контексте.

Для удобства изложения комментарии ученых-юристов представлены в виде таблицы (см. табл. 2).

Таблица 2

Комментарии юристов

	Фрагмент текста статьи ФЗ «О рекламе» ⁸	Комментарий к данному фрагменту	Автор комментария
1	Ст. 16. Особенности рекламы отдельных видов товаров 1. Реклама алкогольных напитков, табака и табачных изделий, распространяемая любыми способами, не должна: <...> обращаться непосредственно к несовершеннолетним, а также использовать образы физических лиц в возрасте до 35 лет . В настоящее время данная редакция утратила силу	Автор комментария отмечает отсутствие в действующем на момент публикации комментария к ФЗ «О рекламе» определения понятия «образ». С опорой на дефиницию слова «образ», зафиксированную в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1997), понятие «образ» толкуется им как «результат отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека» [Бадалов, 2004]	С.А. Пузыревский — кандидат юридических наук, заместитель начальника Управления контроля и надзора за рекламной деятельностью Федеральной антимонопольной службы ⁹
2	Ст. 27. Реклама основанных на риске игр, пари 1. Реклама основанных на риске игр, пари не должна: <...> 8) использовать образы людей и животных	По мнению автора комментария, «В данной норме установлен запрет на любое использование (визуальное, звуковое, текстуальное) образов людей и животных в рекламе азартных игр. Под образом следует понимать отражение в сознании потребителей рекламы объектов материального мира, их наглядное, живое представление. <...>	А.Н. Кайль — кандидат юридических наук, начальник юридической службы

⁸ Интересующие нас части текста выделены п/ж шрифтом.

⁹ Должность и ученая степень авторов комментариев к ФЗ «О рекламе» указаны на момент публикации ими данных комментариев.

Продолжение таблицы 2

	Фрагмент текста статьи ФЗ «О рекламе» ⁸	Комментарий к данному фрагменту	Автор комментария
		<p>Визуальным использованием образов людей и животных является изображение живых существ (включая неизвестных или вымышленных) в рекламе, в том числе демонстрация частей тела, силуэтов и т.п. Кроме того, образ человека и животного может быть сформирован через наделение объектов природы (предметов) человеческими способностями, способностями животных (их одушевление, оживление). В звуковом и текстовом ряде рекламы не должны приводиться сведения о людях и животных» [Кайль, 2007]</p>	
3	<p>Ст. 22. Реклама пива и напитков, изготавливаемых на его основе 1. Реклама пива и напитков, изготавливаемых на его основе, не должна: <...> б) использовать образы людей и животных, в том числе выполненные с помощью мультипликации (анимации). В настоящее время данная статья утратила силу</p>	<p>Автор комментария, опираясь на закрепленные в толковых словарях значения слова «образ», приходит к выводу, что в данной статье под «образом» подразумевается «отражение в сознании потребителей рекламы определенных объектов материального мира, их наглядное, живое представление. При этом создание образов может происходить посредством текстового, визуального или звукового восприятия» [Постатейный комментарий к Федеральному закону «О рекламе», 2012].</p>	<p>Д.С. Бадалов — руководитель консалтинговой компании «ФЕНЕК 1» (с 1994 г. занимается вопросами рекламного законодательства)</p>

Окончание таблицы 2

	Фрагмент текста статьи ФЗ «О рекламе» ⁸	Комментарий к данному фрагменту	Автор комментария
		<p>Так, под визуальным использованием образов людей и животных подразумевается «изображение живых существ (включая вымышленных) в рекламе, в том числе демонстрация частей тела, силуэтов способами графики, живописи, анимации, фотографии и др.» [Постатейный комментарий к Федеральному закону «О рекламе», 2012]. «Использованием образов человека в рекламе <...> также признается наложение на видеоматериалы рекламного ролика звуковой информации в форме монолога от первого лица либо разговоров двух и более лиц, сюжетно связанных с содержанием видеоматериала, что позволяет сделать вывод об участии говорящих в изображенном действии, в том числе если участники диалога не появляются в кадре» [Постатейный комментарий к Федеральному закону «О рекламе», 2012]</p>	

На основе вышеуказанных интерпретаций была сформулирована следующая «смысловая версия» (для последующего проведения эксперимента — 4): реклама алкогольной продукции не должна использовать любые визуальные, звуковые и иные средства, формирующие образ человека или животного в сознании потребителя рекламы.

Отметим, что ученые-юристы в процессе толкования норм ФЗ «О рекламе» акцентируют внимание лишь на реализации ЛСВ «представление о ком-либо или о чем-либо, возникающее в воображении, со-

знании, мыслях кого-либо» лексемы «образ», игнорируя при этом иные ЛСВ данной лексемы.

Таким образом, носители языка, имеющие специальные (юридические) познания, интерпретируют фрагмент статьи ФЗ «О рекламе» однозначно¹⁰. При этом их вариант интерпретации отличается от вариантов носителей языка, имеющих специальные (лингвистические) познания. Исходя из сказанного, можно отметить, что в данном случае доктринальные (научные) интерпретации рассматриваемого фрагмента статьи приближены к официальной интерпретации¹¹, которая «строится на преодолении вариативности толкования как проявления его субъективности» [Воробьева, 2014, с. 35].

4. Проведение лингвистического эксперимента, направленного на получение вариантов обыденной интерпретации рассматриваемого фрагмента статьи ФЗ «О рекламе».

В качестве респондентов выступили студенты 1 курса Института филологии и межкультурной коммуникации Алтайского государственного педагогического университета, девушки и юноши, 17–22 лет, 50 человек. Выбор данной группы лиц в качестве респондентов соответствует условиям и задачам эксперимента — выявить варианты обыденной интерпретации анализируемого фрагмента статьи ФЗ «О рекламе». Группа «студенты» соотносится в настоящей работе с рядовыми носителями языка, не обладающими специальными (лингвистическими или юридическими) познаниями.

Участникам эксперимента был предложен фрагмент статьи ФЗ «О рекламе», который сопровождался заданием следующего содержания: прочитать фрагмент текста, обратив при этом внимание на выделенную подчеркиванием часть текста, и выбрать из перечня вариантов интерпретаций данного фрагмента статьи тот, который, по их мнению, наиболее соответствует содержанию фрагмента.

Фрагмент ФЗ «О рекламе»:

Статья 21. Реклама алкогольной продукции

1. Реклама алкогольной продукции не должна:

<...>

¹⁰ Однозначное толкование в данном случае может быть обусловлено тем, что «В своих исходных презумпциях юрист-ученый исходит из потребности обеспечить единомыслие толкования текста закона и его элементов» [Голев, 2015, с. 142].

¹¹ Так, по мнению Ю.Г. Арзамасова, «доктринальное толкование может быть официальным (если оно выражено в докладах, разъяснениях, интерпретационных актах, постановлениях высших судебных инстанций), так и неофициальным, если оно содержится в научных работах авторов» [Арзамасов, 2016, с. 21].

б) использовать **образы людей и животных, в том числе выполненные с помощью мультипликации (анимации)**.

Перечень вариантов интерпретаций («смысловых версий») данного фрагмента ФЗ «О рекламе»:

1. Реклама алкогольной продукции не должна использовать фотографические, видео- и мультипликационные (анимационные) изображения внешности реально существующих или существовавших людей и животных.

2. Реклама алкогольной продукции не должна использовать характеры людей и животных (как совокупности основных, наиболее устойчивых психических свойств, обнаруживающихся в их поведении), созданные писателями, художниками, в том числе художниками-мультипликаторами и аниматорами, артистами.

3. Реклама алкогольной продукции не должна использовать любые визуальные, звуковые и иные средства, формирующие образ человека или животного в сознании потребителя рекламы.

4. Ваш вариант ответа¹².

Предложенные испытуемым для выбора «смысловые версии» актуализируют варианты профессиональной и доктринальной (научной) интерпретаций данного фрагмента статьи:

— «смысловые версии» 1, 2 сформулированы на основе профессиональной интерпретации фрагмента статьи ФЗ «О рекламе» экспертов-лингвистов;

— «смысловая версия» 3 сформулирована на основе доктринальных (научных) интерпретаций фрагмента статьи ФЗ «О рекламе» ученых-юристов.

Для удобства результаты эксперимента представлены в виде таблицы, содержащей информацию о выбранных рядовыми носителями языка вариантах интерпретаций фрагмента статьи ФЗ «О рекламе» (см. табл. 3).

Таблица 3

Результаты эксперимента

Респонденты	Количество носителей языка, выбравших 1 вариант интерпретации, %	Количество носителей языка, выбравших 2 вариант интерпретации, %	Количество носителей языка, выбравших 3 вариант интерпретации, %
Рядовые носители языка (студенты)	34	26	40

¹² Заметим, что реципиенты имели возможность написать свой вариант интерпретации.

Как показывают результаты проведенного эксперимента, рядовые носители языка действительно интерпретируют рассматриваемый нами фрагмент статьи ФЗ «О рекламе» неоднозначно. По мнению участников эксперимента, в данном фрагменте возможна реализация всех предложенных им вариантов интерпретаций. Наибольшим количеством рядовых носителей языка выбран вариант интерпретации 3 («смысловая версия», сформулированная на основе доктринальных (научных) интерпретаций ученых-юристов). Также отметим, что ни один из респондентов не воспользовался возможностью написать свой вариант интерпретации. Из этого следует, что носители языка, имеющие специальные познания, осуществляя попытку раскрыть¹³ «полиинтерпретационный потенциал» [Ким, 2012] анализируемого фрагмента, смоделировали максимально возможное в соответствующих условиях количество «смысловых версий интерпретационного поля» [Ким, 2010].

Заключение

Подводя итог, отметим, что полученные экспериментальные данные позволяют верифицировать сформулированное нами положение о том, что неоднозначно интерпретируемый носителями языка, имеющими специальные познания (экспертами-лингвистами), текст закона будет неоднозначно понят и рядовыми носителями языка, не имеющими специальных познаний. Иными словами, экспериментальным путем «было установлено противоречие между иллюзией как коммуникативным намерением законодателя, его стремлением создания непротиворечивого, однозначно толкуемого текста и перлюкцией, т.е. множественностью и вариативностью интерпретаций этого текста» [Ким, 2022, с. 309] носителями языка.

Отметим ряд особенностей неофициального толкования текста закона.

1. Особенности профессионального толкования: носители языка, имеющие специальные (лингвистические) познания (эксперты-лингвисты), текст закона толкуют неоднозначно; по их мнению, в контексте рассматриваемого фрагмента статьи закона возможна реализация двух вариантов интерпретаций.

2. Особенности доктринального (научного) толкования: носители языка, имеющие специальные (юридические) познания (ученые-юристы), текст закона толкуют однозначно; при этом их вариант ин-

¹³ Мы солидарны с позицией Л.Г. Ким, согласно которой «Интерпретационное поле представляет собой континуальное ментальное пространство, характеризующееся своим непрерывностью» [Ким, 2010, с. 206].

терпретации фрагмента статьи ФЗ «О рекламе» отличается от вариантов интерпретаций экспертов-лингвистов.

3. Особенности обыденного толкования: (студенты) рядовые носители языка, не имеющие специальных (лингвистических или юридических) познаний, текст закона толкуют неоднозначно; по мнению студентов, в анализируемом фрагменте статьи закона возможна реализация всех предложенных им вариантов интерпретаций; наибольшим количеством рядовых носителей языка выбран вариант интерпретации, сформулированный на основе доктринальных (научных) толкований ученых-юристов.

Библиографический список

Арзамасов Ю.Г. Проблемы доктринального толкования права // Вестник Российского университета дружбы народов: Юридические науки. 2016. № 4. С. 9-25. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-doktrinalnogo-tolkovaniya-prava>

Батюшкина М.В. Юрико-лингвистическая неопределенность терминов и норм российских законов // Русистика. 2021. Т. 19. № 2. С. 138-154. Электронный ресурс <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-138-154>

Белов С.А., Тарасова К.В. Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 4. С. 610-625. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.401>

Беляева О.М. Толкование норм права // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. № 6. С. 39-47. Электронный ресурс https://kpfu.ru/portal/docs/F_133325081/149_6_gum_5.pdf

Бошно С.В. Толкование норм права // Право и современные государства. 2013. № 4. С. 17-25. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/tolkovanie-norm-prava-1>

Воробьева М.Е. Функционирование юридических терминов в обыденном сознании носителей русского языка // СибСкрипт. 2011. № 3. С. 174-180. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-yuridicheskikh-terminov-v-obydennom-soznanii-nositeley-russkogo-yazyka>

Воробьева М.Е. Оппозиция официального и обыденного толкования права (лингвокогнитивный аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 35-41. Электронный ресурс

<https://cyberleninka.ru/article/n/oppozitsiya-ofitsialnogo-i-obydenного-tolkovaniya-prava-lingvokognitivnyy-aspekt>

Голев Н.Д., Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2009. № 27 (165). Вып. 34. С. 12–20. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/variativno-interpretatsionnoe-funktsionirovanie-teksta-k-voprosu-o-rasshireнии-granits-lingvisticheskoy-variantologii>

Голев Н.Д. Обыденное филологическое толкование текста закона как компонент правовой коммуникации: взгляд лингвиста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 2. С. 5–15. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/obydennoe-filogicheskoe-tolkovanie-teksta-zakona-kak-komponent-pravovoy-kommunikatsii-vzglyad-lingvиста>

Голев Н.Д. Юридическая терминология в контексте доктринального толкования // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 138–148. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-terminologiya-v-kontekste-doktrinalного-tolkovaniya>

Городишенина Е.В. Научная юридическая терминология в официальном и неофициальном толкованиях права // СибСкрипт. 2015. № 1–4 (61). С. 153–157. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-yuridicheskaya-terminologiya-v-ofitsialnom-i-neofitsialnom-tolkovaniyah-prava>

Камер Ю.Е. Оппозиция профессионального и обыденного толкования права (на материале вариантов интерпретаций фрагментов юридических текстов) // Культура и текст. 2024. № 1 (56). С. 129–140. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/oppozitsiya-professionalного-i-obydenного-tolkovaniya-prava-na-materiale-variantov-intepretatsiy-fragmentov-yuridicheskikh-tekstov>

Ким Л.Г., Голев Н.Д. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 144–153. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-otnosheniyah-adresata-avtora-i-teksta-v-paradigme-lingvisticheskogo-interpretatsionizma>

Ким Л.Г. Интерпретационное поле как реализация вариативно-интерпретационного потенциала текста (на материале лингвистического эксперимента) // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 203–212. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsionnoe-pole-kak-realizatsiya-variativno-interpretatsionного-potentsiala-teksta-na-materiale-lingvisticheskogo>

Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста : монография. Кемерово: Кемеровский государственный университет. 2012. 272 с.

Ким Л.Г. Объективные и субъективные факторы вариативности интерпретаций текста закона в специальной юридической литературе и в обыденном сознании носителей языка // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 298-311. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnye-i-subektivnye-factory-variativnosti-interpretatsiy-teksta-zakona-v-spetsialnoy-yuridicheskoy-literature-i-v-obydennom>

Нарожняя С.М. Лексико-фразеологические единицы с размытой / совмещенной семантикой в «комплексе И.С. Пересветова» // Филологические исследования: международный сборник научных трудов / Белгород. гос. ун-т, Запорож. юрид. ин-т МВД Украины / отв. ред. В.Ф. Прохоров. Белгород; Запорожье, 2003. Вып. 2. С. 157-164.

Овчинникова О.Д., Шаганян А.М. Некоторые проблемы интерпретации норм права // Юрист-правоведъ. 2017. № 4 (83). С. 22-26. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-interpretatsii-norm-prava>

Савченко А.Н., Иоффе В.В. Общее языкознание / отв. ред. П.В. Чесноков. Ростов н/Д; Изд-во Рост. ун-та, 1985. 208 с.

Сырых В.М. Теория государства и права : учебник для вузов. М.: ЗАО Юстицинформ, 2012. 704 с.

Туранин В.Ю. Три причины трудности понимания текста закона // Российская юстиция. 2010. № 1. С. 2-4.

Черданцев А.Ф. Теория государства и права : учебник для вузов. М.: Юрайт-М, 2002. 432 с.

Щербак Ю.Е. Обыденная интерпретация юридических высказываний (на материале лингвистического теста) // Юрислингвистика. 2023. № 28 (39). С. 83-88. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/obydannaya-interpretatsiya-yuridicheskikh-vyskazyvaniy-na-materiale-lingvisticheskogo-testa>

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 685 с.

Источники

Бадалов Д.С. Комментарий к Федеральному закону «О рекламе»: (постатейный) / Д.С. Бадалов, И.И. Василенкова, С.А. Пузыревский. М.: Велби: Проспект, 2004. 352 с.

Заключение комиссии специалистов-лингвистов № 48–11/12 от 28 ноября 2012 г. Электронный ресурс <https://rusexpert.ru/public/expertizu-pdf/9.3.ZakltermFZOrek12012.pdf>

Кайль А.Н. О рекламе: комментарий к Федеральному закону от 13.03.2006 № 38-ФЗ (постатейный). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2007.

Оценка сложности языка законов. Электронный ресурс [https://icef.hse.ru/data/2020/03/18/1567926862/Оценка%20сложности%20законов%20030320+%20\(1\).pdf](https://icef.hse.ru/data/2020/03/18/1567926862/Оценка%20сложности%20законов%20030320+%20(1).pdf)

Постатейный комментарий к Федеральному закону «О рекламе» / Д.С. Бадалов, И.И. Василенкова, Н.Н. Карташов, С.Ф. Котов, Т.Е. Никитина. М.: Статут, 2012. 462 с. Электронный ресурс <https://znanium.com/catalog/product/339093>.

О рекламе (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) : Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 29.09.2025). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Первоначальный текст документа опубликован в издании «Российская газета», № 51. 15.03.2006.

References

Arzamasov Yu.G. Problems of the doctrinal interpretation of law. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov: Yuridicheskiye nauki*. = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia: Legal Sciences, 2016, no. 4, pp. 9–25. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-doktrinalnogo-tolkovaniya-prava>. (In Russian).

Batyushkina M.V. Legal and linguistic uncertainty of terms and norms of Russian laws. *Rusistika* = Russian Language Studies, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 138–154. Retrieved from: <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-138-154> (In Russian).

Belov S.A., Tarasova K.V. Intelligibility of legal documents: legal fiction or presumption? *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* = Bulletin of St. Petersburg University. Law, 2019, no. 4, pp. 610–625. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.401> (In Russian).

Belyaeva O.M. Interpretation of legal norms. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta: Gumanitarnye Nauki* = Scientific notes of Kazan State University. Series: Humanities, 2007, vol. 149, no. 6, pp. 39–47. Retrieved from: https://kpfu.ru/portal/docs/F_133325081/149_6_gum_5.pdf (In Russian).

Boshno S.V. Interpretation of legal norms. *Pravo i sovremennye gosudarstva* = Law and modern states, 2013, no. 4, pp. 17–25. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tolkovanie-norm-prava-1> (In Russian).

Cherdancev A.F. Theory of State and law, Moscow, 2002, 432 p. (In Russian).

Golev N.D. Juridical terminology in the context of doctrinal interpretation. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* = Siberian Journal of Philology, 2015, no. 4, pp. 138–148. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-terminologiya-v-kontekste-doktrinalnogo-tolkovaniya> (In Russian).

Golev N.D. Ordinary philologic interpretation of the text of the law as a component of legal communication: the linguistic view. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* = Questions of cognitive linguistics, 2014, no. 2, pp. 5–15. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/obydennoe-filologicheskoe-tolkovanie-teksta-zakona-kak-komponent-pravovoy-kommunikatsii-vzglyad-lingvista> (In Russian).

Golev N.D., Kim L.G. Variative-interpretative functioning of the text (on expanding the boundaries of linguistic variantology). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* = Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art History, 2009, no. 27 (165), iss. 34, pp. 12–20. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/variativno-interpretatsionnoe-funktsionirovanie-teksta-k-voprosu-o-rasshirenii-granits-lingvisticheskoy-variantologii> (In Russian).

Gorodishenina E.V. Scientific legal terminology in formal and informal interpretations of law. *SibSkript* = SibScript, 2015, no. 1–4 (61), pp. 153–157. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-yuridicheskaya-terminologiya-v-ofitsialnom-i-neofitsialnom-tolkovaniyah-prava> (In Russian).

Kamer Yu.E. The opposition of professional and ordinary interpretation of the law (based on the variants of the interpretations of fragments of legal texts). *Kul'tura i tekst* = Culture and text, 2024, no. 1 (56), pp. 129–140. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/oppozitsiya-professionalnogo-i-obydennogo-tolkovaniya-prava-na-materiale-variantov-intepretatsiy-fragmentov-yuridicheskikh-tekstov> (In Russian).

Kim L.G. Interpretation field as the realization of the variant text interpretation potential (based on experimental data). *Sibirskii filologicheskii zhurnal* = Siberian Journal of Philology, 2010, no. 1, pp. 203–212. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsionnoe-pole-kak-realizatsiya-variativno-interpretatsionnogo-potsiala-teksta-na-materiale-lingvisticheskogo> (In Russian).

Kim L.G. Objective and subjective factors for variability in interpreting the law text in specialized legal literature and in everyday consciousness of language speakers. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* = Siberian Journal of Philology, 2022, no. 2, pp. 298-311. <https://doi.org/10.17223/18137083/79/21> (In Russian).

Kim L.G. Variative-interpretative functioning of the text. Kemerovo, 2012, 272 p.

Kim, L.G., Golev N.D. On relations of addressee, author and text in the paradigm of linguistic interpretationism. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* = Siberian Journal of Philology, 2008, no. 1, pp. 144-153. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-otnosheniyah-adresata-avtora-i-teksta-v-paradigme-lingvisticheskogo-interpretatsionizma> (In Russian).

Linguistics. The Great Encyclopedic Dictionary. Ed. by V.N. Yarceva. Moscow, 1998, 685 p. (In Russian).

Narozhnyaya S.M. Lexical and phraseological units with blurred/combined semantics in the «I.S. Peresvetov Complex». *Filologicheskie issledovaniya* = Philological research, Belgorod; Zaporizhia, 2003, iss. 2, pp. 157-164. (In Russian).

Ovchinnikova O.D., Shaganyan A.M. Some problems of interpretation of norms of law. *Yurist" -pravoved"* = Lawyer-legal expert, 2017, no. 4 (83), pp. 22-26. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-interpretatsii-norm-prava> (In Russian).

Savchenko A.N., Ioffe V.V. General linguistics, Rostov-on-Don, 1985. 208 p. (In Russian).

Shcherbak Yu.E. Commonplace Interpretation of Legal Utterances (Case Study of a Linguistic Test). *Yurilingvistika* = Legal Linguistics, 2023, no. 28 (39), pp. 83-88. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2023\)2814](https://doi.org/10.14258/leglin(2023)2814) (In Russian).

Syryh V.M. Theory of State and law, Moscow, 2012, 704 pp. (In Russian).

Turanin V.Yu. The three causes of difficulty of understanding law text. *Rossiiskaya yustitsiya* = Russian justice, 2010, no. 1, pp. 2-4. (In Russian).

Vorobyova M.E. Functioning of juridical terms in ordinary consciousness of native speakers of Russian. *SibSkript* = SibScript, 2011, no. 3, pp. 174-180. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-yuridicheskikh-terminov-v-obyedennom-soznanii-nositeley-russkogo-yazyka> (In Russian).

Vorobyova M.E. Opposition of official and ordinary interpretations of the law (cognitive aspect). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Tomsk State University, 2014, no. 383, pp. 35-41. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/oppozitsiya-ofitsialnogo-i-obyedennogo-tolkovaniya-prava-lingvokognitivnyy-aspekt> (In Russian).

List of Sources

Article-by-Article Commentary on the Federal Law «On Advertising, Moscow, 2012, 462 p. Retrieved from: <https://znanium.com/catalog/product/339093> (In Russian).

Assessment of the complexity of the language of laws. Retrieved from: [https://icf.hse.ru/data/2020/03/18/1567926862/Оценка%20сложности%20законов%20030320+%20\(1\).pdf](https://icf.hse.ru/data/2020/03/18/1567926862/Оценка%20сложности%20законов%20030320+%20(1).pdf) (In Russian).

Badalov D.S. et al. Commentary on the Federal Law «On Advertising»: (article by article), Moscow, 2004, 352 p. (In Russian).

Conclusion of the Commission of Linguists, no. 48-11/12 dated November 28, 2012. Retrieved from: <https://rusexpert.ru/public/expertizy-pdf/9.3.ZakltermFZOrekl2012.pdf> (In Russian).

Federal'nyj zakon ot 13.03.2006 g. № 38-F3 (red. ot 29.09.2025) «O reklame». = Federal Law “On Advertising”. The document was not published in this form. Accessed from the legal reference system «ConsultantPlus». The original text of the document was published in the *Rossiyskaya Gazeta* edition, no. 51ю 15.03.2006.

Kajl' A.N. On Advertising: Commentary on Federal Law, no. 38-F3 of March 13, 2006 (article by article). The document was not published. Accessed from the legal reference system «ConsultantPlus» 2007.

БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА БАРГУЗИНСКОГО ГОВОРА ПОТОМКОВ БАРГУТОВ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

В.И. Тармаева, Г. Цоглхагва

Ключевые слова: баргутский диалект, баргузинский говор, Баргузинский и Курумканский районы Республики Бурятия, бытовая лексика, баргу-бурятская общность

Keywords: Bargut dialect, Barguzin dialect, Barguzin and Kurumkan regions of the Republic of Buryatia, everyday vocabulary, Bargu-Buryat community

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)2–02](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)2–02)

Введение
Данная работа является обобщающей диалектологической работой о бытовой лексике баргузинского говора потомков баргутов Баргузинской долины Республики Бурятия. В этой связи следует уточнить следующее: имеются работы монгольских и китайских исследователей истории баргутов, в которых баргузинские буряты определяются как одна из ветвей племени баргутов [Харгана, 1999, с. 34]. В частности, с этим мнением солидарен китайский исследователь истории баргутов Галзут Тубшиннима, который считает, что историю баргутов нельзя рассматривать в отдельности от истории бурят [Тубшиннима, 2008, с. 55].

О былой этнокультурной общности между хори-бурятами и баргутами упоминает Л.Б. Бадмаева. Она также отмечает, что «лексические параллели в языке баргутов и бурят показывают, что данные языки сформировались в рамках одной языковой общности — баргу-бурятской, которая могла изначально сформироваться на территории Прибайкалья. Эта языковая общность, возможно, образовалась в результате тесного территориального контактирования, семейно-брачных и военных союзов этносов» [Бадмаева, 2012, с. 162]. Э.В. Афанасьева также указывает на то, что высокая степень сходства языка баргутов и бурят Прибайкалья может быть свидетельством единства происхождения баргутского и бурятского языков и реального существования баргу-бурятской языковой общности [Афанасьева, 2006].

Актуальность данного исследования обусловлена следующими факторами:

1. Баргутский диалект представляет собой в настоящее время малоизученную и недостаточно исследованную нишу.

2. Мнения отечественных и зарубежных специалистов о статусе языка баргутов различны: ряд исследователей объединяют его с бурятским языком и рассматривают его в качестве баргу-бурятского наречия, другие определяют его в качестве самостоятельного диалекта.

3. В связи с недостаточностью исторического и языкового материала в работах отечественных исследователей осуществлялись только некоторые параллели с баргутским языком в аспекте истории бурятского языка.

4. Ранее не предпринималось изучение бытовой лексики баргузинского варианта языка потомков баргутов.

5. Отбор, систематизация и описание особенностей бытовой лексики языка потомков этнической группы баргутов России необходимы для более глубокого понимания языковых процессов, культуры и истории не только данного этноса, но также для изучения проблем статики и динамики разных диалектов, поскольку в настоящее время значительное количество диалектных лексем из различных диалектов уже не является принадлежностью активного словаря диалектоносителей, не употребляется в их повседневной речи, уходит на периферию лексической системы, а отдельные наименования утрачиваются в силу ряда причин.

Методы исследования

В соответствии с поставленной целью в работе применялись следующие методы: описательно-аналитический метод, включающий различные приемы лингвистического анализа бытовой лексики баргузинского говора потомков баргутов; метод лексико-семантического и лексикографического анализа зафиксированных диалектных лексем бытовой лексики; метод компонентного анализа для определения семантического объема диалектных единиц бытовой лексики; лингвокультурологический метод для реконструкции общего уклада жизни, окружающей обстановки, обычаев, нравов потомков баргутов Республики Бурятия; различные виды полевой деятельности (наблюдение, опрос и т.п.) для ознакомления с повседневной жизнью потомков баргутов Республики Бурятия.

В связи с определением методологических оснований исследования необходимо отметить следующее. Многие вопросы, связанные прежде всего с происхождением баргутов, историей развития баргутского языка, остаются дискуссионными. Мы в своей работе не пытаемся отсто-

ять ту или иную историческую точку зрения на эти вопросы. Мы лишь разделяем мнения историков, на основании которых мы можем вести исследовательскую работу. В частности, наша солидарность с мнением Э.Б. Афанасьевой и Л.Б. Бадмаевой об единой баргу-бурятской языковой общности, а также монгольского историка Ж. Өлзий Харгана о том, что баргузинские буряты являются одной из ветвей племени баргутов [Харгана, 1999, с. 34], дает нам возможность проанализировать особенности бытовой лексики баргузинского говора, который гипотетически может являться языком потомков баргутов.

Проведенный нами анализ лексики баргузинского говора и баргутского диалекта Монголии и АРВМ Китая показал значительное количество совпадений. Наличие большого объема сходных элементов в лексике позволяет говорить с большей долей вероятности о единстве происхождения этих языков. По мнению ученых, лексико-семантический уровень языка является социально значимым для этноса, проявляет тесную связь с объективной действительностью, поскольку «лексика — это бытие, прошедшее через общественное сознание» [Пляскин, 2012, с. 72-77].

В 2014 г. нами были предприняты полевые экспедиции в Баргузинский и Курумканский районы Бурятии. Нам удалось получить самоиздат небольшого словаря диалектных слов и устойчивых сочетаний баргузинского (гипотетически потомков баргутов) говора, изготовленного в 2014 г. в формате брошюры. Лексика данного издания была собрана учителями бурятского языка средних школ Баргузинского и Курумканского районов [Бархан уулын сэсэгууд, 2014]. Название данного сборника в переводе «Цветы горы Бархан» отсылает к горе Бархан-Уула (Баргахан), которая в Бурятии почитается как эжин (=хранитель) местности, что отражает древние шаманские верования, общие для баргутов и других монгольских народов. Согласно местной легенде на горе похоронен один из известных баргутских повелителей. Во время диалектологических экспедиций мы вели опросы местных жителей, которые относили себя к баргутам и в повседневной речи использовали лексику баргутского диалекта. Местные информанты: Сергей Хобисхалович Ринчино, 1957 г. р., с. Аргада; Жорж Мангутович Абзаев, 1959 г. р., с. Курумкан; Баир Цыремпилович Гомбоев, 1970 г. р., с. Баргахан; Биликто Александрович Базаров, 1976 г. р., с. Курумкан. В связи с этим необходимо отметить, что «этническое самосознание, по определению этнологов, — это чувство принадлежности к определенному этносу, его важный признак, являющийся отражением в сознании людей реально существующих этнических связей и проявляющийся в форме самона-

звания» [Этнические и этно-социальные категории: Свод этнографических понятий и терминов, 1995; Зориктуев, 2007, с. 66].

Справедливости ради следует сказать, что по проблеме родства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, гипотетически объединенных алтаистикой, возникшей на базе сравнительно-исторического языкознания около 300 лет тому назад, существуют разные мнения, в том числе противоположные. Одни исследователи видят в сходстве лексики и грамматики генетическое родство, другие считают данное сходство результатом длительных языковых контактов. Тем не менее исследователи едины во мнении по поводу наличия большой лингвистической общности между перечисленными языками [Рассадин и др., 2018].

Задача исследования — изучить бытовую лексику баргузинского говора. Как известно, бытовая лексика представлена лексемами, которые выражают наиболее необходимые и жизненно важные понятия, охватывающие различные стороны человеческого бытия в повседневной жизни. Названия предметов быта и обихода знакомят с материальной культурой народа. Данная лексика отражает связи и взаимоотношения исследуемого этноса с соседними этносами, поскольку лексические единицы данной тематической группы четко реагируют на различные социальные и экономические факторы изменения условий жизни [Мазинов и др., 2023].

Исследование и результаты

Современная территория Баргузинской долины является исконной родиной баргутов. Хотя прошло уже много времени с тех пор, как большая часть семей баргутов мигрировала оттуда (в XVII в.), о местах их проживания указывают топонимы: Баргутская падь, Баргутская мельница, Баргузин, гидроним Баргузин. В отмеченной местности расположена Баргузинская котловина, описанная в знаменитом «Сокровенном сказании монголов», а названия горы Бархан (см. упомянутый выше словарь-самоиздат «Цветы горы Бархан») и реки Баргузин тесно связаны с историей и культурой баргутов [Бадмаева, 2012].

Мы предполагаем, что:

— отдельные семьи баргутов остались проживать на территории Баргузинской долины, претерпев последующую частичную ассимиляцию;

— поскольку оставшиеся семьи баргутов проживали компактно и изолированно от основного этноса, они продолжали общаться на родном языке в кругу семьи, сохраняя родную лексику;

— благодаря существовавшей сильной культурной традиции, а также высокой степени национальной идентичности и престижа родного

языка среди оставшихся баргутов они сумели сохранить самобытность культуры даже при смене некоторых культурных маркеров.

В нашей работе мы используем выражение «баргузинский вариант» баргутского диалекта, поскольку баргуты, проживавшие в Баргузинской котловине, называли свою родину Баргуджин-Токум. В «Сокровенном сказании монголов» имеется информация о том, что прапра-мать Чингис-хана Алун-гоа была дочерью Баргужин-гоа, а ее дядей был Баргудай-мэргэн. Л.С. Бадмаева отмечает, что «возможно, это не личные имена, а имена, образованные от названия племени „барга“» [Бадмаева, 2012]. В середине XIII в. венецианский путешественник Марко Поло дал описание «равнины Бангу, или Баргу» [Мельхеев, 1965, с. 115]. В данном случае путешественник, как предполагается, описал историческую родину баргутов — Баргузинскую долину.

Соответственно, выделяемый в настоящее время баргузинский говор попал в фокус нашего исследования как возможный современный вариант прабаргутского диалекта. Как отмечали ранее, проведенный нами анализ лексики баргузинского говора и баргутского диалекта Монголии и АРВМ Китая (баргуты являются частью официального монгольского населения Внутренней Монголии, пользуются правами национального меньшинства в КНР) показал большое количество совпадений. Консервативная в плане изменения базовая лексика — личные местоимения, названия частей тела, базовые имена существительные, обозначающие природу, стихии, а также предлоги и союзы — языка потомков баргутов Баргузинской долины значительно совпала с названиями баргутского диалекта Монголии и Китая.

Целью данной работы является анализ бытовой лексики баргузинского говора, служащей средством повседневного обиходно-бытового общения его немногочисленных носителей, считающих себя потомками баргутов.

Представляется необходимым привести определения тех понятий, которые являются ключевыми в данном исследовании. Говор характеризуется в Лингвистическом энциклопедическом словаре как «элементарная, минимальная ареальная единица языка», диалект — «разновидность языка, используемая как средство общения между людьми, связанными одной территорией. Диалекты характеризуются относительным единством языковой структуры (фонетики, грамматики, лексики) и противопоставляются литературному языку» [Касаткин, 1990, с. 133]. Как отмечают исследователи, диалектной лексике присуща устойчивость, обусловленная особенностями коммуникативной ситуации, в которой сформировался и существует диалект или говор

[Касаткие, 1990, с. 133; Опарина, 2024]. Однако необходимо принимать во внимание процессы нивелирования, обусловленные различными факторами. Так, С.В. Пискунова и Н.А. Кирьянова отмечают: «Все более суживающийся состав носителей территориальных диалектов сказался на характере их функционирования. В настоящее время наиболее типичными сферами их употребления являются семья и разного рода ситуации непринужденного общения односельчан друг с другом. Во всех иных коммуникативных ситуациях можно наблюдать смешанные формы диалектной речи с переходом в просторечие» [Пискунова и др., 2022, с. 9]. «Однако диалектная лексика остается более статичной, чем общенародный разговорный язык, что позволяет исследователям выявлять и фиксировать ее языковую специфику и связь с родной культурой» [Опарина, 2024, с. 89].

По результатам исследования, важную часть словарного состава баргузинского говора составляет бытовая лексика. Мы солидарны со следующим определением, в соответствии с которым бытовая лексика — это «лексика, включающая в свой состав слова повседневного обихода, называющие предметы и явления быта, т.е. общего уклада жизни, окружающей обстановки, обычаев, нравов и т.д.» [Брагина, 2007, с. 493; Машинист, 2020]. Номинации бытовой лексики баргузинского говора объединены в следующие лексико-семантические группы: названия кухонной утвари и домашнего обихода, названия жилищ и хозяйственных построек, названия орудий труда, названия пищи, термины родства, названия животного и растительного мира и др. В каждой лексико-семантической группе мы выделили следующие подгруппы.

1. Названия кухонной утвари и домашнего обихода:

— названия кухонной утвари: *гүсэ* 'заварник', *аршуур* 'тряпка', *едоохой* 'бидончик', *зантуу* 'ведро', *лушан* 'щепка', *мэнүүн*, *мэнүүхэн* 'посуда', *хубардаан* 'сковорода', *ужа* 'рожок для вскармливания ребенка', *хонхосой* 'стакан', *амуур* 'горлышко', *хидага* 'деревянная посуда';

— названия домашнего обихода: *нухалга* 'выдвижной ящик у стола', *борьсо* 'щеколда', *данхай* 'шкафчик для посуды', *ноохлой* 'баракло', *орон* 'кровать', *талмаг*, *талбаг* 'седушка, коврик', *убэлг* 'небольшой бортик у кровати', *хобсор* 'подстилка в виде коврика из шкур овечьих, лошадиных ног', *хүнжүүр*, *хүнжүүл* 'часть кровати у изножья', *үнжэл хүрхэ* 'постельное белье', *ширээ* 'низкий столик';

2. Названия жилищ и хозяйственных построек:

— названия постоянных жилищ: *бага гэр* 'маленький домик, летник', *бурайд гэр* 'зимовье, летний домик';

— названия временных жилищ: *нажаржаан* ‘летник’, *балгаан* ‘балаган’;

— названия частей жилищ: *гэшихүүр* ‘ступенька’, *данхуй* ‘навес’, *дараанса* ‘крыша’, *ёолмо* ‘конёк крыши дома’, *забаалин* ‘завалинка’, *нюрга модон* ‘балка дома’, *уртуүхэн* ‘ветки ивы для вязки изгороди’, *хабшалга* ‘трёхгранный колышек для изгороди’, *хүрэй* ‘забор’, *хүшэлтэ* ‘плетёная изгородь’, *хэрэнсэй* ‘крыльцо’, *шагаабари* ‘окно’;

— названия хозяйственных построек: *ильден* ‘ограждение для стогов сена’, *тээрэм* ‘мельница’, *оёор* ‘пол’, *онгоошихо* ‘окошко’, *иргэнэг*, *хаабар* ‘клетки для телят’, *хаяа* ‘стойка’, *холдообхо* ‘кладовая’.

Одной из многочисленных особенностей материальной культуры потомков баргутов Баргузинской долины является юрта с камышовой крышей. В таких юртах летом и в настоящее время проживают старые баргуты Китая.

В прошлом, занимаясь кочевым скотоводством, баргуты жили в таких юртах, которые назывались *хулсан гэр* (‘камышовая юрта’). Структура этой юрты не отличается от других монгольских юрт и состоит из верхнего деревянного круга (*тооно*), жердей крыши (*уняа*), деревянных решетчатых стен (*хана*), двери, камышовой крыши, тальниковых стен (*шиг*), внутренней камышовой стены (*хаас*), внутренних и внешних веревок для крепления стен (*булюур*, монг. *буслуур*), 16 веревок для укрепления крыши (*оор*, монг. *оосор*).

Камышовая крыша состоит из внутренней крыши (*дотор дээвэр*), внешней крыши (*гадар дээвэр*), средней части (*дунд араалан*), дымохода (*хоолой ороомол*). При изготовлении этой крыши большое значение имеет подбор материала по длине и высоте. Для *шиг* (‘стен, которые обрамляет деревянный каркас’) выбирается ровный красный тальник (*ива*), который соединяется веревками, сплетенными из волос скота. Волосная веревка от дождя становится еще крепче и не подвергается воздействию солнца. Перед изготовлением стены шиг тальник просушивают, подрезают, подгоняют по толщине, чередуя толстый и тонкий концы. Затем прутья связываются волосяной нитью. В завершение ровно подрезаются концы стенки.

Обычная стенка *шиг* имеет высоту 140 см, длину 4 м, состоит из 600 прутьев. В среднем юрта имеет 4 стены. Как правило, для одной стены используется около 160 м тонкой волосяной нити, для одной юрты необходимо сплести 680 м нити. Внутренняя стена (*хаас*), внутренняя крыша, внешняя крыша изготавливаются из тонкого камыша. Срезанные стебли камыша выбираются в соответствии с толщиной, этот процесс называется *хулс хэгших*. Затем стебли камыша подрезаются

до определенной длины, этот процесс называется *хулс уелэх*. Внутренние стены из камыша (*хаас*) обрамляют деревянные решетчатые стенки изнутри юрты. Они защищают от дождя, ветра и холода и приятны внешне. Их делают из тонкого камыша, чередуя с тремя прутьями тальника для красоты (красный тальник чередовался с желтым камышом), данный процесс называется *жишигтээр алаглах*. Верхнюю часть сшивают волосяной нитью.

Веревки являются важной частью юрты. Вережки, опоясывающие стены, изготавливаются из волос скота и различаются по ширине, цвету и форме, также служат дополнительным украшением юрты. Сначала волосы вручную разминают и отделяют друг от друга. Процесс размятого и свитого волоса называется *хялгас туутгийлэх*. После этого делаются небольшие клубочки, процесс называется *хялгас хурайлах*. Такую нить вставляют в деревянное приспособление для изготовления веревок, опоясывающей юрту, и начинают ее вязать (*нэхэх*). Для изготовления широкой веревки используют 30 двойных нитей, для тонкой веревки — 22. Длина веревки для обычной юрты составляет 18–20 метров.

Вережки, опоясывающие юрту, обычно двух видов: вязаные и шитые. При изготовлении шитой веревки волос скручивают с разной силой, затем 2 веревки совмещают, подгоняя плотную и неплотную части, после сшивают верблюжьей шерстяной нитью. Использование белого, черного и рыжего волоса, а также чередование волос с разной плотностью придает веревкам красочный вид. Шитая веревка крепится посередине.

После подгонки деревянных стен и жердей юрты края двух частей камышовой крыши придавливаются и скрепляются 16 веревками (оор) крест-накрест, образуя 4 квадрата. Крепко связанные, подогнанные по высоте крыша и стены привлекают своей красотой.

3. Названия орудий труда:

— названия орудий ручного труда: *хошхо* ‘совок для мусора’, *хатаар* ‘доска с бортиками для потрохов’, *дули* ‘камни для очага’, *ишээбэр* ‘кочерга’, *лаастабхи* ‘лопата’, *хурзэ* ‘большая лопата’, *этуур* ‘широкая деревянная лопатка для разгребания снега’;

— названия режущих и точильных инструментов: *тонгорог* ‘перочинный ножик’, *хотиго* ‘нож’, *хурэй* ‘пила’.

Названия предметов, применяемых в сельском хозяйстве: *адяар* ‘поперечина для перевозки сена на санях’, *аргаан*, *аргаанан* ‘навоз’, *бухатармуур* ‘трабли для размельчения сухого навоза скота’, *бухалай аса* ‘вилы для сооружения копны’, *бүгдөөдүүн* ‘затычка’, *гатуун* ‘палка с железным наконечником’, *гурбалжан* ‘путы для трёх ног коня’, *ёлоо* ‘поводья’, *иргүүлгэ* ‘кожемялка’, *ирэ* ‘острие’, *матаанай аса* ‘вилы для зарос-

да, *минаа* 'кнут', *мөөр* 'колесо', *налба* 'застеленная тележка для перевозки сена', *нюрганай аса* 'вилы для завершения зарода', *тунаа* 'путы для передних двух ног коня', *туйр* 'сенная труха', *урхэр тэргэ*, *урхэр шарга* 'двухколёсные повозки для тяжелого груза', *дэгээ* 'крюк для сена', *үрээлэ* 'путы для двух односторонних ног коня', *хабидха*, *хабида* 'путы на задние ноги коровы', *хаг* 'послед', *хайбаг* 'лодка-плоскодонка', *хии* 'подстилка для скота', *холбоо* 'плот', *хэршээһэн* 'заготовленная древесина для последующего распила', *шоро* 'орудие для перевозки копны сена', *шубшүүргэ* 'свисток', *шүргэ* 'намордник для телят', *шэргүүбиэ тэрэгний арал* 'оглобли', *мэшиэл* 'мешок'.

4. Названия пищи, повседневных продуктов, блюд и напитков, которые используются в ежедневном обиходе:

— названия блюд: *забарууха* 'мучная болтушка', *хара шүлэн* 'постный суп', *ээдмэг пахта*, *ээзгэй* 'блюдо из молозива', *юһэндүүн* 'кусочек хлеба';

— названия пищи и повседневных продуктов: *хирмаса* 'мелкие куски мяса', *борсо*, *хургаанан* 'сушёное мясо', *дабуун* 'соль', *зубалга* 'тощее мясо', *зэмүүһэн* 'мясной набор, гостинец', *нимжэгэн* 'масло жирное', *сагаан талхан* 'мука', *уүхэн* 'сало', *хальюуһан* 'кожура', *хара талхан* 'зерно', *хитаруулга* 'калач', *хэлеймо* 'хлеб', *шарууһан* 'мясо (конина, говядина)';

— названия напитков: *байхабай* 'байховый чай', *тогооной архи* 'молочная водка, тарасун'.

У потомков баргутов Баргузинской долины, как и у баргутов Монголии и Китая, все молочные блюда используются при проведении ритуальных обрядов. Так, молоко утренней дойки безымянным пальцем правой руки брызгают в небо (это действие называется эсэгэ тэнгри), затем по сторонам света (=сасал оргохо), а также на землю (=эхэ дэлхий).

Мясные блюда являются основой рациона баргутов и потомков баргутов Баргузинской долины. На стол почетным гостям ставят голову барана (=тоооэй), бараний крестец (=уужа/ууса), берцовую кость (=шананта), лопатки (=дала), ребра (=хавирга), грудную часть (=сээр) с позвонками и нарезанное на куски мясо (=бухэлеэр).

5. Названия обитателей живой природы:

— дикие и домашние животные: *һомо морин* 'верховая лошадь', *адуу мал* 'скот', *адуун* 'конь', *аймтан* 'животное', *зумбраа*, *зумари* 'суслик', *мухардаан* 'комолая корова (мясная порода крупного рогатого скота)', *неэн* 'корова', *урхэр* 'вол', *шоогой* 'коза', *шоошхо* 'кошка';

— птицы: *доржоохой* 'воробей', *зурбаахай* 'птенец', *сахали* 'чайка';

— рыбы: *загуун, загууһан* 'рыба', *сордон* 'щука', *хоолэнтэй, хоолин-тии* 'карась';

— насекомые: *арбаахалдай* 'паук', *батаганаа* 'комар', *буургуун* 'мош-кара', *зүгэй* 'пчела', *хоргоолжон* 'червь', *илааһан* 'муха', *хольнии* 'клоп', *шилза, шалза* 'клец', *шоргоолжон, шургалжан* 'муравей'.

Такие птицы, как лебеди, гуси, орлы, белые соколы, а также домаш-ные животные, такие как лошади и коровы, — все это представители животного мира, которыми баргуты Монголии и Китая, а также баргу-зинские потомки баргутов гордятся и любят. Они украшают свои вещи и одежду изображениями этих животных и птиц.

Они также носят головной убор цвета лебедя или гуся. Самая замет-ная часть головы украшена повязкой цвета лебедя или гуся, символи-зирующей красоту тотемного идола.

Поскольку мыши очень плодовиты, изображения летучих мышей широко используются как символ размножения.

Изображение пары рыб символизирует плодородие. Использо-вание мотивов пары во всей одежде символизирует тот факт, что че-ловек — существо, состоящее из двух частей, идеального союза и со-юза двух. Оно также выражает множество смысловых оттенков, та-ких как «изобилие», «приумножение», «теплое дыхание», «идентичная пара», «власть», «больше людей» и «естественное наследование». Чис-ло два также образует ось четных чисел, что символизирует монголь-ский комплекс символов «этот мир». Женщины баргутов делят волосы на две части и носят на концах серебрянные подвески, которые назы-ваются «бэл». Каждая из этих «бэл» имеет пять косичек в форме рыбы.

6. Названия одежды, частей одежды, обуви, материалов для изготов-ления одежды, украшений и контейнеров, предназначенных для хране-ния женских принадлежностей и мелких швейных принадлежностей: *хубсаһан* 'одежда', *бос* 'хлопчатобумажная ткань', *чисчуу* 'чесуча', *дурдан* 'креп или шелк', *цэмбэ* 'сукно', *хоргой* 'парча', *ша* 'флёр', *нэхий дээл* 'рас-пашной зимний халат', *бортого малгай* 'круглая шапка', *голоод иишэг* 'обувь из кожи', *гутуун* 'обувь', *пинтууза* 'кисет для хранения женских принадлежностей', *сабъя* 'сапоги', *сультхи* 'носки', *сүсүгэй* 'каблук', *халаа-дуун* 'заплата', *хантааза* 'жилет', *ханьшин хонор* 'рукава', *ёргоон* 'шерсть', *шураг* 'бусина', *гальшахайн хобто* 'специальная небольшая коробка для хранения иголок, булавок, ниток, наперстков и других мелких швейных принадлежностей', *эһэгэй* 'войлок'.

В одежде потомков баргутов Баргузинской долины много символов, связанных с поклонением животным. Разнообразные украшения для

волос, серебряные пуговицы, ножи и заколки, широко используемые в одежде, а также как узоры, — все это свидетельствует о восприятии животных в качестве почитаемых тотемов.

Многие предметы одежды украшены узорами, символизирующими плодородие вида. Например, **женский халат (дэгэл) потомков баргутов** Баргузинской долины имеет пуговицы с изображением бабочек и колокольчики в виде бабочек внизу платья. Баргуты вырезали бабочек на овчинном пальто невесты и вышивали узоры бабочек на женских сапогах сөөхий (потомкам баргутов Баргузинской долины известна такая обувь, баргуты Китая ее носят). Узор бабочек символизирует женский дар плодородия, поэтому он широко используется в женской одежде. Узор лошади представляет собой мужской дар. Поэтому узор лошади широко используется в мужской одежде. Украшение одежды изображением лошади является символом плодородия.

7. Названия, связанные с флорой:

— растения дикой природы и культурные растения: *альруун* 'брусника', *гоогуун*, *гоогууһан* 'лук-порей', *мандюуһан* 'дикий лук', *наруун*, *нарууһан* 'сосна', *нэруун* 'голубика', *тибүүһэн*, *тибүүн* 'сарана', *хортоошхо хулһан* 'картофель', *хулуун* 'камыш', *шэнүүн*, *шэнүүһэн* 'лиственница', *ябган улаагана* 'земляника';

— основные структурные элементы дерева: *гэшиүүн* 'ветка, сучок', *набишуун*, *набишууһан* 'листья', *тортог* 'смола', *хултуун* 'кора', *шаралзан*, *шаралжан* 'высохшая хвоя', *шэлбүүн* 'хвоя', *шэлтүүһэн* 'ветки'.

8. Названия других предметов и явлений, применяемых в повседневной речи потомков баргутов: *дэлүүһэн* 'грива', *юһар* 'традиционное подношение гостям', *сааруун* 'бумага', *ебэн зэв* 'ржавчина', *дамжуур* 'лестница', *арюур* 'ручка, рукоятка', *байрса* 'святое место', *ангуури* 'лыжные охотничьи палки', *тоонто* 'узел', *хашаруун хаширсан* 'чешуя', *хүлүүн* 'пот'.

Названия родственных связей: *андаляа* 'обменный брак', *изиш* 'бабушка', *аханар*, *аханад* 'старший брат', *нирай* 'ребенок'.

Слова, выражающие оценку личностных качеств и действий: *боо-холдой чөтгөр* 'черт' (переносное значение), *таймар* 'сильный', *яргал* 'счастливый', *тодхор* 'беда, напасть', *заяаша* 'ангел-хранитель', *хайхасан* 'пронрыра', *хартагшан* 'несерьезный, легкомысленный человек', *оборзан* 'плохой нрав, склочность'.

Названия частей тела: *һорьмууһан* 'ресница', *һэлүүн* 'желчь', *арууһан* 'кожа', *атхаал* 'предплечье', *булшан* 'мышца', *бүхэ* 'зад', *гүзээн* 'живот, брюхо', *ёборга* 'кулак', *мангилай* 'лоб', *тархи толгой* 'голова', *хабууһан*, *хабуун* 'ребро', *хюмуун* 'ногти, ноготь', *шүрмүүн бүлх* 'сужожилие'.

Названия болезней и недомоганий: *хотоо* 'воспалительная болезнь рта', *шара бусалха* 'изжога', *эбиэн* 'болезнь', *шиихан хатиг* 'фурункул', *ангуу* 'рана'.

Названия сторон света: *баррай* 'юго-запад', *зуун хойно* 'северо-восток', *зуурай* 'юго-восток', *зүүшээ* 'на восток'.

Названия неживой природы: *гуу* 'овраг', *дубуун* 'холм', *мулуун* 'лед', *нажар* 'лето', *суулган* 'прорубь', *сээл* 'водоворот, омут', *убуун* 'сено', *ханааба* 'канава', *хахуй*, *хахуу* 'промёрзлая земля', *хашар* 'наледь', *хонхосой* 'впадина', *хура* 'дождь', *хубхүүл*, *нэбхүүл* 'кочка', *хүнгэрэг* 'сугроб', *энги* 'берег', *ягаабар* 'солнцепек', *ялга* 'овраг', *атуй улаан удэр* 'весь световой день'.

В заключение хотелось бы добавить следующее. Нами предварительно было осуществлено сопоставительное исследование бытовой лексики немногочисленных жителей потомков баргутов Баргузинской долины, которые считают себя баргутами, с литературным монгольским языком, а также с зарубежными вариантами баргутского диалекта. Это исследование может служить свидетельством в пользу того, что между языком баргузинского говора и языком баргутов Монголии и Китая прослеживается значительная лексическая общность. Как представляется, наблюдаемая общность в лексике с языками баргутского диалекта обусловлена не случайным, а закономерным процессом исторического происхождения родственных племен.

Заключение

Итак, в статье была проанализирована бытовая лексика баргузинского говора, носители которого, по мнению некоторых ученых и нашему, рассматриваются в качестве одной из ветвей племени баргутов, а их язык, соответственно, как один из современных вариантов прабаргутского диалекта. В результате исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Мы склонны утверждать, что
 - отдельные семьи баргутов остались проживать на территории Баргузинской долины, претерпев последующую частичную ассимиляцию;
 - поскольку оставшиеся семьи баргутов проживали компактно и изолированно от основного этноса, они продолжали общаться на родном языке в кругу семьи, сохраняя родную лексику.
2. Предполагаем, что благодаря существовавшей сильной культурной традиции, а также высокой степени национальной идентичности и престижа родного языка среди оставшихся баргутов они сумели со-

хранить самобытность культуры даже при смене некоторых культурных маркеров.

3. Лексемы баргузинского говора можно определить в качестве лексем социального говора, так как употребляются эти слова в речи представителей старшей возрастной группы, считающей себя баргутами.

4. Бытовая лексика в языке потомков баргутов применяется в кругу семьи. В повседневной сфере общения бытовая лексика баргузинского говора используется ситуативно.

5. Слова, номинирующие предметы быта в баргузинском говоре, объединены в лексико-семантические группы парадигматического типа.

6. Бытовая лексика баргузинского говора состоит из следующих лексико-семантических групп: названия кухонной утвари и домашнего обихода, названия жилищ и хозяйственных построек, названия орудий труда, названия пищи, повседневных продуктов, блюд и напитков, которые используются в ежедневном обиходе, названия обитателей живой природы, названия одежды, частей одежды, обуви, материалов для изготовления одежды, украшений и контейнеров, предназначенных для хранения женских принадлежностей и мелких швейных принадлежностей, названия, связанные с флорой, а также названия других предметов и явлений, применяемых в повседневной речи потомков баргутов (названия частей тела, названия родственных связей, слова, выражающие оценку личностных качеств и действий, названия болезней и недугований, названия сторон света, названия неживой природы).

7. Бытовая лексика исследуемого говора в основном совпадает с повседневной лексикой баргутского диалекта Монголии и Китая.

Библиографический список

Афанасьева Э.В. Исторические связи бурятского и баргутского языков. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. 148 с.

Бадмаева Л.Б. О баргу-бурятской языковой общности // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/o-bargu-buryatskoj-yazykovoy-obschnosti>

Бархан уулын сэсэгүүд. Цветы горы Бархан // Словарь диалектных слов баргузинского говора. Курумканский дацан: Гандан Ше Дувлин. 2014. 62 с.

Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 526 с.

Зориктуев Б.Р. Заметки об истории старых и новых баргутов Китая // Баргажин 2007. Электронный ресурс <https://studfile.net/preview/3544068/>

Касаткин Л.Л. Диалект // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.

Мазин А.С.-А., Ганиева Э.С. Бытовая лексика как вербализатор культурного кода в диалектной картине мира крымских татар // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Philology. Theory & Practice. ISSN 2782–4543 (online). ISSN 1997–2911 (print). 2023. Т. 16. Вып. 10. Электронный ресурс <https://philology-journal.ru/article/phil20230514/fulltext>

Машианист А.В. Бытовая лексика: семантические и функциональные особенности (на материале прозы Юрия Вэллы) // StudNet. 2020. № 9. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/bytovaya-leksika-semanticheskie-i-funktsionalnye-osobennosti-na-materiale-prozy-yuriya-velly>

Мельхеев М.Н. Топонимические свидетельства географических условий прошлого (на примерах топонимики юга Восточной Сибири) // Всесоюзная конференция по топонимике СССР: тезисы докладов и сообщений. Л., 1965. 205 с.

Опарина Е.О. Диалектная лексика русского языка: Современные исследования российских лингвистов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. 2024. № 3. С. 87–100. <https://doi.org/10.31249/ling/2024.03.07>

Пискунова С.В., Кирьянова Н.А. Диалектная подсистема русского языка в современном Тамбовском регионе // Современные русские говоры в системе языковой культуры и текстовой коммуникации: материалы круглого стола (18–19 марта 2022 г.), посвященного 75-летию со дня рождения тамбовского диалектолога, лексикографа и текстолога С.В. Пискуновой / отв. ред. А.С. Щербак. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2022. С. 8–17.

Пляскина Е.И. Диалектная лексика в говоре сел Борзинского района Забайкальского края // Гуманитарный вектор. 2012. № 4 (32). С. 72–77.

Рассадин В.И., Трофимова С.М., Болд Л. Тюрко-монгольские параллели среди терминов духовной культуры в монгольских языках // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 222–231. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/tyurko-mongolskie-paralleli-sredi-terminov-duhovnoy-kultury-v-mongolskih-yazykah>

Тубшиннига Г. Вaрууцud-un teüken irelte. История происхождения баргутов (транслитерация, перевод, примечания) / Ввод. статья и прим. Д.Д. Нимаева и Л.Б. Бадмаевой; транслит., пер. со старомонг. Л.Б. Бадмаевой, Ю.Д. Бадмаевой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 2008. 188 с.

Этнические и этносоциальные категории: Свод этнографических понятий и терминов / под общ. ред. академика Ю.В. Бромлея и профессора С.И. Вайнштейна. Отв. ред. выпуска доктор исторических наук, профессор В.И. Козлов. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. Вып. 6. 216 с.

Харгана Ж. Өлзий. Барга монголын түүх. История баргутов. Улаанбаатар, Улан-Батор, 1999. 282 с.

References

Afanas`eva E` .V. Historical connections between the Buryat and Bargut languages, Ulan-Ude` , 2006, 148 p. (In Russian).

Badmaeva L.B. About Bargu-Buryat language community. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* = Siberian Journal of Philology, 2012, no. 2. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-bargu-buryatskoy-yazykovoy-obschnosti> (In Russian).

Bragina N.G. Memory in language and culture, Moscow, 2007, 526 p. (In Russian).

Ethnic and ethno-social categories: A collection of ethnographic concepts and terms, iss. 6, Moscow, 1995, 216 p. (In Russian).

Flowers of Mount Barkhan. *Slovar` dialektny`x slov barguzinskogo govora* = Dictionary of dialect words of the Barguzin dialect, Kurumkanskiy daczan: Gandan She Duvlin, 2014, 62 p. (In Russian).

Kasatkin L.L. Dialect. *Lingvisticheskij e`nciklopedicheskij slovar`* = Linguistic Encyclopedic Dictionary, Moscow, 1990, 683 p. (In Russian).

Mashinist A.V. Everyday vocabulary: semantic and functional features (based on the prose of Yuri Vella). *StudNet*, 2020, no. 9. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/bytovaya-leksika-semanticheskie-i-funktsionalnye-osobennosti-na-materiale-prozy-yuriya-velly> (In Russian).

Mazinov A.S.-A., Ganieva E.S. Everyday vocabulary as a verbalizer of the cultural code in the Crimean Tatar dialectal worldview. *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki* = Philological sciences. Theoretical and practical issues, 2023, vol. 16, iss. 10. Retrieved from: <https://philology-journal.ru/article/phil20230514/fulltext> (In Russian).

Mel`xeev M. N. Toponymic evidence of geographical conditions of the past (using examples of toponymy in the south of Eastern Siberia). All-Union Conference on Toponymy of the USSR, Leningrad, 1965, 205 p. (In Russian).

Oparina E.O. Dialectal Vocabulary of the Russian Language: Modern Research by Russian Linguists. *Social`ny`e i gumanitarny`e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literature* = Social and Humanitarian Sciences. Domestic and

Foreign Literature, 2024, nj. 3, pp. 87-100. <https://doi.org/10.31249/ling/2024.03.07> (In Russian).

Piskunova S.V., Kir`yanova N.A. The dialect subsystem of the Russian language in the modern Tambov region. Modern Russian dialects in the system of linguistic culture and textual communication: materials of the round table (March 18–19, 2022) dedicated to the 75th anniversary of the birth of Tambov dialectologist, lexicographer, and textologist S.V. Piskunova, Tambov, 2022, pp. 8–17. (In Russian).

Plyaskina E.I. Dialectal vocabulary in the speech of the villages of the Borzinsky district of the Trans-Baikal Territory. *Gumanitarny`j vector* = Humanitarian vector. 2012. № 4 (32), pp. 72-77. (In Russian).

Rassadin V. I., Trofimova S. M., Bold L. Turkic-Mongolian parallels among terms of spiritual culture in Mongolian languages. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* = Siberian Journal of Philology, 2018, no. 3. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyurko-mongolskie-paralleli-sredi-terminov-duhovnoy-kultury-v-mongolskih-yazykah> (In Russian).

Tubshinnima G. History of the origin of the Barguts, Ulan-Ude, 2008, 188 p. (in Mongolian).

Xargana Zh. Өлзий. History of the Barghuts, Ulan-Bator, 1999, 282 p.

Zoriktuev B.R. Notes on the history of old and new barguts of China. Bargazhin 2007. Retrieved from: <https://studfile.net/preview/3544068/> (In Russian).

СПОСОБЫ АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В ПЛАКАТНЫХ ТЕКСТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Е.П. Панченко, Т.В. Чернышова

Ключевые слова: советский плакатный текст, креолизованный текст, категория темпоральности, полевое моделирование, «текстовая сетка», политемпоральность

Keywords: Soviet poster text, creolized text, category of temporality, field modeling, “text grid”, polytemporality

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)2–03](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)2–03)

Введение
Данное исследование посвящено результатам анализа в аспекте семантической категории темпоральности плакатных текстов, созданных в первый и последний годы Великой Отечественной войны. Предметом изучения являются способы актуализации категории темпоральности в плакатных текстах, под которыми понимается текстовое единство двух основных компонентов: невербального и вербального. Подобные тексты в работах исследователей получили название креолизованных [Сорокин, Тарасов, 1990; Анисимова, 2003, Ворошилова, 2013; Чижикова, 2016; Важенина, Нистратов, 2020], или поликодовых [Чернявская, 2009; Большакова, 2008, Сонин, Мичурин, 2012; Павлина, 2019].

Возможными примерами текстов, которые могут быть отнесены к креолизованным, согласно Ю.А. Сорокину и Е.Ф. Тарасову, наряду со многими другими («кинотексты, тексты радиовещания и телевидения, средств наглядной агитации и пропаганды, ... рекламные тексты» [Сорокин, Тарасов, 1990, с. 180–181]), относятся и плакаты.

Актуальность изучения плакатных текстов не вызывает сомнения: об этом свидетельствует широкий спектр исследований плакатных текстов, в том числе и военных, связанных с решением разнообразных научных задач: историко-культурологических [Бычкова, 2015; Ермилова, 2023], лингвистических [Кругликова, 2005; Спешилова, 2008], лингвокультурных [Вальтер, 2016], политических [Бычкова, 2015; Федосов, Конев, 2015]. Описание креолизованных плакатных текстов с разной степенью креолизации с точки зрения их невербальных и паравербальных компонентов и их взаимодействия с вербальными компонентами пред-

ставлено в исследованиях Е.Е. Анисимовой [Анисимова, 2003]. В исследовании Д.А. Язлыевой плакатный текст рассматривается как креолизованный текст, в котором вербальный и невербальный коды образуют особое поле взаимодействия. По мнению автора, «... основными отличительными чертами плакатного текста являются лаконичность изложения, экономия языка; от краткости и емкости информации напрямую зависит ее эффективное воздействие на адресата» [Язлыева, 2020, с. 82].

Особое внимание в лингвистических работах, посвященных изучению плакатных текстов, уделяется рассмотрению плаката как текста в совокупности содержащихся в нем «текстовых категорий целостности, связности, модальности, темпоральности и локативности», их изучению и выявлению, определению круга передаваемых ими понятий и средств их выражения [Спешилова, 2008, с. 16]. В наиболее общем виде под текстовой категорией понимается «... один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющий собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами» [Матвеева, 2014, с. 669].

По мнению А.Ю. Спешиловой, одной из важнейших текстообразующих категорий является категория темпоральности (времени). Данная категория в кругу других описана автором через призму иконических структур, усиливающих перлокутивный эффект плакатного текста и создающий его «ретроспективный план ... в пределах одного плаката» [Спешилова, 2008, с. 17-18]. Общетеоретические основы описания семантической структуры категории темпоральности представлены в исследованиях А.В. Бондарко, Т.В. Матвеевой, С.А. Борисовой, З.К. Сабитовой, А.Ч. Рыжкович, Е.А. Одинцовой и др. [Бондарко, 1990; Матвеева, 1990; Борисова, 1997; Матвеева, 2014; Сабитова, 2016; Рыжкович, 2019; Одинцова, 2020]. Т.В. Матвеева, по замечанию Е.А. Одинцовой, делит все «категории текста на три группы: линейные, полевые и объемные» (цит. по: [Одинцова, 2020, с. 33]). Категорию темпоральности Т.В. Матвеева относит к полевым категориям, которые характеризуются «совокупностью единиц разных уровней, объединенных в рамках поля общностью семантики, текстовой функцией и способом организации языковых составляющих» (цит. по: [Одинцова, 2020, с. 33]): для темпоральности такой общностью является поле времени [Матвеева 1990, с. 18]. Понятие функционального семантического поля является ключевым для функциональной грамматики и представляет собой систему языковых средств разного уровня (лексико-грамматических,

морфологических, синтаксических и т.д.), которые объединены общей семантической функцией [Бондарко, 1990, с. 5].

В то же время, поддерживая идею о том, что «в основе каждой структуры лежит взаимодействие языковых средств морфологического, лексического, синтаксического и словообразовательного уровней, служащих для выражения определенного семантического содержания (временного, локального и т.д.)» [Ноздрина, 2001, с. 40–41], Л.А. Ноздрина, с опорой на мнение А.В. Бондарко [Бондарко, 1994], подчеркивает важность взаимодействия перечисленных средств, позволяющих «содержанию, выражаемому данной формой, стать актуальным элементом речевого смысла» (цит. по: [Ноздрина, 2001, с., 41]). По мнению Л.А. Ноздриной, важным понятием для описания текстовых структур, позволяющим перейти от формы текста к его смысловому содержанию, служит «текстовая сетка» как «совокупность средств морфологического, синтаксического и словообразовательного уровня, обеспечивающих ориентацию читателя во временном, локальном, модальном личностном или референтном аспектах текста» [Ноздрина, 2001, с. 41]. Автор отмечает, что в отличие от функционально-семантического поля как парадигматической категории, «объединяющей в себе все существующие в языке средства выражения некоторого семантического содержания (темпоральности, локальности, залоговости и т.д.)» [Там же], текстовая сетка — «категория синтагматическая». Поэтому текстовая сетка «включает в себя лишь те языковые средства (морфологические, синтаксические, лексические, словообразовательные), которые содержит данный конкретный текст», а «состав сетки зависит от особенностей функционального стиля, жанра, типа текста» [Там же].

Согласно Л.А. Ноздриной, в тексте возможны пять взаимодействующих текстовых сеток, соответствующих пяти смысловым структурам: темпоральная, локальная, персональная, референтная и модальная, все они вступают между собой в специфические типы отношений, в дальнейшем образуя иные текстовые категории [Ноздрина, 2001]. Каждая из семантических категорий заслуживает детального описания на материале креолизованного текста, — в нашей работе мы остановимся на описании категории темпоральности, близкой по содержанию к «темпоральной сетке текста». Наше понимание категории темпоральности близко к данной концепции, поскольку в нашей работе категория темпоральности рассматривается не как общая семантическая категория, а как категория текстовая, в которой разноуровневые элементы (лексические, синтаксические, морфологические и т.д.) взаимодействуют внутри конкретного текста. Материал плакатного текста

во взаимодействии разноуровневых средств позволяет включить в анализ не только глагольное время, лексические и синтаксические средства выражения времени, но также и невербальные: иконические средства, косвенно также паравербальные средства (размер шрифта, расположение элементов на странице, цвет).

Цель исследования — описание поля темпоральности плакатного текста периода Великой Отечественной войны с позиции семантических категорий, разработанных в функциональной грамматике, а также с учетом текстовой природы исследуемого материала.

Методы и материалы исследования

Для исследования материала использован комплексный анализ, содержащий приемы полевого моделирования «текстовой сетки» (Л. А. Ноздрина) для описания структур плакатного текста, позволяющие перейти от формы текста к его смысловому содержанию; приемы интерпретационного, структурно-логического, лексико-грамматического анализа, а также приемы сопоставительного анализа вербальных и визуальных компонентов в структуре креолизованного плакатного текста.

Материалом исследования послужили плакатные тексты, размещенные в электронных фондах Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина¹, систематизированные по годам создания плакатных текстов от 1941 г. до 1945 г. Для исследования были выбраны два года: 1941 и 1945 — первый и последний годы войны. Из анализа были исключены повторяющиеся плакаты и плакатные тексты на региональных языках СССР. В каждой группе из оставшихся получилось в 1941 г. — 106 плакатных текстов, а в 1945 г. — 22 плакатных текста.

Результаты исследования

Анализ 128 плакатных текстов 1941 и 1945 гг., неоднородных по своей структуре (по соотношению вербального и невербального компонентов), позволил выделить разные параметры описания категории темпоральности.

Первый параметр — это **статичные и динамичные тексты**. Термин «статичные» здесь вводится условно, подразумеваются плакаты темпорально не разнообразные, зачастую темпорально не маркированные, как правило, с одним действием, содержащие призыв, клятву или обе-

¹ Интернет-портал Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина. Электронный ресурс <https://www.prlib.ru/>

щание (например, 1941 г.: *Будь героем!*², *Все, как один, на защиту отечества!*³, 1945 г.: *Героической армии-победительнице — слава!*⁴, *Истребление фашистского гнезда навсегда!*⁵). Статичные плакаты противопоставляются динамичным: это плакаты, содержащие несколько действий и часто несколько временных планов: действия могут находиться в одном грамматическом времени, но при этом относительно друг друга располагаться на разных участках оси времени, например: одно событие происходит раньше другого, два одновременных действия и т.д., т.е. время развертывается как последовательность событий.

Примерами динамичных плакатов могут служить текстовые плакаты: 1941 г.: *Долг платежом красен*⁶; 1945 г.: *Нейтральный универмаг*⁷. Рассмотрим подробнее плакат «Долг платежом красен», который является примером динамичного плаката.

Плакатный текст представляет собой сочетание вербальных и невербальных элементов, визуально разделенных и последовательно комбинирующихся. В верхней части плаката расположено название, далее невербальный элемент — на голубом фоне изображение немца и безоружного советского крестьянина, немец угрожает крестьянину оружием, а в затылок крестьянину упирается приклад со свастикой. Крестьянин снимает шапку, но брови его сведены к переносице, взгляд исподлобья выражает непокорность.

Под изображением расположена вербальная часть: *Днем фашист сказал крестьянам: / «Шапку с головы долой!»*. Вербальный компонент дополняет изображение. Ниже находится еще одно изображение, здесь уже ситуация меняется: на темном (черном) фоне тот же крестьянин, уже вооруженный, рубит голову немцу, далее под изображением расположен вербальный элемент: *Ночью отдал партизанам / Каску вместе с головой*. Глаголы, являющиеся ядром в описании темпоральности, в обеих частях (*сказал, отдал*) имеют форму прошедшего времени совершенного вида, однако за счет лексической оппозиции *день — ночь*,

² Интернет-портал Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина. СПб., 2015. Электронный ресурс <https://www.prlib.ru/item/320861>

³ Там же: <https://www.prlib.ru/item/1292319>

⁴ Там же: <https://www.prlib.ru/item/329623>

⁵ Там же: <https://www.prlib.ru/item/335401>

⁶ Источник электронной копии: ПБ: <https://www.prlib.ru/item/1293321>. М.; Л.: Искусство, 1941.

⁷ Интернет-портал Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина. СПб., 2015. Электронный ресурс <https://www.prlib.ru/item/351183>

которая подкрепляется цветовым кодом (фон на изображениях: день — голубой, ночь — темный, черный), и показывается временная относительность, где точкой отсчета становится не момент речи, а иной момент, обозначенный в высказывании (контексте), как в данном примере — будущее относительно прошлого.

Для описания категории темпоральности динамичные типы плакатных текстов существенны, так как по сравнению со статичными плакатами их темпоральная направленность может быть не разнообразна в плане переключения по осям времени, однако их векторная направленность не может быть описана так же, как и статичные плакаты.

Второй параметр, вытекающий из первого, — параметр **векторной направленности** (ориентация времени относительно момента речи). Для описания категории темпоральности нам важен данный параметр с позиции того, что выступает в роли временного дейктического центра. Согласно А.В. Бондарко, время может быть абсолютным и относительным. В абсолютном времени дейктическим центром становится момент речи, при относительном — иной момент высказывания [Бондарко, 1990, с. 13]. Параметр векторной направленности является важной характеристикой исследуемого материала, он проявляет себя в плакатах, точкой отсчета в которых является момент речи.

Потенциально плакат:

— может быть ориентирован на прошлое (ретроспективная векторная направленность, не характерная ситуация для плакатов ВОВ, однако возможная: это может быть описание подвигов советских героев);

— может актуализировать настоящее (*Людогед Гитлер миллионы людей бросает в горнило мировой бойни*⁸);

— обладать векторной направленностью в будущее (проспективная векторная направленность) — последнее наблюдается чаще всего, что обусловлено функциональными особенностями плакатного текста.

Плакатный текст является специфическим типом текста, в котором его жанрообразующими параметрами чаще всего будут цель и адресат (по параметрам жанровой модели Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1997]). Векторная направленность плакатных текстов зачастую стримится к будущему времени. Проспективная векторная направленность задается не только грамматическими средствами (глаголами будущего времени (*Заменим*⁹), императивами (*Лихо руби врага!*¹⁰), лексическими сред-

⁸ Там же: <https://www.prlib.ru/item/426703>

⁹ Там же: <https://www.prlib.ru/item/333406>

¹⁰ Там же: <https://www.prlib.ru/item/342805>

ствами и контекстом (*За Родину, за Сталина!*¹¹) — в последнем случае конструкция темпорально не маркирована, однако контекст ситуации позволяет интерпретировать это как боевой клич, призыв пойти в бой и сражаться за свою Родину).

Третий параметр описания категории времени, который позволил выделить материал плакатных текстов, — это **политемпоральность**. Политемпоральные плакаты могут содержать два или три эксплицированных временных плана. Далее даны примеры политемпоральных плакатов, в которых наблюдается единство двух временных планов:

1. Плакат 1941 г. «Так было, так будет»¹² Н.А. Долгорукова реализует оппозицию прошлое — будущее, минувя настоящее (во всяком случае эксплицитно). В верхней части плаката изображен Наполеон, которого в 1812 г. победила армия Российской империи, в центральной части плаката, но смещенное ниже, показано будущее, в котором точно так же Гитлера побеждает Красная армия. Соотношение временных планов легко считывается за счет:

— вербального компонента: оппозиции *было* (маркирует прошлое) — *будет* (маркирует будущее);

— невербального компонента: карикатурные фигуры Наполеона (фигура подписана, однако узнавание происходит и за счет сопутствующих атрибутов: на плакате представлены бикорн, мундир, двузубые вилы, направленные ему вслед) и Гитлера (также подписан, из невербальных сигнализаторов присутствуют характерная челка, усы, свастика);

— косвенным темпоральным маркером служат паравербальные средства: размер фигур и расположение их относительно друг друга: Наполеон по размеру меньше, визуально расположен за буквами «*так было...*», Гитлер относительно Наполеона больше, визуально создается ощущение, что фигура Гитлера находится ближе, а буквы вербального компонента кажутся разного размера, хотя на самом деле размер букв одинаковый. Точка отсчета здесь — настоящее, момент речи — имплицитен и достраивается только за счет контекста.

2. Плакат 1945 г. «Мы ждем тебя домой из немецкой неволи!»¹³ В.Б. Корецкого реализует план настоящего *ждем*, при этом объект ожидания — будущее, мы можем развернуть предложение: «мы ждем, когда ты придешь, сейчас тебя здесь нет». На отсутствие объекта здесь и сей-

¹¹ Там же: <https://www.prlib.ru/item/333057>

¹² Там же: <https://www.prlib.ru/item/372691>

¹³ Там же: <https://www.prlib.ru/item/348491>

час указывает предлог *из*. Соответственно, темпоральная семантика может быть описана через два временных плана: настоящее, длящееся в момент речи (при этом *неволя* семантически указывает на то, что объект там оказался до настоящего момента), и будущее потенциальное, так как ожидание направлено на событие, которое еще не произошло, не происходит сейчас, но должно произойти в будущем, уже после момента речи. Семантика ожидания подчеркивается невербальным компонентом: две центральные фигуры плаката — двое детей, один из них держит руку на уровне лба, ребром ко зрителю, «kozyрьком», чтобы лучше рассмотреть что-то за пределами пространства плаката.

3. Плакаты, содержащие сразу три временных плана, обнаружены среди плакатов, созданных и в начале, и в конце войны. Всего в проанализированных материалах таких плакатных текстов 1941 г. было обнаружено около 7%, а в материалах 1945 г. — около 14%; в количественном же отношении в 1941 г. политемпоральных плакатов, в которых имеется все три временных плана, было выявлено больше.

Серия плакатов «Били, бьем и будем бить!», среди материалов представлено две версии плаката: В.А. Серова¹⁴ и художника Оболенского¹⁵, редактором у обоих плакатов выступил З.Л. Докторов.

Первый плакат, Серова, визуально разделен на две части невербальным компонентом, на левой части представлено сражение Александра Невского с немецкими рыцарями во время Ледового побоища (герои узнаются по облачению рыцарей), в верхней левой части расположен вербальный компонент *били*. В правой части изображено настоящее: советский боец побеждает немецкого солдата, сверху расположен вербальный компонент: *бьем*. Последняя часть вербального компонента *будем бить* вынесена за пределы невербального, она занимает всю нижнюю часть плакатного текста и по отношению к первым двум частям является более крупной. Здесь все три временных плана занимают важное место: планы прошлого и будущего, заданные вербальным компонентом, дублированы и подчеркнуты невербальной частью, а временной план будущего за счет более крупного шрифта и своего особого расположения, как бы завершающего весь плакат, особо акцентирует утверждение того, что так было и так будет впредь.

Второй плакат, художника Оболенского под редакцией З.Л. Докорова, организован иначе. Он представляет собой вытянутое изобра-

¹⁴ Там же: <https://www.prlib.ru/item/320281>

¹⁵ Там же: <https://www.prlib.ru/item/320280>

жение, временной план прошлого здесь раскрыт сильнее: три события привязанных к прошлому, обозначены вербально и невербально:

— в левой верхней части плаката вербальный элемент *1242 Александр Невский бил псов рыцарей Ливонского ордена* дублируется невербально изображением полководца и его дружины, стоящими над полем битвы с немецкими рыцарями;

— ниже, в правой части плаката, вербальный компонент *1760 били Фридриха 2 и взяли ключи Берлина* проиллюстрирован невербальным изображением фигуры Суворова на коне и русских солдат, отгоняющих немцев, на поле лежит прусское знамя, символ поверженности войск;

— в левой части плаката под группой элементов, относящихся к событиям 1242 года, расположен вербальный текст: *1918 били кайзеровских оккупантов на Украине*, невербально представлены войска под красным знаменем и убегающий неприятель;

— в правой части, ближе к центру, изображен солдат Красной армии, прокалывающий немецкого солдата;

— вербальный элемент *били* расположен в верхней правой части плаката, его продолжение *бьем и будем бить* занимают нижнюю часть плаката, при этом *будем бить* выделены более крупным шрифтом, акцент снова на будущем, но здесь уже связь с прошлым более сильная по сравнению с первым плакатом.

Третий плакат 1945 г. «Я ждал тебя, воин-освободитель!»¹⁶ В. Лодягина содержит все три временных плана, вербальный компонент демонстрирует темпоральные планы прошлого и будущего, а невербальный компонент — план настоящего. *Ждал* — глагол прошедшего времени несовершенного вида показывает, что действие началось в прошлом, до момента речи. Вербальная часть плаката содержит продолжение: «*Освободим всех советских людей из фашистской неволи*», *освободим* — глагол будущего времени совершенного вида показывает, что действие будет доведено до конца в будущем, после момента речи, несет в себе императивную нагрузку, является уверением в том, что это случится. Момент речи здесь эксплицирован за счет невербального компонента плакатного текста: изображен момент встречи ребенка и воина Красной армии. Этот конкретный ребенок уже был освобожден (на фоне в левой части плаката церковное сооружение европейского типа, над ним белые голуби — символ мира), подразумевается, что первая часть вербального компонента «*Я ждал тебя, воин-освободитель!*» привязана к изображению ребенка и обращена к изображе-

¹⁶ Там же: <https://www.prlib.ru/item/391930>

нию воина. «Освободим всех советских людей из фашистской неволи» — вторая часть вербального компонента визуально меньше первой, в равной степени может принадлежать и ребенку, и солдату и являться выражением коллективной воли.

Особый случай реализации категории темпоральности — плакат 1945 г., созданный Л.Ф. Головановым: «Красной армии — слава!» (рис. 1). На плакате изображен солдат Красной армии в гордой открытой позе, с медалями на мундире, на фоне стены Рейхстага. На стене надписи: «Берлин 2/v 45» (Берлинская наступательная операция завершилась 2 мая 1945 г.), «Слава Русскому Народу», «Дошли».

Последнее апеллирует к другому плакату Л.Ф. Голованова. Художник создал два плаката: в 1945 г. — плакат «Красной армии — слава!», а за год до этого, в 1944 г., — плакат «Дойдем до Берлина» (рис. 2), на котором изображен тот же солдат, натягивающий ботинки. Особые темпоральные отношения между двумя плакатами складываются за счет того, что в левой верхней части плаката «Красной армии — слава!», изображен тот самый плакат 1944 г. (рис. 2).

Рис. 1. «Красной армии — слава!», 1945 г. Рис. 2. «Дойдем до Берлина», 1944 г.

Более ранний текст оказывается невербально встроен в текст более поздний, он как бы приколот к стене Рейхстага. *Дойдем* — это обещание (глагол совершенного вида будущего времени, его значение близко к клятве), *дошли* — это результат (глагол прошедшего времени совершенного вида, имеет перфектное значение). Такой диалог между плакатными текстами, когда художник внутри одного плаката помещает другой, свой, либо другого художника, является не самым частотным явлением, однако и не единичным.

Отметим здесь, что если в плакатах 1941 г. реализация плана прошлого происходит в основном за счет осмысления опыта прошлого, прошлых великих побед над тем же врагом (немецкими рыцарями, Пруссией), то ретроспективный взгляд в плакатных текстах 1945 г. выражается прежде всего рефлексией пережитого опыта за период тяжелых военных лет.

Заключение

Таким образом, описание категории темпоральности в плакатных текстах периода Великой Отечественной войны, взятых за первый и последний годы войны (1941 и 1945), позволило выделить три параметра категории темпоральности, актуальных для плакатных текстов периода Великой Отечественной войны.

Первый параметр — темпорально статичные и динамичные тексты, второй параметр — векторная направленность (ретроспективная, актуальное настоящее, или проспективная), третий параметр — политемпоральность. Анализ показал, что плакаты 1941 г. тяготели к статичным (около 75% материала), векторно проспективным текстам, в ядре которых содержатся различные средства актуализации призыва к немедленному действию. В 1945 г., напротив, плакатные тексты более тяготели к развертыванию событий на нескольких временных планах (около 60% политемпоральных текстов). Такая разница обусловлена социально-политическим контекстом: тем, что в начале войны ситуация в стране была тяжелая и неопределенная, поэтому прагматическая цель создания плакатных текстов заключалась в том, чтобы настроить адресата на конкретные действия, актуализировать для него то будущее, которое в условиях реальной жизни того времени пока еще не представлялось реальным. В последний же год войны произошла существенная перемена ситуации, время стало восприниматься ретроспективно не только в отношении побед прошлого, но появилось и осмысление опыта тяжелого периода войны.

В дальнейшем планируется описать другие текстовые категории, их параметры и способы реализации, актуализирующие элементы речевого смысла плакатных текстов периода Великой Отечественной войны. Также возможно развитие исследования посредством привлечения материала плакатных текстов периода Второй мировой войны стран союзников и/или противников, выявить параметры и способы реализации семантических категорий (темпоральности, локативности, модальности, персональности и референции) на другом языковом материале (например, англоязычных плакатных текстах). Важным направлением

в исследовании будет изучение взаимодействия семантических категорий в плакатном тексте и в модели жанра плакатного текста.

Библиографический список

Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Издательский центр «Академия», 2003. 128 с.

Бондарко А.В. К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1994. № 2. с. 59–69.

Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность / Модальность. М.: Наука, 1990. 260с.

Борисова С.А. Темпоральность как смыслообразующий фактор в процессе текстовой коммуникации // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 1. С. 52–192.

Бычкова О.И. Советский плакат как хранитель памятных событий военных лет // Наследие веков. 2015. № 1. С. 90–94.

Вальтер Х. Политический плакат — зеркало своего времени // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3. С. 143–149.

Вашунина И.В. Нистратов А.А. Креолизованный текст: обзор экспериментальных исследований // Вопросы психолингвистики. 2020. № 2(44). С. 28–39. <https://www.doi.org/10.30982/2077-5911-2020-44-2-28-39>

Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст : Ключи к прочтению. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. 194 с.

Кругликова Н.П. Языковые средства плаката: семантические и прагматические аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 28 с.

Матвеева Т.В. Текстовая категория // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. Электронный ресурс / под ред. А.П. Сковородникова. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. 852 с.

Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1990. 173 с.

Ноздрин ЛА. О категориальном статусе некоторых лингвистических явлений // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 2. С. 39–46.

Одинцова Е.А. К вопросу о текстовых категориях // Молодые голоса : сб. науч. тр. Екатеринбург: Уральский федеральный университет. 2020. Электронный ресурс https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/94889/1/978-5-91256-505-2_2020-06.pdf

Павлина С.Ю. Политический плакат как поликодовый текст // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 100–106. <https://www.doi.org/10.26170/pl19-02-11>

Рыжкович А.Ч. Семантическая структура категории темпоральности // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова : сб. науч. тр. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2019. Т. 29. С. 184–189.

Сабитова К.С. Темпоральность как спецификатор семантической структуры в функциональном аспекте. 2016. С. 215–227. Электронный ресурс <https://ejournals.eu/czasopismo/jezyk-i-metoda/artukul/temporalnost-kak-spetsifikator-semanticheskoi-struktury-v-funksionalnom-aspekte>

Сонин А.Г. Мичурин Д.С. Эволюция поликодовых текстов: от воздействия к взаимодействию // Вопросы психолингвистики. 2012. № 16. С. 164–173. Электронный ресурс <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18806626>

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Высшая школа, 1990. С. 180–186.

Спешилова А.Ю. Плакат времен мировой войны: жанровые разновидности, композиция, язык : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 22 с.

Федосов Е.А., Конев К.А. Советский плакат времен Великой Отечественной войны: общенациональный и региональный аспекты. Электронный ресурс <https://journals.tsu.ru/uploads/import/1265/files/02-189.pdf>

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.

Чижикова С.Н. Вербальные и невербальные компоненты в креолизованных текстах (на примере мультимедийных презентаций) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 57. С. 1–5.

Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 88–98

Язлыева Д.А., Чибышева О.А. Прагмасемантические и стилистические особенности вербального компонента американского политического плаката // Исследования молодых ученых : мат-лы X Международ. науч. конф. (г. Казань, май 2020 г.). Казань: Молодой ученый, 2020. С. 82–85. Электронный ресурс <https://moluch.ru/conf/stud/archive/370/15786>

References

- Anisimova E.E. Text Linguistics and Intercultural Communication (Based on Creolized Texts), Moscow, 2003, 128 p. (In Russian).
- Bondarko A.V. On the Problem of Intentionality in Grammar (Based on the Russian Language). *Voprosy yazykoznaniiya* = Problems of Linguistics, 1994, no. 2, pp. 59–69. (In Russian).
- Bondarko, A.V. Theory of Functional Grammar. Temporality / Modality. Moscow: Nauka, 1990. 260 p. (In Russian).
- Borisova S.A. Temporality as a Meaning-Forming Factor in Textual Communication. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya* = Language, Consciousness, Communication: coll. of articles, ed. by V. V. Krasnykh, A. I. Izotov, Moscow, 1997, iss. 1, pp. 52–192. (In Russian).
- Bychkova O.I. “The Soviet Poster as a Guardian of War Year Memorabilia.” *Naslediye vekov* = Heritage of the Centuries, 2015, no. 1, pp. 90–94. (In Russian).
- Chernyavskaya V.E. Text Linguistics: Polycode, Intertextuality, Interdiscursivity, Moscow, 2009, 248 p. (In Russian).
- Chizhikova S.N. Verbal and Non-Verbal Components in Creolized Texts (Based on Multimedia Presentations). *Nauchno-metodicheskiiy elektronnyy zhurnal «Kontsept»* = Scientific and Methodological Electronic Journal “Concept”, 2016, no. 57, pp. 1–5. (In Russian).
- Fedosov E.A., Konev K. A. Soviet Poster of the Great Patriotic War: National and Regional Aspects. Retrieved from: <https://journals.tsu.ru/uploads/import/1265/files/02-189.pdf> (In Russian).
- Kruglikova N.P. Linguistic Means of a Poster: Semantic and Pragmatic Aspects: Abstract of Philol. Cand. Diss., St. Petersburg, 2005, 28 p. (In Russian).
- Matveyeva T.V. Text Category. *Effektivnoye rechevoye obshcheniye (bazovyye kompetentsii): slovar'-spravochnik* = Effective speech communication (basic competencies), dictionary and reference book, ed. by A.P. Skovorodnikov, 2nd ed., revised and enlarged, Krasnoyarsk, 2014, 852 p. (In Russian).
- Matveyeva. Functional styles in terms of text categories, Sverdlovsk, 1990, 173 p. (In Russian).
- Nozdrina L.A. On the categorical status of some linguistic phenomena. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* = Bulletin of the Voronezh State University, Linguistics and Intercultural Communication, 2001, no. 2, pp. 39–46.
- Odintsova E.A. On the Question of Text Categories. *Molodyye golosa* = Young Voices, Yekaterinburg, 2020. Retrieved from: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/94889/1/978-5-91256-505-2_2020-06.pdf (In Russian).

Pavlina S.Yu. Political poster as a polycode text. *Politicheskaya lingvistika* = Political linguistics, 2019, no. 2 (74), pp. 100–106. <https://www.doi.org/10.26170/pl19-02-11> (In Russian).

Ryzhkovich A.Ch. Semantic structure of the category of temporality. *Uchenyye zapiski Vitebskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.M. Mashero-va* = Scientific Notes of the of the Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, 2019, vol. 29, pp. 184–189. (In Russian).

Sabitova K.S. Temporality as a Specifier of Semantic Structure in the Functional Aspect, 2016, pp. 215–227. Retrieved from: <https://ejournals.eu/czasopismo/jezyk-i-metoda/artikul/temporalnost-kak-spetsifikator-semantichekoi-struktury-v-funktsionalnom-aspekte> (In Russian).

Shmeleva T.V. Speech Genre Model. *Zhanry rechi* = Speech Genres: coll. research articles, Saratov, 1997, iss. 1, pp. 88–98. (In Russian).

Sonin A.G., Michurin, D.S. Evolution of Polycode Texts: From Impact to Interaction. *Voprosy psikholingvistiki* = Issues of Psycholinguistics, 2012, no. 16, pp. 164–173. Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18806626> (In Russian).

Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Creolized Texts and Their Communicative Function. *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* = Optimization of Speech Impact, Moscow, 1990, pp. 180–186. (In Russian).

Speshilova A.Yu. World War II Poster: Genre Varieties, Composition, Language: Abstract of Philol. Cand. Diss., Moscow, 2008, 22 p. (In Russian).

Vashunina I.V., Nistratov A.A. “Creolized Text: A Review of Experimental Research.” *Issues of Psycholinguistics*, 2020, no. 2(44), pp. 28–39. <https://www.doi.org/10.30982/2077-5911-2020-44-2-28-39> (In Russian).

Voroshilova M. B. Political creolized text: Keys to reading, Ekaterinburg, 2013, 194 p. (In Russian).

Walter, H. “The Political Poster: A Mirror of Its Time.” *Problems of History, Philology, and Culture*. 2016, no. 3, pp. 143–149. (In Russian).

Yazlyeva D.A., Chibysheva O.A. Pragmatic Semantic and Stylistic Features of the Verbal Component of an American Political Poster. *Issledovaniya molodykh uchenykh* = Research by Young Scientists: Proc. of the X International Scientific Conf., Kazan, 2020, pp. 82–85. Retrieved from: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/370/15786> (In Russian).

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ И ТЕКСТОВ ВЫСТУПЛЕНИЙ Б. ПИСТОРИУСА)

С.С. Степанов

Ключевые слова: социальные репрезентации, этнический образ, «свой / чужой», ценности, этнолингвистическая аксиология, военно-политический дискурс

Keywords: social representations, ethnic image, “in-group / out-group”, values, ethno-linguistic axiology, military-political discourse

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)2–04](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)2–04)

Введение
В современной науке наблюдается устойчивый исследовательский интерес к механизмам коллективного осмысления социальных явлений и культурной специфике этих процессов, в частности, к их фактической реализации в языке. Особенно остро данная проблематика встает в условиях растущей международной турбулентности, когда вопросы этнической идентичности, ценностных ориентиров и образов «своего» и «чужого» в медиа становятся предметом целенаправленного символического конструирования с целью модификации аксиологической картины мира потребителей информации. В рамках данной научной дискуссии настоящее исследование предлагает комплексный анализ взаимосвязи понятий «этнос», «ценности», «образ» и «социальные репрезентации», выявляет их динамику в современном германоязычном военно-политическом дискурсе.

Актуальность исследования определяется тремя взаимодополняющими факторами. Во-первых, трансформация глобальной информационной среды, сопровождающаяся кризисом достоверности и значительной, доходящей до полярно-противоположных взглядов разницей в интерпретации поступающей информации, усиливает значимость изучения тех лингвистических и прагматических инструментов, посредством которых формируются представления о конфликтах и консолидируются или, напротив, разрушаются ценностные системы отдельных этносов. Во-вторых, нарастающее геополитическое напряжение между Россией и западными странами радикально трансформирует традиционные образы *русского* и *немца* в массовом сознании европейцев,

что требует историко-сравнительного осмысления. В-третьих, смещение акцента германской оборонной риторики к модели «ответственной безопасности» открывает новое поле для междисциплинарного анализа социальных репрезентаций.

Научная новизна исследования проявляется в нескольких аспектах:

1) разработка и апробация комплексного теоретико-методологического подхода к анализу этнических образов, основанного на интеграции положений теории социальных представлений С. Московичи [Moscovici, 2000], модели in-group / out-group А. Тэшфел [Tajfel, 1982; Тэшфел, 2012] и инструментария этнолингвистической аксиологии, позволяют осуществлять всестороннее описание когнитивной, оценочной и языковой составляющих этнических образов;

2) автор вводит в научный оборот корпус эмпирических данных, включающий тексты из немецких газет разных исторических периодов и фрагменты из ряда программных выступлений министра обороны ФРГ Б. Писториуса (2023–2024 гг.), что обеспечивает необходимую и достаточную основу для анализа динамики социальной репрезентации медийных образов *русского и немца*;

3) применен индекс ценностной значимости лексем, соотнесенный с базовыми аксиологическими полями, что дает возможность проследить изменения в структуре ценностных характеристик этнических образов.

Материалы и методы

Материалом настоящего исследования послужили тексты газетных статей, опубликованных в Германии в различные периоды (1914, 1939, 1991, 2023 гг.), и стенограммы публичных выступлений министра обороны Федеративной Республики Германия Бориса Писториуса (2023–2025 гг.)¹.

Методологическая основа исследования опирается на комбинацию качественных и количественных методов и включает в себя:

— сравнительный анализ текстов различных хронологических периодов;

— контент-анализ публичных речей с выделением лексико-семантических маркеров *угрозы, ответственности, надежности*.

Указанный междисциплинарный подход обеспечивает целостное описание процессов формирования, воспроизводства и трансфор-

¹ Выступления взяты с ресурса YouTube. Заблокирован на территории Российской Федерации с 2024 г.

мации социальных репрезентаций в пространстве немецкоязычного общественно-политического дискурса.

Структурно исследование включает четыре блока: теоретическую реконструкцию понятийного поля «этнос — ценности — образ — социальные репрезентации», сравнительно-исторический обзор газетных статей, прагмалингвистический анализ речей Б. Писториуса и синтетический раздел, в котором сопоставляются исторические и современные дискурсивные практики. Подобный подход позволяет не только выявить разрывы в ценностно-образных комплексах, но и показать, каким образом актуальная риторика немецких политиков перенастраивает традиционные этнические нарративы на новый ценностный ориентир так называемой «защитной ответственности», закрепляя роль Германии как «щита Европы».

Результаты исследования

В отличие от ряда смежных понятий, трактовка феномена социальных репрезентаций в современной гуманитарной науке не вызывает принципиальных разногласий. В научной традиции, восходящей к работам С. Московичи [Moscovici, 2000], социальные репрезентации понимаются как коллективно разделяемые когнитивные конструкции, возникающие в сознании членов социальной группы и выполняющие функцию упрощения, интерпретации и осмысления социальной реальности [Степанов, 2025, с. 118].

Понятие «этнос», в свою очередь, относится к числу дискуссионных и многозначных категорий гуманитарного знания. В научной литературе отсутствует единая универсальная дефиниция этноса, что обусловлено различиями методологических подходов и исследовательских традиций. Рассмотрим ряд определений с целью выявления характеристик этноса, релевантных для настоящего исследования.

«Этнос — исторически сложившаяся устойчивая совокупность людей, которые обладают специфическими особенностями культуры, общим языком и характерными чертами психики, а также самосознанием и самоназванием (автоэтнонимом)» [Кожемякина, 2006, с. 252].

«Этнос — исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными чертами культуры (в том числе языка), а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самосознании (этнониме)»².

² Словарь этнологических терминов. <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/5419>

По мнению Ю.В. Бромлей: «Этнос — это исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры и психики, а также осознанием своего единства и отличия от других подобных образований, что зафиксировано в самосознании» [Бромлей, 2020, с. 34].

Л.Н. Гумилев определяет этнос как «естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующих как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким же коллективам, исходя из ощущения комплиментарности» [Гумилев, 2012, с. 8].

А.И. Бочкарев считает, что «этнос — это устойчивая группа людей, характеризующаяся общностью расовых признаков, языка, территории зарождения, особенностями быта, культуры, общим национальным и религиозным сознанием» [Бочкарев, 2015, с. 3].

Несмотря на различия в теоретических основаниях приведенных определений, в них прослеживается содержательное единство. Этнос во всех рассмотренных подходах понимается как устойчивая социальная общность, обладающая коллективным самосознанием, осознанием своей отличительности по отношению к другим группам, а также закрепленной системой культурных характеристик. К числу таких характеристик относятся общие исторические представления, формы социальной организации, язык, традиции и ценности, обеспечивающие воспроизводство этноса во времени.

В ряде исследований среди ключевых характеристик этноса особое место отводится культуре как интегративному фактору, включающему систему материальных и социальных ценностей. Так, Е.А. Бирюкова считает, что именно ценностный компонент культуры обеспечивает устойчивость этнического сообщества и воспроизводство его идентичности во времени [Бирюкова, 2016, с. 132].

Современные исследователи подчеркивают, что духовные ценности — это атомарные составляющие наиболее глубинного слоя всей целостной структуры личности, в единстве предметов ее устремлений (аспект будущего), особого переживания — обладания (аспект настоящего) и хранения своего «достояния» в душе и сердце (аспект прошедшего). Ценность — нечто значимое, должное, нормативное, регулиру-

емое, направляющее деятельность и отражающее эмоциональное отношение человека к миру, природе, социуму [Скуднава, 2019, с. 304].

Материальные ценности представляют собой предметный мир культуры, воплощенный в артефактах, символах, объектах быта и исторического наследия, тогда как социальные ценности выражают нормативные представления о должном, значимом и предпочтительном в рамках данного сообщества. При этом материальные ценности приобретают культурную значимость именно через систему социальных ценностей, которые определяют их символическое и оценочное содержание.

В рамках настоящего исследования приоритетное значение имеют именно социальные ценности, поскольку они непосредственно участвуют в формировании образов, оценок и интерпретаций социальной реальности, закрепляющихся в социальных репрезентациях. Социальные ценности задают нормативно-оценочную основу коллективного сознания, определяют способы восприятия «своего» и «чужого» и тем самым выступают связующим звеном между этносом, образом и социальной репрезентацией.

Исходя из вышесказанного, представляется возможным резюмировать ряд положений, раскрывающих сущность аксиологического аспекта в контексте изучения этнических особенностей социальных репрезентаций.

Во-первых, ценностные ориентиры этнического сообщества выступают своеобразным «фильтром» восприятия реальности: они определяют, какие именно явления и события признаются значимыми и заслуживающими внимания, какие — несущественными или противоречащими «своему» образу жизни. Закljučаем, что ценности задают внутреннюю логику реакции на внешние факторы: экономические перемены, политические вызовы, культурные особенности этноса.

Во-вторых, ценности не являются статичным феноменом — они подвержены трансформациям под воздействием различных обстоятельств. Важно учитывать то, что правящие элиты способны влиять на «массовые ценности». Влияние может осуществляться через контроль над институтами образования и культуры, средствами массовой информации и коммуникации, посредством символических действий, формирующих образы настоящего и будущего и, следовательно, корректирующих мировоззрение и поведенческие нормы представителей определенного этноса.

В-третьих, в силу того что ценности лежат в глубинном слое структуры личности, изменение ценностных ориентиров этнической общности происходит не одномоментно. Даже при активном воздействии

извне на аксиологическое ядро этноса подобные сдвиги требуют времени и устойчивых каналов трансляции новых идей и установок. Однако при длительном воздействии — целенаправленном или стихийном — система ценностей все же может сдвигаться в сторону, удобную и выгодную определенным политическим или социальным силам. Историческим подтверждением данного положения может служить политика национал-социалистического режима в Германии, в рамках которой посредством контроля над системой образования, массовой культуры, пропаганды и символического дискурса последовательно формировалась новая ценностная картина мира, закреплявшая оппозицию «свой — чужой» и нормализующая исключение и дегуманизацию внешних групп в массовом сознании.

Таким образом, основные ценностные ориентиры этноса обладают двумя признаками:

- отражают специфическое восприятие реальности и формируют коллективное представление о «правильном» и «значимом»;
- подвержены изменениям под внешним воздействием, поскольку элиты, заинтересованные в определенном характере массовых установок, могут целенаправленно влиять на коллективное сознание через подчиненные им институты и механизмы.

В целом это означает, что, с одной стороны, этнические ценности — важнейший элемент самосознания представителей этноса, а с другой — динамичная сфера, в которой сходятся интересы самой этнической общности и тех сил, которые стремятся на нее воздействовать.

Другим значимым элементом, через который находит свое выражение социальная реальность, предстает *образ* как одна из основополагающих категорий современного гуманитарного знания. Образ составляет предмет когнитивных, лингвокультурологических, дискурсивных, социо-, психо- и этнолингвистических исследований, в которых уделяется внимание различным его аспектам [Ягодина, 2022, с. 37]. Во многих исследованиях образ предстает как субъективный феномен, сформированный в результате отражения реального мира как многомерное структурное образование, отражающее различные стороны объектов, их связи друг с другом и отношение к ним со стороны субъекта [Князева, 2020; Мальцева, 2019, 2020].

Исследователи отмечают, что *образ*, являясь категорией языкового сознания, передает те признаки реалий мира, которые оказываются значимыми и необходимыми в процессе коммуникации. Будучи сформированным в языковом сознании личности, образ актуализируется в совокупности «вербальных средств, которые обозначают один и тот же

денотат» [Алефиренко, 2013]. Языковой образ — это «объективация посредством языка (языковых знаков и их комбинаций) знаний, представлений, мнений об этой реалии» [Никитина, 2011, с. 98]. По мнению В. Н. Телия, языковой образ аккумулирует знания, представления о мире и напрямую связан с материальной и духовной культурой языкового сообщества, что обуславливает трансляцию национальных традиций и передачу опыта народа [Телия, 1996, с. 225]. Схожее мнение выражает Н.А. Лукьянова, рассматривающая образ как объемное представление о некоторой реалии, «которое бессознательно или осознанно возникает в ментальном пространстве носителей данного языка и данной культуры» [Лукьянова, 2003, с. 169] и определяет *языковой образ* как переданный языковыми средствами психический образ.

Резюмируя представленные точки зрения исследователей, приходим к выводу, что *образ*, будучи отражением социально значимой информации, представляет собой один из ключевых механизмов осмысления действительности, а также коммуникации внутри и между этническими общностями. Его многогранность и универсальность делают его предметом исследования целого ряда научных дисциплин, каждая из которых рассматривает образ под своим углом зрения.

С когнитивной точки зрения, образ формируется в процессе восприятия и обработки информации, позволяя человеку структурировать и упорядочивать опыт. Здесь важен вопрос о том, каким образом отдельные чувственные, эмоциональные и интеллектуальные элементы складываются в целостную «картину мира», которая определяет индивидуальное и коллективное восприятие реальности.

Лингвокультурологические исследования акцентируют внимание на языковой стороне образа, рассматривая его как результат взаимодействия языка и культуры. В языке закрепляются культурные коды, стереотипные представления и ценностные установки, которые отражаются в том, как люди описывают себя, других и окружающий мир. Языковые средства помогают закреплять в сознании определенные образы и передавать их из поколения в поколение.

Дискурсивный подход подчеркивает роль образа в процессе коммуникации. Любой дискурс (политический, медийный, научный, художественный) создает, транслирует и поддерживает определенные образы, зачастую служащие инструментом влияния на общественные настроения и формирование массовых установок. При этом в фокусе исследования оказываются не только смысловые аспекты, но и способы риторической, эмоциональной и идеологической обработки образов.

Социолингвистические исследования рассматривают образ в контексте групповой идентичности, межэтнического и социокультурного взаимодействия. Образы могут быть маркерами социальной принадлежности, символами статуса и признания, они также способны вызывать конфликты или, напротив, способствовать диалогу между представителями разных сообществ.

Психолингвистический ракурс позволяет глубже понять индивидуальные и коллективные процессы восприятия и интерпретации образов. Здесь ученых интересует то, как внутренние психологические особенности — эмоции, мотивация, ценности — влияют на формирование образов у человека или группы при столкновении с внешним миром и чужой культурой.

Наконец, этнолингвистические исследования подчеркивают связь образа с этническими традициями, верованиями и ритуалами, позволяя проследить специфику формирования образов внутри конкретного этноса. В этом контексте образ не просто отражает реальность, но и служит культурной «матрицей», через призму которой формируется уникальный опыт данного сообщества, воспроизводящий и закрепляющий его историческое и современное самосознание.

Так, образ выступает важнейшей категорией, позволяющей выявлять, как именно социальная реальность конструируется, интерпретируется и транслируется различными группами людей. Его многоуровневое изучение открывает широкие возможности для понимания процессов этнического, культурного и социального взаимодействия, а также для анализа механизмов влияния на коллективное сознание.

Для обеспечения полноты анализа и повышения междисциплинарной обоснованности целесообразно упомянуть два взаимодополняющих подхода: теорию социальных категорий А. Тэшфела и этнолингвистическую аксиологию.

1. Теория социальных категорий А. Тэшфела

Рассматривая этнические ценности и связанные с ними образы, важно задействовать модель *in-group / out-group*, сформулированную в рамках теории социальной идентичности [Tajfel, 1982; Тэшфел 2012]. Применение этой теории позволяет:

- уточнить критерии отнесения образов к «своим» или «чужим»;
- выстроить матрицу «категория — оценочный маркер — частотность», выявляя, какие лексемы позитивной и негативной окраски систематически закрепляются за каждой группой;
- проследить динамику смещения границ *in-group* в зависимости от типа медиаресурса и тематического контекста.

2. Этнолингвистическая аксиология

Данный подход предусматривает:

- выделение ядра «ценностных лексем» в корпусе;
- их распределение по базовым аксиологическим категориям;
- расчет «индекса ценностной значимости» для каждой этнической группы [Шайхиева, 2017; Караулов, 2010; Маслова 2018].

На основании проанализированных положений делаем комплексный вывод о неразрывной связи между системой ценностей и образами, с одной стороны, и социальными репрезентациями — с другой. Во-первых, ценности, будучи глубинным пластом культуры, непосредственно влияют на формирование и трансляцию тех образов, которые разделяются представителями этнической общности. Поскольку ценностные ориентиры задают некий «фильтр» восприятия действительности, именно они определяют, какие аспекты окружающего мира получают символическую значимость, а какие смещены на второй план. Образы, в свою очередь, конструируются на основе выделенных ценностями смысловых акцентов и передаются через язык, обычаи, ритуалы и другие элементы культуры, становясь основными «строительными блоками» для социальных репрезентаций.

Во-вторых, социальные репрезентации, понимаемые как коллективно разделяемые и воспроизводимые когнитивные конструкции, призванные упрощать и интерпретировать социальную реальность, включают в себя и закрепленные в культурно-языковом пространстве образы. Подобная интеграция образов в социальные репрезентации обусловливает характерные для определенной этнической группы способы восприятия себя и мира, особенности коммуникации внутри группы и с представителями других этносов. Так как социальные репрезентации формируются и закрепляются на уровне коллективного сознания, они становятся механизмом, который обеспечивает воспроизводство аксиологических установок, поддерживая или трансформируя принятые в этносе образы и, соответственно, взгляды на мир.

В-третьих, и ценности, и образы, как ключевые элементы социального восприятия, не являются статичными: они могут намеренно или неосознанно корректироваться в зависимости от политических и социально-экономических обстоятельств, интересов власти и элит. Однако даже при внешнем воздействии трансформация ценностных конструктов и связанных с ними образов происходит постепенно, так как они затрагивают глубинные пласты коллективной и индивидуальной психики. Это, в свою очередь, отражается на эволюции социаль-

ных репрезентаций: они либо приобретают новые черты, либо закрепляются в прежнем виде, если внешние факторы не оказывают достаточного влияния или наталкиваются на мощные внутренние механизмы сопротивления.

Таким образом, социальные репрезентации оказываются тесно переплетенными с системой ценностей и образами: ценности задают общее направление восприятия, образы выполняют роль «каналов» передачи смыслов, а социальные репрезентации формируют коллективную интерпретацию действительности. Рассмотрение этой триады в контексте этнической специфики дает возможность более глубокого понимания процессов конструирования, воспроизводства и изменения представлений о мире, в том числе способы формирования групповой идентичности, культуры и общественных настроений.

В целях прослеживания динамики этнических социальных репрезентаций представляется продуктивным обратиться к материалам немецких газет, фиксирующих представление о собственном народе и об «ином». В качестве ключевых исторических периодов выбраны переломные годы германской и европейской истории — 1914, 1945, 1991 и 2023 гг. (см. табл.).

Динамика этнических социальных репрезентаций

Период и издание	Характеристики образа <i>русского</i>	Характеристики образа <i>немца</i>	Доминирующие ценности
1914 — Berliner Tageblatt (начало Первой мировой войны) ³	Russland ist ein Koloss auf tönernen Füßen. / Россия — это колосс на глиняных ногах. Der russische Koloss mag stark scheinen, doch er ist innerlich schwach und unbeweglich. / Российский колосс может казаться сильным, но внутри он слаб и неповоротлив	Deutschland verteidigt die Kultur gegen den Ansturm der Barbarei. / Германия защищает культуру от натиска варварства	Культурная миссия, оборонительный патриотизм, цивилизационная оппозиция

³ Berliner Tageblatt. 1914. Nr. 210 (vom 6. August).

Окончание таблицы

Период и издание	Характеристики образа <i>русского</i>	Характеристики образа <i>немца</i>	Доминирующие ценности
1939 — Völkischer Beobachter (пик нацистской пропаганды) ⁴	Der Bolschewismus aus dem Osten bleibt die größte Gefahr für das Herz Europas. / Большевизм с Востока остается величайшей угрозой для сердца Европы	Der deutsche Mensch steht im Dienst des neuen Europas, kämpft für Ordnung, Blut und Boden. / Немец служит новому европейскому порядку, борется за порядок, кровь и почву	Идеология расовой миссии, героизация, антибольшевистский дискурс
1991 — Frankfurter Allgemeine Zeitung (после объединения Германии) ⁵	Russland kehrt nach dem Zerfall der Sowjetunion in die Familie der europäischen Nationen zurück. / Россия после распада СССР возвращается в семью европейских наций	Ein vereintes Deutschland soll Partner und Vermittler im neuen Europa sein. / Объединенная Германия должна стать партнером и посредником в новой Европе	Европейское сотрудничество, интеграция, историческое примирение
2023 — Süddeutsche Zeitung (текущая политическая социализация) ⁶	Russland ist zur autoritären Macht geworden, die ihre eigene Geschichte als Waffe einsetzt. / Россия превратилась в авторитарную державу, использующую собственную историю как оружие	Deutschland versteht sich heute als verlässlicher Partner — ein Schutzschild für Freiheit und Recht in Europa. / Германия сегодня осознает себя надежным партнером — щитом свободы и права в Европе	Либерально-демократические ценности, ответственность, защитная миссия

Исходя из примеров, приведенных в сводной сравнительной таблице, становится понятно, что с течением времени ценностные ориентиры теряли и обретали определенные характеристики. Так, с одной стороны, исчезли расовая риторика, романтизированный милитаризм, бинарное

⁴ Völkischer Beobachter. 1939. Nr. 253 (vom 15. September).

⁵ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1991. Nr. 302 (vom 27. Dezember).

⁶ Süddeutsche Zeitung. 2023. 24. Februar. Электронный ресурс <https://www.sueddeutsche.de/politik/russland-europa-analyse-1.5752187> (дата обращения: 19.10.2025).

противопоставление «цивилизация / варварство». С другой стороны, появились риторика партнерства, дискурс прав человека, разведение уровня «государственная политика — население», межкультурная рефлексия. Наконец, не претерпели особых изменений мотив культурной ответственности Германии, идея «особой миссии» по защите европейских ценностей, акцент на трудолюбии и дисциплине.

В основу эмпирического материала, проанализировав который представляется возможным проследить процесс формирования этнических образов *русского* и *немца* в современном военно-политическом дискурсе Германии, легли четыре стенограммы выступлений министра обороны ФРГ на различных мероприятиях.

Риторика Бориса Писториуса концентрируется вокруг трех взаимосвязанных смысловых узлов: УГРОЗА — ОТВЕТСТВЕННОСТЬ — НАДЕЖНОСТЬ, при помощи которых формируются современные социальные репрезентации Германии как «щита Европы». Отталкиваясь от аксиоматической идеи внешней опасности, министр каждый раз разворачивает логику моральной обязанности и демонстрирует практическую готовность к ее исполнению, снабжая свой аргумент конкретными цифрами и эмоционально заряженными повторениями.

Отправной точкой всех речей служит номинация действий России в специальной военной операции в Украине в качестве экзистенциального вызова. В тексте первой рассматриваемой нами пресс-конференции политик заявляет: *Alle sind sich natürlich einig, dass Russland die größte Bedrohung auf absehbare Zeit für den Frieden und Sicherheit im euroatlantischen Raum.* / Все, конечно, согласны с тем, что Россия представляет собой наибольшую угрозу в обозримом будущем для мира и безопасности в евроатлантическом регионе. Лексема *Bedrohung* (угроза) задает высокий эмоциональный регистр и переводит политическую дискуссию в плоскость выживания. В дальнейшем лексемы из того же семантического поля функционируют как катализаторы различных решений.

Und für bessere und mehr Abschreckung und Verteidigung werden wir hier in Vilnius ein umfassendes Maßnahmenpaket verabschieden sowie neue Verteidigungspläne, regionale Pläne, Zuordnung von Regionen zu den Alliierten, ein Kräfteplan. / А для усиления сдерживания и обороны мы примем здесь, в Вильнюсе, комплексный пакет мер, а также новые оборонные планы, региональные планы, распределение регионов между союзниками, план размещения сил.

Формулировка *für bessere und mehr Abschreckung und Verteidigung* (для лучшего и большего сдерживания и обороны) логически продолжает идею *Bedrohung* (угрозы).

Wenn das so weit ist, wenn der Ernstfall da ist oder zu erwarten ist, dann muss es schnell gehen, da müssen die Verlegung schnell und zuverlässig funktionieren. / Если наступит момент, когда возникнет чрезвычайная ситуация или что-то подобное в обозримом будущем, то нужно действовать быстро, переброска войск должна происходить быстро и четко.

Здесь чрезвычайной ситуации (*Ernstfall*) противопоставляется требование немедленного реагирования.

Unsere Frage ist 100 Milliarden Sondervermögens. Da sagen wir alle schon seit geraumer Zeit. / Наш вопрос касается 100 миллиардов из специального фонда. Мы все уже давно об этом говорим.

Упоминание *Sondervermögen* (*специального фонда*) — это прямое отражение расширения бюджета под воздействием внешней угрозы. Обоснование роста расходов идет в логике УГРОЗА — ОТВЕТСТВЕННОСТЬ — ДЕЙСТВИЕ⁷.

Сразу после описания внешней угрозы в дискурсе министра актуализируется мотив коллективной и государственной ответственности, который представляет собой трансформацию традиционной немецкой идеи *Pflicht* (*долг, обязанность*), однако переносит ее смысловой центр с индивидуального уровня на уровень государственный. В одном из парламентских выступлений Борис Писториус формулирует этот тезис предельно эмоционально и категорично: *Wir Europäer müssen erwachsen werden. Wir müssen Verantwortung übernehmen. Wir brauchen ein neues, ein gemeinsames sicherheitspolitisches Bekenntnis. / Мы, европейцы, должны повзреть. Мы должны взять на себя ответственность. Нам необходимо новое, общее осознание политики безопасности.*

Используемая метафора взросления интерпретируется им через антиномию экономического и морального приоритетов: *Damit gilt zukünftig für unsere Sicherheitsmaßnahmen ein einfacher Satz — Bedrohungslage steht vor Kassenlage. / Таким образом, в будущем для наших мер безопасности будет действовать одно простое правило. Угроза безопасности важнее состояния казны.* Тем самым дискуссия о целесообразности увеличения военных расходов репрезентируется как проявление незрелости и уклонения от ответственности за коллективную безопасность. Этическое измерение данного аргумента усиливается обращением к межпоколенческой перспективе: *Wir stehen vor einer neuen Epoche für Europa, für Deutschland, für die NATO und für die kommenden Generationen. Heute*

⁷ Boris Pistorius zum NATO-Gipfel in Vilnius am 11.07.2023. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=_s7tXgfQdI4 (дата обращения: 22.12.2025). Заблокирован на территории Российской Федерации с 2024 г.

geht es eben auch und vor allem um die Sicherheit unserer Kinder und Enkel. / Мы стоим на пороге новой эпохи для Европы, для Германии, для НАТО и для будущих поколений. Сегодня речь идет, прежде всего, о безопасности наших детей и внуков. Таким образом, апелляция к преемственности поколений позволяет вписать текущие решения в контекст долгосрочного национального выживания и рационализировать необходимость военных инвестиций, нейтрализуя возможную критику со стороны оппозиции или общественности⁸.

Конкретное содержание ответственности раскрывается через позитивный образ надежности, проецируемый и на Германию, и на Украину. На брифинге в Рамштайне Писториус подчеркивает: *Die Ukraine muss jetzt noch mehr als vorher in einer Position der Stärke bleiben, um, wenn es so weit kommen sollte, verhandeln zu können und auch agieren zu können. Dazu braucht sie unsere Unterstützung und sie kann sich auf Deutschland verlassen. / Украина должна сейчас, более чем когда-либо, оставаться в сильной позиции, чтобы в случае необходимости иметь возможность вести переговоры и действовать. Для этого ей нужна наша поддержка, и она может рассчитывать на Германию.* Коллокация *sich verlassen* (положиться на) апеллирует к базовой ценности доверия и одновременно позиционирует Германию как морального кредитора⁹.

Ключевой тактический прием министра — ритмическое повторение, которое превращает технические понятия в эмоциональные сигналы. Самый показательный фрагмент звучит в его выступлении на заседании контактной группы: *Ein Punkt, der in allen Gesprächen bis jetzt besonders vorgehoben werden, ist Priorität Nummer eins: Luftverteidigung, Luftverteidigung und Luftverteidigung. / Один момент, который особо подчеркивается во всех обсуждениях до сих пор, является приоритетом номер один: противовоздушная оборона, противовоздушная оборона и противовоздушная оборона.* Трехкратный повтор лексемы *Luftverteidigung* (противовоздушная оборона) формирует ритмически подчеркнутую структуру высказывания, придающую ему характер перформативного утверждения. В результате термин утрачивает сугубо профессиональное значение и приобретает символическую функ-

⁸ Rede von Boris Pistorius (SPD) zum Finanzpaket am 18.03.2025. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=-dKrA_em5ts (дата обращения: 22.12.2025). Заблокирован на территории Российской Федерации с 2024 г.

⁹ Boris Pistorius zur Stärkung der europäischen Verteidigungspolitik. 25.11.2024. Электронный ресурс <https://www.youtube.com/watch?v=EX9X5mMEHC8> (дата обращения: 22.12.2025). Заблокирован на территории Российской Федерации с 2024 г.

цию — становится вербальным маркером коллективной обороны. Такая семантическая трансформация облегчает восприятие многомиллиардных поставок вооружений как естественной необходимости.

Темпоральный вектор риторики Б. Писториуса направлен на демонстрацию проактивной позиции Германии, что закрепляет ее образ как государства, способного предвосхищать развитие событий и оперативно реагировать на вызовы. *Und vor der Lage zu sein heißt, für mich, ich möchte dann, wenn eine Entscheidung fällt, ob in einer Woche oder in zwei oder in einem Tag, in der Lage sein, auch schnell handeln zu können. / И быть готовым к ситуации для меня означает, что когда будет принято решение — будь то через неделю, через два дня или через день — я хочу быть в состоянии действовать быстро.* Выражение *vor der Lage sein* (быть в состоянии) представляет собой ключевой элемент риторической стратегии, направленной на формирование образа Германии как предусмотрительного и ответственного актора, способного не только реагировать на угрозы, но и упреждать их. В данном контексте лексема *Lage* (ситуация, положение) выступает метафорическим обозначением военно-политической действительности, а предлог *vor* (перед) придает конструкции пространственное измерение упреждения¹⁰.

В результате складывается устойчивая система представлений, в рамках которой министр обороны ФРГ Б. Писториус конструирует образ Германии как морально зрелого, ответственного и надежного лидера европейской безопасности, образ России как источник постоянной угрозы, образ Украины как объект защиты и морального долга. За счет повторяющихся лексем угрозы, ответственности и надежности формируются устойчивые смыслы, которые задают современную репрезентацию данных стран и их обществ.

Эта структура продолжает историческую трансформацию этнических образов *немца* и *русского* в сознании немецкого социума. Так, если в первой половине XX в. германская идентичность конструировалась через оппозицию «цивилизованного немца» и «варварского восточного соседа», то современный дискурс, представленный речами Б. Писториуса, демонстрирует переосмысление этой бинарности.

¹⁰ Statement: Verteidigungsminister Boris Pistorius beim Treffen der Ukraine-Kontaktgruppe in Ramstein. Электронный пецурп <https://www.youtube.com/watch?v=MfS7dObm0Q> (дата обращения: 22.12.2025). Заблокирован на территории Российской Федерации с 2024 г.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить специфику формирования и изменения социальных репрезентаций образов *России* и *Германии* в немецкоязычном медиапространстве и официальном военно-политическом дискурсе. Показано, что этнические образы тесно связаны с ценностными ориентирами общества и отражают изменения политического контекста.

На примерах, взятых из газетных текстов различных периодов, прослеживается динамика: от противопоставления в логике «варварский Восток — защищающая цивилизация Германия» к более гибкому и многослойному восприятию России как политического актора, отделенного от населения, и к представлению Германии как партнера и посредника в европейской интеграции. При этом отдельные элементы ценностной самоидентификации — мотив ответственности за безопасность Европы, подчеркнутая дисциплинированность и надежность — сохраняют устойчивость на протяжении долгого времени.

Современный военно-политический дискурс, представленный публичными выступлениями министра обороны ФРГ Б. Писториуса, демонстрирует дальнейшую трансформацию этих смысловых структур. В нем образ России закрепляется преимущественно через призму угрозы и стратегической неопределенности, Украина — как партнер, нуждающийся в поддержке, а Германия — как субъект, несущий ответственность за коллективную безопасность. Повтор ключевых лексем, таких как *угроза*, *ответственность*, *надежность*, структурирование аргументации через идею «быть на шаг впереди» и апелляции к будущим поколениям формируют устойчивый нарратив о ведущей роли Германии в обеспечении европейской стабильности.

Таким образом, результаты исследования позволяют заключить, что система ценностей играет важную роль в конструировании этнических образов и их общественном восприятии, а социальные репрезентации являются динамичным механизмом их трансляции и переосмысления. Представленный анализ показывает, что в условиях изменяющейся международной обстановки этнические образы становятся инструментом политической коммуникации, отражая актуальные стратегии самоопределения государства и задавая рамки общественной интерпретации происходящих событий.

Вместе с тем полученные результаты не исчерпывают всех аспектов заявленной темы. Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении корпуса анализируемых источников военного дискурса. Кроме того, важно также проследить, как внешнеполитические

события и изменения в немецком обществе могут корректировать уже сложившиеся образы *русского* и *немца*. Дополнительный интерес представляет сопоставление немецких репрезентаций с аналогичными процессами в других западных странах, что позволит глубже понять общие и специфические механизмы конструирования этнических образов в современном военно-политическом контексте.

Библиографический список

- Алефиренко Н.Ф., Голованева М.А., Озерова Е.Г., Чумак-Жунь И.И. Текст и дискурс. М.: ФЛИНТА, 2013. 232 с.
- Бирюкова Е.А. О значении понятия «культура» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 12–4. С. 131–134.
- Бочкарев А.И. Фундаментальные основы этногенеза : уч. пособие. М.: ФЛИНТА: МПСИ, 2015. 464 с.
- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: URSS, 2020. 438 с.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Эксмо, 2012. 495 с.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 6-е изд. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
- Князева Е.Н. Визуальные образы на службе когнитивной науки // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 1. С. 58–75.
- Кожемякина В.А. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко; авт.: В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник, Т.Б. Крючкова, О.С. Парфенова, Ю.В. Трушкова; при участии А.Н. Биткеевой, М.А. Горячевой. М.: Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям, 2006. 312 с.
- Лукьянова Н.А. Когнитивные источники образных слов // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 169–186.
- Мальцева Е.А. Художественный образ как результат отражения и конструирования реальности // Обсерватория культуры. 2020. № 17 (1). С. 16–25.
- Мальцева Е.А. Художественный образ как форма познания // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2019. Вып. 4 (32). Т. 2. С. 48–57.
- Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2018. 224 с.
- Никитина Л.Б. Языковой образ-концепт: о природе сложного термина // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). С. 97–99.
- Скуднова Т.Д., Личман И.Д. Аксиологическая компонента социальной деятельности как фактор позитивной трансформации общества // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. 2019. № 1. С. 299–304.

Степанов С.С., Шляховой Д.А. Прагматический аспект социальной репрезентации в военном дискурсе: стратегии воздействия и манипуляции // Военно-филологический журнал. 2025. № 3. С. 116–131.

Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 215 с.

Тэшфел А. Интеграция теории социальной идентичности // Психология групп и межгрупповых отношений. Казань: Канон+, 2012. С. 117–145.

Шайхиева Ш.М. Аксиология языка: проблемы и перспективы. Махачкала: Академпресс, 2017. 256 с.

Ягодина И.Д. Этнокультурный компонент репрезентации образа женщины в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2022. № 4. С. 36–45.

Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social representations: Explorations in social psychology. S. Moscovici / Ed. by G. Duveen. New York: New York University Press, 2000. P. 18–77.

Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 400 p.

References

Alefirenko N.F., Golovaneva M.A., Ozerova E.G., Chumak Zhun I.I. Text and discourse: a study guide for master's students, Moscow, 2013, 232 pp. (In Russian).

Biryukova E.A. On the meaning of the concept of “culture”. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = Current Issues of Humanities and Natural Sciences, 2016, no. 12–4, pp. 131–134. (In Russian).

Bochkarev A.I. Fundamental foundations of ethnogenesis: a study guide, Moscow, 2015, 464 pp. (In Russian).

Bromley Yu.V. Essays on the theory of ethnos, Moscow, 2020, 438 pp. (In Russian).

Gumilev L.N. Ethnogenesis and the earth's biosphere, Moscow, 2012, 495 pp. (In Russian).

Karaulov Yu.N. The Russian language and the linguistic personality, Moscow, 2010, 264 pp. (In Russian).

Knyazeva E.N. Visual images in the service of cognitive science. *Praksema. Problemy vizualnoy semiotiki* = Praxeme. Issues of Visual Semiotics, 2020, no. 1, pp. 58–75. (In Russian).

Kozhemyakina V.A. Dictionary of sociolinguistic terms. Ed. by V. Yu. Mikhailchenko. *Nauchno-issledovatel'skiy tsentr po natsionalno-yazykovym otnosheniyam* = Research center for national language relations, Moscow, 2006, 312 pp. (In Russian).

Lukyanova N.A. Cognitive sources of figurative words. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* = Siberian Journal of Philology, 2003, no. 3–4, pp. 169–186. (In Russian).

Maltseva E.A. The artistic image as a form of cognition. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo* = Humanities Bulletin of TSPU named after L.N. Tolstoy, 2019, iss. 4 (32), vol. 2, pp. 48–57. (In Russian).

Maltseva E.A. The artistic image as a result of reflection and construction of reality. *Observatoriya kultury* = Observatory of Culture, 2020, vol. 17, no. 1, pp. 16–25. (In Russian).

Maslova V.A. *Linguoculturology*. Moscow, 2018, 224 pp. (In Russian).

Moscovici S. The phenomenon of social representations / Social representations: Explorations in social psychology, ed. by G. Duveen, New York, New York University Press, 2000, pp. 18–77.

Nikitina L.B. The linguistic image-concept: on the nature of a complex term. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Chelyabinsk State University, 2011, no. 24 (239), pp. 97–99. (In Russian).

Shaykhieva Sh.M. *Axiology of language: problems and prospects*. Makhachkala, Akadempress, 2017. 256 pp. (In Russian).

Skudnova T.D., Lichman I.D. The axiological component of social activity as a factor in the positive transformation of society. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova* = Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov, 2019, no. 1, pp. 299–304. (In Russian).

Stepanov S.S., Shliakhovoi D.A. Pragmatic aspect of social representation in military discourse: strategies of influence and manipulation. *Voennofilologicheskii zhurnal* = Military-Philological Journal, 2025, no. 3, pp. 116–131. (In Russian).

Tajfel H. Integrating social identity theory. *Psikhologiya grupp i mezhrupponykh otnosheniy* = Psychology of Group and Intergroup Relations. Kazan, Kanon+, 2012, pp. 117–145. (In Russian).

Tajfel H. *Social identity and intergroup relations*, Cambridge, 1982, 400 p.

Teliya V.N. *Russian phraseology: semantic, pragmatic, and linguoculturological aspects*. Moscow, 1996. 215 pp. (In Russian).

ПРИНЦИПЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПАРАМЕТРОВ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ НА СОВРЕМЕННЫХ ОНЛАЙН-РЕСУРСАХ

А.О. Полякова

Ключевые слова: заимствование, иностранные слова, лексикография, компьютерная лексикография, словарь иностранных слов, лингвистическая база данных

Keywords: borrowing, foreign words, lexicography, computer lexicography, dictionary of foreign words, linguistic database

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)2-05](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)2-05)

Введение

В исследованиях последних лет отмечается интенсивный приток заимствованных слов в конкретные национальные языки, что, с одной стороны, расценивается как один из ведущих факторов языкового развития, с другой — фактор, несущий определенные риски чрезмерно быстрого изменения словарного состава языка, требующий нормативного регулирования и своевременного лексикографического представления в словарях [Ахметшина, 2020; Кардаш, 2023; Прошина, 2025; Panina, 2020; Simsek, 2023]. Под влиянием цифровизации в конце XX в. началось формирование компьютерной лексикографии, что существенно изменило представление о современных словарях и способах работы с ними. Стремительный переход на электронные словари, созданные на основе использования технологии лингвистических баз данных (ЛБД), обусловлен оптимизацией процессов хранения и обработки информации. Смена пользовательских взглядов в отношении удобства и оперативности работы со словарной статьей была предопределена временем [Воронцова, 2022, с. 187]. Лексикографы отмечают, что базовые традиционные принципы построения словарей остаются неизменными, однако при работе с цифровым форматом снижаются временные и финансовые затраты на их производство. Электронный вариант способствует сохранению четкой структуры словаря без случайной утери данных, без ограничений по объему информации. Кроме того, способность встраивания корпуса текстов в систему словарного поиска обеспечивает пользователя нужным количеством примеров для понимания [Рахилина, 2025].

В рамках работы над словарями заимствованных слов в быстро меняющихся условиях отмечается важность их соответствия ключевому принципу ЛБД — открытости и возможности своевременного обновления данных [Левенкова, 2023, с. 91]. О.В. Шадрина вслед за другими исследователями в своей работе предложила классифицировать принципы построения онлайн-гlossариев с трех позиций: авторская установка, макрокомпозиция и микрокомпозиция, в результате чего охватывается весь спектр критериев построения словаря [Шадрина, 2025, с. 108]. Отдельное внимание стоит обратить на исследование Е.М. Григорьевой, затрагивающее такой этап построения словаря, как предварительное анкетирование и ассоциативный эксперимент. Автор говорит о важности учета пользовательских ассоциаций в работе со словарями (в том числе и словарями заимствованных слов), в результате чего одним из функциональных принципов разработки является наличие интерактивных кнопок, гиперссылок и дополнительных помет, помогающих связывать словарные статьи между собой [Григорьева, 2025]. Несмотря на несомненные преимущества цифровизации, вследствие разнородности подходов к вопросам представления языковых данных в цифровом формате возникают проблемы, связанные с соотношением представляемых в словарях единиц. В частности, наблюдается определенная рассогласованность в представлении иноязычных заимствований в электронных ресурсах русского языка.

Цель данного исследования заключается в выявлении и систематизации параметров представления иноязычных заимствований на современных лексикографических онлайн-ресурсах.

Задачи исследования:

- 1) отбор и классификация имеющихся в свободном доступе в сети Интернет лексикографических онлайн-ресурсов, содержащих словари заимствованных слов;
- 2) определение ключевых аспектов базового функционального и лингвистического наполнения ресурсов;
- 3) анализ отобранных источников с позиций реализации ключевых аспектов для дальнейшего выявления структурных параметров представления заимствованных лексических единиц;
- 4) обозначение / идентификация обязательных и возможных параметров представления иноязычной лексики в словарных ресурсах.

Актуальность исследования связана с тем, что в настоящее время уделяется особое внимание вопросам создания Национально-

го словарного фонда, а также единого перечня нормативных словарей русского языка [Федеральный закон от 22.04.2024 г. № 93-ФЗ], что нашло отклик в исследованиях по лексикологии и лексикографии современного русского языка, среди которых отметим работы С.А. Шейпак, Е.А. Щегловой, Р.И. Воронцова и других [Шейпак, 2024; Щеглова, 2024; Воронцов, 2024]. Необходимо также принимать во внимание содержание Федерального закона от 24.06.2025 № 168-ФЗ, вносящего изменения в отдельные законодательные акты и регулирующего использование государственного языка Российской Федерации при написании информации, предназначенной для ознакомления потребителей, в том числе и по вопросу использования иностранной лексики [Федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ]. Результаты данного исследования могут внести вклад в изучение проблем, связанных с разработкой параметров описания иноязычных слов при составлении электронных словарей или баз иноязычных заимствований.

Методы и материалы исследования

Исследование выполнено в русле социолингвистической парадигмы. Для решения поставленных задач в работе использованы метод целевой выборки, позволивший отобрать необходимые онлайн-ресурсы и словарные статьи в них; приемы структурно-функционального анализа лингвистических ресурсов, способствующие оценке функциональной и содержательной наполняемости словарей; элементы компонентного и сопоставительного анализа, используемые для сравнения полученных данных и определения обязательных базовых параметров описания заимствованных слов.

Материал исследования — имеющиеся в свободном доступе в сети Интернет словарные базы данных русского языка¹. В общей сложности анализу подверглось 8 источников, содержащих словари заимствованных слов. Отобранные лексикографические ресурсы были распределены на три категории в зависимости от выполняемых функций, охвата представленного словарного материала и цели создания. В первую категорию вошли открытые лингвистические порталы, объединяющие данные по различным языковым аспектам, включая словари заимствованных слов [Интегрированная языковая база данных (ИЯБД); Наци-

¹ Интегрированная языковая база данных (ИЯБД). https://ruslang.ru/normativnyje_slovari

ональный корпус русского языка²; Грамота.ру³; Академик⁴; Картаслов.Ру⁵]. Вторая категория представляет собой традиционные печатные словари заимствованных слов в оцифрованном формате [Инслов.ру⁶]. К третьей категории отнесены частные малые сайты с языковыми проектами в области заимствований [Словарус 2.0⁷; Словород⁸]. Ресурсы последней категории не могут быть включены в общий анализ по причине их узкой направленности, однако данные проекты представляют интерес для отдельного рассмотрения в связи с нехваткой официальных разработок в области замены заимствованных слов русского языка.

Суммарный объем проанализированного материала составляет более 400 единиц (в пределах 70 словарных статей на заимствованные слова из каждого источника). Статьи были отобраны в результате целенаправленного поиска в поисковой строке с помощью алфавитного указателя, а также, при отсутствии данных компонентов, методом целевой выборки из списка данных.

Результаты исследования

В результате рассмотрения определений понятий «заимствованное слово» и «иноязычное слово» в словарях лингвистических терминов были отмечены ключевые характеристики заимствований, на основе которых можно определить компоненты, которые должна содержать словарная статья для минимального описания заимствованных слов. Данные характеристики и выдержки из словарей представлены ниже.

1. Наличие языка-источника и в ряде случаев языка-посредника (возможные пометы: *лат.*, *греч.*, *англ.* и т.п.). Данный параметр соотносится с такими признаками заимствования, как «перенесенный из одного языка в другой» [Лингвистический энциклопедический словарь]; «может заимствоваться через посредство другого языка» [Словарь лингвистических терминов, 2010, с. 107].

2. Степень освоенности языком-реципиентом (возможные пометы: *спец.*, *варв.*, *экзот.* и т.п.). Данный параметр представлен в определении термина «заимствование» следующим образом: «как правило, подчиня-

² Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/>

³ Грамота.ру. <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/slovar-9>

⁴ Академик. <https://academic.ru/>

⁵ Картаслов.Ру. <https://kartaslov.ru/>

⁶ Инслов.ру. <https://www.inslov.ru/>

⁷ Словарус 2.0. <https://словарус.рф/#Пагинатор>

⁸ Словород. <https://www.slovorod.ru/strange-words/native-from-alien.html>

ются законам фонетики, грамматики и словообразования этого языка» [Словарь-справочник лингвистических терминов].

3. Возможное наличие языковых особенностей, если слово прошло не все этапы адаптации (возможные пометы: *нескл.*, *мн.ч.* и т.п.). Данный параметр представлен в определении термина «заимствование» следующим образом: «сохраняют следы своего иноязычного происхождения в виде звуковых, орфографических, грамматических и семантических особенностей» [Лингвистический энциклопедический словарь].

Таким образом, само понятие заимствованного слова подразумевает наличие данных компонентов в любой словарной статье. Далее необходимо обратиться к авторитетным словарям бумажного типа и рассмотреть, как данные характеристики описания заимствованных единиц были реализованы в них.

Для решения данной задачи был выбран «Большой академический словарь русского языка» (БАС). В качестве примеров представлены общеупотребимое заимствованное слово «менеджер» и слово специальной лексики «праймериз» [Большой академический словарь русского языка, 2004, т. 10, с. 60; т. 19, с. 469].

МЕНЕДЖЕР, а, м. Специалист, владеющий искусством менеджмента. *Менеджер по рекламе и маркетингу. Менеджер по подбору персонала.* □ *А вот как заставить научно-исследовательские институты и лаборатории без страха участвовать в конкурентных работах, какие здесь нужны и какие возможны средства, — это дело специалистов по организации и управлению наукой — менеджеров.* Томилин, Набережная российск. наук. *Вежливый менеджер быстро оформил все документы, и через полчаса Михаил держал в руках направление в фирменный автосервис.* Волгин, Дело о добром менеджере.

— Слов. иностр. сл. 1979: мѐнеджер. — Англ. *manager*.

МЕНЕДЖЕРСКИЙ, ая, ое. Относно к менеджеру, менеджерам, менеджеству. *Менеджерский диплом. Менеджерские услуги.*

— Слов. нов. сл. 1997: мѐнеджерский.

МЕНЕДЖЕРСТВО, а, ср. Деятельность, услуги менеджера, менеджера. *Учиться менеджеству.*

— Слов. нов. сл. 1997: мѐнеджерство.

ПРАЙМЕРИЗ, *нескл.*, *мн.* В политике — предварительные выборы, в которых выбирается один кандидат от партии. *Поражение на праймериз. Нарушение во время праймериз.* □ *Владимир Путин предлагает установить новый стандарт предвыборной работы: чтобы по примеру «Единой России» и все другие партии проводили праймериз.* Д. Гусева и Н. Роткова, Праймериз для всех.

— Слов. нов. сл. 1997: пра́ймериз. — Англ. *primaries*.

Прокомментируем данные примеры. Слово *менеджер* произошло от английского *manager*, в связи с чем в словаре представлено пояснение с пометой «англ.». На данный момент оно является полностью освоенным заимствованием в русском языке, так как может склоняться (окончание -а в родительном падеже указывает на 2-е склонение), изменяться по числам и па-

дежам и образовывать производные по правилам русского языка (в описании представлены такие варианты, как *менеджеров*, *менеджерский* и др.).

Слово *праймериз* является примером того, как заимствованное слово может сохранять иноязычные признаки, которые выражены в отсутствии склонения, что является нетипичным для русского языка (дана помета «нескл.»).

В дополнение к вышеизложенным компонентам на примере данных словарных статей и других просмотренных статей БАС также выявлено:

- обязательное наличие толкования заимствований;
- обязательно наличие примеров употребления (для толковых словарей).

Дальнейшим этапом исследования является обращение к онлайн-ресурсам, специализирующимся на описании заимствованных слов.

При составлении лексикографических онлайн-ресурсов важно учитывать разные структурные аспекты, регулирующие их содержательную и функциональную наполняемость. Изучением данных аспектов занимались многие ученые, в том числе Л.Б. Федюченко, Е.Ю. Балалаева, Б.Р. Закраилова [Федюченко, 2017; Балалаева, 2021; Закраилова, 2025]. На основе анализа данных научных источников нами было сформировано три основополагающих аспекта: **лингвистический, информационный, технический**. Подробное описание аспектов в рамках исследования словарей заимствованных слов представлено ниже.

Лингвистический аспект. Наиболее важный структурный компонент словарной статьи, обеспечивающий эффективность его использования. Помимо самого заимствованного слова, может включать в себя его этимологическую справку, толкование, наличие аналогов, синонимов, коллокаций и т.п.

Информационный аспект. Не менее важный компонент, оснащающий словарную статью дополнительной справкой для полного раскрытия темы. Разного рода словарные пометы, отсылки, примечания, примеры употребления необходимы для корректного представления информации.

Технический аспект. Компонент позволяет повысить функционал лексикографического ресурса для пользователей за счет удобной навигации, расширенного поиска, алфавитного указателя и иных встроенных технических инструментов.

Результаты детального рассмотрения отобранных онлайн-ресурсов с позиций реализации вышеизложенных компонентов представлены в таблице и обозначены знаками «+» и «-». Даны необходимые комментарии.

Результаты анализа функционального и содержательного
наполнения лексикографических онлайн-ресурсов

Источник	Лингвистический аспект			Информационный аспект			Технический аспект				
	этимологическая справка	толкование	русскоязычный аналог	примечания	пометы/отсылки	сфера/тематика употребления	примеры употребления	поисковая строка	индивидуальные настройки поиска	алфавитный указатель	корпусный поиск
ИЯБД	+	+	- Только слова, не имеющие аналогов	+	+	+ Разг. / Проф. / Высок.	+	-	-	+	-
Грамота.ру	+	+	-	+	+	+	+	+	-	-	-
Академик.ру	+	+	-	-	+	+	-	+	-	+	-
Инслов.ру	+	+	-	-	+	+	-	-	-	+	-
Картаслов.ру	+	+	-	+	+	+	+	+	-	-	-

На следующем этапе исследования был проведен сопоставительный анализ полученных данных электронных словарей с выявленными ранее компонентами печатных словарей.

В результате сопоставления все обозначенные компоненты были распределены на 3 группы:

- **обязательные** — соответствуют заявленным характеристикам заимствований, употреблялись в бумажных словарях, в связи с чем также обязательны для онлайн-словарей;
- **рекомендованные** — наличие может варьироваться от типа словаря, его функциональной направленности и типа лексической единицы;
- **опциональные** — наличие обусловлено единичной необходимостью и выбором автора.

Таким образом, к **обязательным компонентам** относятся этимологическая справка, толкование, пометы / отсылки и примеры употребления.

Этимологическая справка. Необходимый элемент словаря заимствованных слов, помогающий отследить историю вхождения слова в принимающий язык, включая время, языки — источники, посредники, а также пройденные этапы адаптации.

Примеры:

Тренинг — (англ. *training*) (Академик.ру).

КОММЕРСАНТ, *а, м.* [франц. *commerçant* <лат. *commercium* торговля]» (Интегрированная языковая база данных).

Толкование. По функциональному типу словарь заимствованных слов является толковым, в связи с чем данный компонент имеет ключевое значение в правильном понимании смыслового содержания иноязычного слова. Преимущественно за данной информацией пользователи обращаются к ресурсу. Важно, что грамотное толкование слова может содержать в себе его русскоязычный аналог.

Примеры:

«*Коуч* — тот, кто занимается коучингом; тренер, наставник» (Картаслов.ру). В данном толковании присутствуют русскоязычные аналоги заимствованного слова.

«*ДЕМАРКЕТИНГ*, *а, м.* Вид маркетинга, проводимого с целью уменьшить спрос на товар или услугу, ставший чрезмерным вследствие превышения уровня производственных возможностей, товарных ресурсов» (Интегрированная языковая база данных). Длинное описательное толкование является причиной отсутствия русскоязычного аналога.

Пометы / отсылки. Важный компонент словарной статьи, обеспечивающий грамматическую, лексическую, историческую и другие виды сопровождающей информации. Примеры:

«*КАЗНА́, -ы́, ж.* Устар. Совокупность денежных, земельных и иных средств государства» (Картаслов.ру). Помета «устар.» указывает на исторический характер заимствования.

«*ВА-БА́НК*, *нареч.* [франц. *va banque*]. 1. В карточных и некоторых других азартных играх — поставив на кон все имеющиеся деньги или очки с риском потерять их в случае поражения; на все имеющиеся деньги, очки. Соперник идет ва-банк, имея на руках хорошие карты. Участник передачи «Своя игра» пошел ва-банк. Ставить ва-банк в букмекерской конторе. 2. Разг. Перен. Рискуя всем. Пойти ва-банк на экзамене. Главнокомандующий решил сыграть ва-банк и ускорить наступление» (Интегрированная языковая база данных). Грамматическая помета «нареч.» регулирует нормы употребления заимствования, а лексическая помета «перен.» объясняет стилистические особенности выбора данного слова.

Наличие в словарной статье **примеров употребления** заимствованных слов в контексте указывает на обширный объем данных словаря и пользовательскую направленность. В большинстве случаев для этого также необходима интеграция корпусных данных в систему словаря, чем обладает не каждый ресурс. Примеры:

«АНТУРАЖ, *а, тв. антуражем, м.* [франц. *entourage* <*entourer* *окружать*]. *Окружение, окружающая среда, обстановка. Привычный антураж. Антураж клуба, офиса, театра*» (Интегрированная языковая база данных). Представлены примеры в виде словосочетаний без указания источника.

«Брифинг — *офици. встреча официальных лиц с представителями средств массовой информации, на которой излагается официальная позиция, делается короткое информационное сообщение по какой-либо проблеме (обычно — в отличие от пресс-конференции — без ответов на вопросы приглашенных)* ♦ *Вчера в посольстве Греции в Российской Федерации «на заданную тему» прошёл брифинг чрезвычайного и полномочного посла Димитриоса Параскевопулоса. Андрей Митьков, «Греки в 2004 году проведут некоммерческую Олимпиаду», 2002 г. // «Известия» (цитата из НКРЯ)*» (Картаслов.ру). Приведен пример с отсылкой на реальный источник из НКРЯ.

К **рекомендованным компонентам** можно отнести сферу / тематику употребления, примечания, поисковую строку и алфавитный указатель.

Сфера / тематика употребления — вид помет, выделенный в отдельный компонент по причине ключевого значения при ознакомлении с иноязычными лексическими единицами. Обеспечивают ясное понимание области функционирования заимствований и их дальнейшее грамотное употребление в речи. Примеры:

«Плагин — *комп. независимо компилируемый программный модуль, динамически подключаемый к основной программе*» (Картаслов.ру).

«ИМПИЧМЕНТ [англ. *impeachment* — *порицание, обвинение*] — *юр., полит. 1) особый порядок привлечения к ответственности и судебному рассмотрению дел о преступлениях высших должностных лиц; 2) лишение полномочий лиц, избранных в орган законодательной, государственной или местной власти, за грубые нарушения законов. Первонач. — в отношении президента страны в Конгрессе США*» (Инслов.ру).

Примечания обычно включают в себя вводные комментарии по возможностям словаря и советы по его использованию. Часто встречаются в словарях бумажного типа, а также в крупных порталах с большим функционалом.

Поисковая строка и алфавитный указатель упрощают работу в системе, делают ее быстрой и эффективной.

Опциональные компоненты выражены русскоязычным аналогом заимствования, индивидуальными настройками поиска и возможностью встроенного корпусного поиска. При этом отсутствие последних двух компонентов зачастую объясняется изначально разной материально-технической базой ресурсов и ограниченными навыками разработчиков.

Необходимо отметить, что на данный момент существует только один нормативный словарь иностранных слов, разработанный в рамках реализации языковой политики РФ и отвечающий требованиям Постановления Правительства РФ от 30 апреля 2025 г. № 1102-р. Языковая база данных Института лингвистических исследований РАН представлена в виде документа формата PDF в объеме 2234 страниц. На официальном сайте института словарь доступен только в данном формате без возможностей какого-либо цифрового поиска. Однако на портале «Грамота.ру» в недавнее время появился раздел с нормативными словарями, переведенными в цифровой формат с поисковой строкой, что значительно упрощает работу в системе. Данный нормативный словарь имеет подробную пояснительную информацию, где указан временной диапазон включенных заимствований (с XVIII в.). Даются отсылки на словарную базу неологизмов русского языка.

Ключевая характеристика данного словаря, при реализации которой компонент «русскоязычный аналог заимствования» становится полностью неактуальным в исходном документе, — это наличие только той иностранной лексики, которая не имеет таких аналогов. В результате чего, согласно Федеральному закону от 24.06.2025 № 168-ФЗ, источник дает право использовать описанные в нем лексические единицы в сферах функционирования русского языка как государственного в полной мере.

Отметим, что Национальный корпус русского языка, являясь крупной текстовой базой данных, не содержит в себе отдельные словари заимствованных слов, в связи с этим не представлен в таблице выше. Тем не менее его значимость при работе с иностранными словами очень высока. Портал оснащен функциональной системой поиска, позволяющей находить не только контекст, примеры употребления и возможные коллокации заимствованных слов, но и отслеживать историческую динамику изменения слова, процессы семантической и грамматической адаптации, количественные данные частотности употребления.

Переход на электронные словари — это новый этап развития лексикографии, который характеризуется наличием ряда технических преимуществ. Исходя из этого, в результате сопоставительного анализа

трех выявленных ранее типов компонентов (на основании характеристик слова «заимствование», печатных словарей и цифровых словарей) был составлен **единый унифицированный обязательный минимум**, который, на наш взгляд, может включать каждый онлайн-словарь заимствованных слов. Его параметры представлены ниже:

- 1) этимологическая справка,
- 2) толкование,
- 3) пометы / отсылки,
- 4) примеры употребления заимствованных слов,
- 5) автоматизированный поиск слов.

Особенность данного обязательного минимума заключается в комбинировании важных структурных составляющих словарей печатного вида и новых функциональных возможностей электронного вида. Наличие всех данных компонентов может обеспечить не только полноценную информационную наполняемость словарной статьи, но и высокую скорость поиска данных.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить и систематизировать параметры представления иноязычных заимствований в современных лексикографических онлайн-ресурсах русского языка. Установлено, что традиционные характеристики заимствований (язык-источник, степень освоенности, наличие иноязычных признаков) остаются фундаментальными как для печатных, так и для цифровых словарей. В результате исследования предложена трехуровневая классификация параметров представления иноязычных единиц: обязательные (этимологическая справка, толкование, пометы, примеры употребления), рекомендованные (сфера употребления, примечания, поисковая строка, алфавитный указатель) и опциональные (русскаяязычный аналог, индивидуальные настройки поиска, корпусный поиск). К преимуществам, связанным с использованием цифрового формата, относятся параметры, представленные в последних двух группах (рекомендованные и опциональные), а именно: наличие помет, относящих слово к определенной сфере употребления, и инструментов быстрого поиска нужного слова, в том числе русского аналога иноязычного заимствования.

На данный момент очевидна высокая значимость нормативного словаря ИРЯ РАН, в котором в наиболее полном объеме представлен пласт заимствованной лексики в составе русского языка. Однако, несмотря на наличие данного ресурса, заметна нехватка единого структурированного портала, представляющего иноязычную лексику в системном

плане, в том числе с разделением слов по сферам употребления (например, образовательная, экономическая, техническая, компьютерная и т.п.), поскольку в отдельных сферах жизнедеятельности приток заимствований происходит более интенсивно и необходимость использования заимствованных слов выше, чем в других сферах. Поэтому перспективы настоящего исследования связаны с более глубоким изучением особенностей функционирования заимствованных слов и составлением электронной базы иностранных слов в одной конкретной сфере — сфере образования. В настоящий момент использование стилистических помет на имеющихся онлайн-платформах в большинстве случаев ограничено объемными и недостаточно точно выраженными группами «Проф.» или «Разг.». Более подробная классификация помет по сферам употребления могла бы обеспечить более четкий структурированный поиск нужного слова.

Таким образом, основным результатом представленного исследования является формирование унифицированного перечня параметров, сочетающего лингвистическую полноту печатных изданий с функциональными возможностями цифровой среды. Полученные результаты могут быть использованы при разработке новых и обновлении существующих цифровых лексикографических ресурсов, а также в контексте создания Национального словарного фонда и нормативных словарей русского языка.

Библиографический список

Ахметшина Ю.В. Современные англоязычные заимствования и проблема межвариантности в свете общей теории заимствования // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1 (80). С. 324–326. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00131>

Балалаева Е.Ю. Концептуальный этап создания электронного словаря // Гуманитарные научные исследования. 2021. № 3. Электронный ресурс <https://human.snauka.ru/2021/03/42058>

Балалаева Е.Ю. Этапы проектирования электронных словарей // Компьютерные науки и телекоммуникации. 2021. № 2 (60). С. 49–54.

Воронцов Р.И. Нормативно-стилистический толковый словарь как «моментальная фотография» современного словоупотребления: новый взгляд на учение Ю.С. Сорокина // Вопросы лексикографии. 2024. № 31. С. 5–22. <https://doi.org/10.17223/22274200/31/1>

Воронцова И.А. Современные практики англоязычной онлайн-лексикографии // Верхневолжский филологический вестник. 2022.

№ 1 (28). С. 186-194. Электронный ресурс <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-186-194>

Григорьева Е.М. Из опыта моделирования словарей в современной лексикографии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. № 3. С. 46-54. <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2025/3/46-54>

Закраилова Б.Р. Электронный словарь как новое явление в современной лексикографии // Актуальные проблемы социально-экономического развития регионов Юга России: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Махачкала, 2025. С. 389-394.

Кардаш А.М. Заимствования как фактор изменения языка (на примере спортивных англоязычных заимствований в японском языке) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2023. № 4 (79). С. 22-29. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2023.4.022>

Левенкова А.Ю. Базы данных в лингвистике и языковом образовании: современное состояние и возможности их использования при обучении иностранному языку // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2023. № 2 (175). С. 90-101.

Прошина З.Г. Опосредованные заимствования в русском языке: заимствования-сокращения // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 25-38. <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-2>

Рахилина Е.В. О цифровой лексикографии // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2025. № 1. С. 360-366. <https://doi.org/10.31912/pvrli-2025.1.32>

Федюченко Л.Г. Структурно-функциональные параметры терминологической базы данных // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3. № 2. С. 45-58. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2017-3-2-45-58>

Щеглова Е.А., Прокофьева Н.А. «Медиасловарь ключевых слов текущего момента» как лексикографический источник нового типа // Вопросы лексикографии. 2024. № 32. С. 52-70. <https://doi.org/10.17223/22274200/33/3>

Шадрина О.В. Лексические аспекты разработки онлайн-глоссария по искусственному интеллекту // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 108. № 1. С. 105-114. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2025-108-1-105-114>

Шейпак С.А. От традиционного словаря к онлайн-словарю: развитие лексикографической культуры пользователя // Вопросы лексикографии. 2024. № 33. С. 29–51. <https://doi.org/10.17223/22274200/33/2>

Simsek H.B. The contested legacy of borrowing: attitudes of Turkish speakers to Arabic and Persian loanwords in Turkish // Социолингвистика. 2023. № 2 (14). С. 79–97.

Список источников

Академик. Электронный ресурс <https://academic.ru/>.

Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [ред.: Л.И. Балахонова]. М.; СПб. : Наука, 2004.

Грамота.ру. Электронный ресурс <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/slovar-9>

Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН. Электронный ресурс https://ruslang.ru/normativnyje_slovari

Картаслов.Ру. Электронный ресурс <https://kartaslov.ru/>

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с. Электронный ресурс <https://tapemark.narod.ru/les/158a.html>

Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс <https://ruscorpora.ru/>

Словарь иностранных слов. Электронный ресурс: <https://www.inslov.ru/>

Словарус 2.0. Электронный ресурс <https://словарус.рф/#Пагинатор>

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов ; 5-е изд., испр. и доп. Назрань: «Пилигрим», 2010. 486 с.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов ; 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1976. 543 с. Электронный ресурс <https://www.press-book.ru/library/books/RozentalTermLingvo/wd136.html>

Словород. Электронный ресурс <https://www.slovorod.ru/strange-words/native-from-alien.html>

О внесении изменения в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» : Федеральный закон от 22.04.2024 г. № 93-ФЗ. Электронный ресурс <https://ivo.garant.ru/#/document/408920559/paragraph/1:5>

О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ. Электронный ресурс <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202-506240035?index=3>

References

Akhmetshina Yu.V. Modern English-language borrowings and the problem of invariance in the light of the general theory of borrowing. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = The world of science, culture, and education. 2020, no. 1 (80), pp. 324–326. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00131> (In Russian).

Balalaeva E.Y. Stages of designing electronic dictionaries. *Komp'yuternye nauki i telekommunikacii* = Computer Science and Telecommunications, 2021, no. 2 (60), pp. 49–54. (In Russian).

Balalaeva E.Y. The conceptual stage of creating an electronic dictionary. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* = Humanitarian scientific research, 2021, no. 3. Retrieved from: <https://human.snauka.ru/2021/03/42058> (In Russian).

Fedyuchenko L.G. Structural and functional parameters of the terminological database. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* = Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitates, 2017, vol. 3, no. 2, pp. 45–58. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2017-3-2-45-58> (In Russian).

Grigorieva E.M. From the experience of modeling dictionaries in modern lexicography. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. = Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural communication, 2025, no. 3, pp. 46–54. <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2025/3/46-54> (In Russian).

Kardash A.M. Borrowings as a factor of language change (on the example of sports English-language borrowings in Japanese). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Tver State University, 2023, no. 4 (79), pp. 22–29. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2023.4.022> (In Russian).

Levenkova A.Y. Databases in linguistics and language education: current state and possibilities of their use in teaching a foreign language. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 2023, no. 2 (175), pp. 90–101. (In Russian).

Proshina Z.G. Indirect borrowings in Russian: borrowings-abbreviations. *Vestnik Moskovskogo universiteta* = Bulletin of the Moscow University. Ep. 19: Linguistics and Intercultural Communication, 2025, vol. 28, no. 2, pp. 25–38. <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-2> (In Russian).

Rakhilina E.V. On digital lexicography. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* = Proceedings of the Vinogradov Institute of the Russian Language, 2025, no. 1, pp. 360–366. <https://doi.org/10.31912/pvrli-2025.1.32> (In Russian).

Shadrina O.V. Lexical aspects of the development of an online glossary on artificial intelligence. *Gumanitarnye i social'nye nauki* = Humanities and Social Sciences, 2025, vol. 108, no. 1, pp. 105-114. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2025-108-1-105-114> (In Russian).

Shapak S.A. From a traditional dictionary to an online dictionary: the development of the user's lexicographic culture. *Voprosy leksikografii* = Lexicography issues, 2024, no. 33, pp. 29-51. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-14-79-97> (In Russian).

Shcheglova E.A., Prokofieva N.A. "Media dictionary of keywords of the current moment" as a lexicographic source of a new type. *Voprosy leksikografii* = Questions of lexicography, 2024, no. 32, pp. 52-70. <https://doi.org/10.17223/22274200/33/3> (In Russian).

Simsek H.B. The contested legacy of borrowing: attitudes of Turkish speakers to Arabic and Persian loanwords in Turkish. *Sotsiolingvistika* = Sociolinguistics, 2023, № 2 (14), pp. 79-97. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-14-79-97> (In English).

Vorontsov R.I. Normative and stylistic explanatory dictionary as a "snapshot" of modern usage: a new look at the teachings of Yu.S. Sorokin. *Voprosy leksikografii* = Questions of lexicography, 2024, no. 31, pp. 5-22. <https://doi.org/10.17223/22274200/31/1> (In Russian).

Vorontsova I.A. Modern practices of English-language online lexicography. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* = Upper Volga Philological Bulletin, 2022, no. 1 (28), pp. 186-194. Retrieved from: <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-186-194> (In Russian).

Zakrailova B.R. Electronic dictionary as a new phenomenon in modern lexicography. *Aktual'nye problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Yuga Rossii* = Actual problems of socio-economic development of the regions of Southern Russia. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War, Makhachkala, 2025, pp. 389-394 (In Russian).

List of Sources

Academic.ru. Retrieved from: <https://academic.ru> (In Russian).

Dictionary of linguistic terms. Nazran, 2010, 486 p. (In Russian).

Federal Law No. 168-FZ dated 06.24.2025 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Retrieved from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202506240035?index=3> (In Russian).

Federal Law No. 93-FZ of April 22, 2024 "On Amendments to the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation". Retrieved from: <https://ivo.garant.ru/#/document/408920559/paragraph/1:5> (In Russian).

Gramota.ru. Retrieved from: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/slovar-9> (In Russian).

Inslov.ru. Retrieved from: <https://www.inslov.ru> (In Russian).

Kartaslov.ru. Retrieved from: <https://kartaslov.ru> (In Russian).

Linguistic encyclopedic dictionary. Chief editor V.N. Yartsev. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990, 682 p. Retrieved from: <https://tapemark.narod.ru/les/158a.html> (In Russian).

Rosenthal D.E., Telenkova M.A. Dictionary of linguistic terms, Moscow, 1976, 543 p. Retrieved from: <https://www.press-book.ru/library/books/RozentalTermLingvo/wd136.html> (In Russian).

Ruscorpora.ru. Retrieved from: <https://ruscorpora.ru>. (In Russian).

Slovarus 2.0. Retrieved from: <https://словарус.рф/#Пагинатор> (In Russian).

Slovorod.ru. Retrieved from: <https://www.slovorod.ru/strange-words/native-from-alien.html> (In Russian).

The Great Academic Dictionary of the Russian Language. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics. Moscow ; St. Petersburg, 2004. (In Russian).

Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. Retrieved from: https://ruslang.ru/normativnyje_slovari (In Russian).

ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ МОТИВАЦИОННОГО ТЕКСТА КОУЧА

Ю.С. Багрова

Ключевые слова: публичное выступление, мотивационный текст, лидерство, коучинг, речевые тактики, композиционная структура речи

Keywords: coaching speech, motivational text, leadership, rhetorical tactics, compositional structure of speech

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)2-06](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)2-06)

Введение

В условиях интенсивного развития современных форм деловой и образовательной коммуникации в последние десятилетия заметно возрастает интерес к различным видам выступлений знаменитых коучей как к одному из действенных средств формирования лидерских качеств и мотивации к профессиональному росту. Данный тип мотивационного текста ориентирован, прежде всего, на стимулирование внутреннего потенциала личности, преодоление психологических барьеров саморазвития и активизацию субъектной позиции адресата. При этом под коучинговым выступлением в настоящей работе понимается мотивационный текст коуча (устный или изначально письменный), организованный по законам публичной речи и предназначенный для многократного воспроизведения в медийной среде. Несмотря на очевидную востребованность мотивационных выступлений в практической сфере, их жанровая специфика, композиционная структура и система речевых тактик в лингвистике до сих пор описаны лишь фрагментарно [Подоляк, 2016; Климчук, 2015; Хутыз, 2022; Sherwani, 2020], что формирует исследовательский пробел и актуализирует необходимость более детального анализа мотивационного дискурса как особого типа коммуникации. В целях восполнения данного пробела в настоящем исследовании решаются следующие задачи: уточнить понятийный аппарат исследования, описать рабочие определения мотивационного дискурса, коучинга, коучингового выступления, мотивационного текста, коммуникативной стратегии и речевой тактики; описать макроструктуру мотивационного текста коуча (вступление, основная часть, заключение); выявить и классифицировать основные группы речевых тактик, реализуемых в каждом структурном компоненте текста.

Актуальность рассматриваемой проблематики определяется современными трансформациями социально-профессиональной сферы, в рамках которой коучинговое выступление все более явно проявляет себя как эффективный инструмент формирования лидерской позиции, устойчивой мотивации и развития личностного потенциала. Также в контексте изучения женского лидерства данная тема приобретает особую значимость: несмотря на очевидный прогресс в области гендерного равенства, женщины по-прежнему сталкиваются с рядом ограничений в сфере карьерного продвижения, самопрезентации и проявления лидерских качеств. В этих условиях мотивационный дискурс, специально ориентированный на женскую аудиторию, призван, с одной стороны, поддерживать личную уверенность, а с другой — стимулировать активное и осознанное участие женщин в профессиональной жизни.

Научная новизна настоящего исследования состоит в попытке выделить и описать ключевые структурно-содержательные компоненты мотивационного текста коуча как особого жанра и показать их системную связь с реализующими их речевыми тактиками. Представляется важным рассматривать мотивационное выступление не только как средство воздействия на адресата, но и как инструмент формирования внутренней готовности к профессиональному и личностному саморазвитию, а также как механизм запуска рефлексии и изменения поведенческих стратегий.

Целью статьи является определение и характеристика основных компонентов коучингового мотивационного текста и связанных с ними речевых тактик. Объектом настоящего исследования выступает мотивационный текст как письменная форма публичной речи, ориентированной на развитие личностного и профессионального потенциала слушателя / читателя. В качестве предмета исследования рассматриваются особенности построения и реализации мотивационного текста коуча, проявляющиеся в системе психологических приемов, композиционных элементов и тактик мотивационного воздействия, направленных на формирование и укрепление лидерской позиции адресата.

В современных лингвистических работах мотивационный дискурс, как правило, выделяется как особый тип институционального дискурса, ориентированный на изменение установок, ценностей и поведенческих стратегий адресата посредством целенаправленного речевого воздействия [Подольяк, 2016; Климчук, 2015; Хутыз, 2022]. При этом, как подчеркивает Ж.И. Подольяк, мотивационный дискурс представляет собой совокупность публичных выступлений, направленных на побуждение аудитории к позитивным изменениям и саморазвитию; иссле-

дователь акцентирует его жанровое многообразие и тесную связь с современным англоязычным лингвокультурным социумом [Подольяк, 2016]. В свою очередь, В.А. Климчук рассматривает мотивационный дискурс личности как текстовую репрезентацию мотивационной сферы субъекта, формирующуюся в интеракционном процессе и включающую мотивационные конструкции, адресованные как самому субъекту, так и другим; при этом особое внимание в работе уделяется количественным характеристикам и типологии различных дискурсов [Климчук, 2015]. Дополняя данные подходы, И.П. Хутыз, анализируя англоязычный мотивационный дискурс на материале выступлений ключевых спикеров, подчеркивает его адресатно-ориентированный характер, полифоничность и экспрессивность, а также системное использование экспрессивного синтаксиса и грамматических средств маркирования вовлеченности [Хутыз, 2022]. Опираясь на указанные определения, в настоящем исследовании мотивационный дискурс понимаем как совокупность устных и письменных текстов, функционирующих как в медийной, так и в офлайн-сфере и направленных на актуализацию и трансформацию мотивационной сферы адресата. Также мотивационный текст трактуется как завершенная коммуникативная единица внутри мотивационного дискурса, характеризующаяся относительно устойчивой композиционной организацией и набором типичных речевых тактик.

Поскольку коучинг выступает одной из институционализированных форм мотивационного дискурса, обращение к его понятийному аппарату представляется логически оправданным: именно в коучинге наиболее отчетливо проявляются механизмы речевого воздействия, направленные на формирование внутренней готовности к профессиональному и личностному саморазвитию, запуск рефлексии и трансформацию поведенческих стратегий. Переходя к рассмотрению понятийного аппарата коучинга, следует отметить, что в классических работах Дж. Уитмора, А.М. Гранта и Д. Стобер коучинг определяется как особый способ взаимодействия, основанный на партнерстве и ориентированный на раскрытие потенциала личности, повышение осознанности и ответственности адресата за собственные решения [Whitmore, 2017; Grant, 2001; Stober, Grant, 2006]. Как показывают данные исследования, коучинговая коммуникация преимущественно реализуется в форме структурированного диалога, в котором центральное место занимают вопросы, рефлексивные комментарии, поддерживающие высказывания и совместное формулирование целей. В этом контексте коуч выступает специалистом, систематически использующим речевые

средства для запуска процессов саморефлексии, переосмысления личного опыта и изменения поведенческих стратегий адресата. Соответственно, коучинговое мотивационное выступление может быть охарактеризовано как публичный вариант коучингового взаимодействия, обращенный к группе адресатов, но при этом сохраняющий ориентацию на индивидуальную рефлексию и личный выбор. В отечественной научной традиции мотивационное публичное выступление и поддерживающая коммуникация, как справедливо отмечает А.И. Сидорова, описываются как форма «сопровождения» адресата в ситуации выбора; при этом подчеркивается значимость стратегий эмпатии, признания и побуждения для создания эффекта эмоционально-ценностной и когнитивной поддержки [Сидорова, 2019]. Коучинговое выступление, таким образом, органично встраивается в данную рамку как разновидность мотивационного дискурса, ориентированная на поддержание внутренней автономии и субъектности адресата. В связи с этим в настоящей работе под коучинговым мотивационным текстом понимается письменный вариант выступления коуча, в котором, с одной стороны, воспроизводятся типичные для устной мотивационной речи композиционные и языковые средства, а с другой — возможна более детальная проработка структуры и средств воздействия.

Обращение к определениям терминов коммуникативных стратегий и речевых тактик представляется принципиально значимым для анализа коучингового мотивационного текста. В работах О.С. Иссерс и Н.Д. Голубевой детально разработаны основные подходы к их описанию. Так, О.С. Иссерс определяет речевую тактику как конкретный способ речевого поведения, направленный на достижение промежуточной цели, подчиненной общей стратегической установке [Иссерс, 2008], тогда как Н.Д. Голубева подчеркивает операциональный характер тактики как уровня реализации определенных языковых и смысловых средств [Голубева, 2011]. В рамках настоящего исследования речевая тактика рассматривается как функционально организованная единица мотивационного дискурса, связывающая стратегическую направленность коучингового выступления с конкретными лексико-грамматическими, композиционными и стилистическими решениями автора. Важно отметить, что работы Е.И. Шейгал и А.П. Чудинова, посвященные анализу политического дискурса, наглядно демонстрируют, каким образом эмоционально-оценочная лексика, а также специфическая конфигурация образов адресата и адресанта включаются в механизмы речевого воздействия, формируя установку на согласие, участие и соучастие. Вследствие этого данные наблюдения в значительной степени релевант-

ны и для мотивационного дискурса, где сходные механизмы вовлечения и конструирования адресата играют ключевую роль. В более узком поле мотивационной и поддерживающей коммуникации существенный вклад в исследование мотивационного воздействия речи внесен работами, посвященными коучингу и коучинговому интервью [Whitmore, 2017; Grant, 2004; Stober, Grant, 2006; Blanchard, 2007]. В этих исследованиях коучинговый диалог описывается как структурированная форма взаимодействия, основанная на постановке вопросов, фокусировке внимания, уточнении и формулировании целей, а также на рефлексии достигнутых результатов. Тем самым коучинговый диалог оказывается разновидностью мотивационного дискурса с развитой системой речевых стратегий и тактик, направленных на долгосрочное изменение поведенческих и ценностных установок. Наконец, корпус работ, посвященных женскому лидерству и влиянию социальных стереотипов на профессиональное самоопределение женщины [Eagly, Carli, 2007; Ely, Ibarra, Kolb, 2011; Tannen, 1994; Cameron, 2005], задает важный ценностно-социальный контекст, который через анализ амбиций, внутренних барьеров и социальных ожиданий выступает как ключевой для понимания траекторий профессионального развития женщин, а следовательно, и для интерпретации мотивационных посланий, адресованных женской аудитории.

Проведенный обзор литературы позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на достаточно высокий уровень разработанности общих вопросов дискурсивного анализа, теории коучинга, а также описания речевых стратегий и тактик, специализированное рассмотрение коучингового мотивационного выступления как самостоятельного жанра с точки зрения его макроструктуры, распределения речевых тактик по структурным компонентам и их языковой реализации остается представленным весьма ограниченно. Систематизированные в обзоре подходы и результаты исследований образуют теоретико-методологическую базу предпринимаемой работы. В этой связи настоящее исследование направлено на восполнение обозначенного теоретико-описательного пробела посредством комплексного описания структурно-содержательной организации коучингового мотивационного выступления и механизмов его речевого воздействия.

Методы и материалы исследования

Материалом исследования послужила книга Ш. Сандберг *Lean In: Women, Work, and the Will to Lead*, прежде всего ее первая глава “The Leadership ambition gap”, посвященная проблеме лидерского самоопре-

деления и внутренним барьерам, влияющим на профессиональные решения женщины. Указанный текст рассматривается как ориентировочный образец коучингового мотивационного дискурса, направленного на повышение личной уверенности, переосмысление закрепившихся установок и развитие профессиональной инициативы. При этом письменный текст главы трактуется как фиксация модели мотивационного публичного выступления: он воспроизводит характерные для устной мотивационной речи композиционные и языковые особенности, но при этом допускает более тщательную структурную и лингвистическую обработку. Выбор данного материала обусловлен его репрезентативностью для современного мотивационного дискурса о женском лидерстве и возможностью проследить специфику распределения речевых тактик в рамках целостного коучингового мотивационного текста. В настоящем исследовании используется комплексный качественный анализ, включающий дискурсивно-прагматическое и лингвостилистическое описание мотивационного текста. На первом этапе осуществляется членение текста на три композиционных блока (вступление, основная часть, заключение) с учетом их функциональной нагрузки. На втором этапе в пределах каждого блока идентифицируются и классифицируются речевые тактики, релевантные для мотивационного воздействия, после чего проводится анализ языковых средств их реализации (лексико-грамматических, синтаксических и стилистических приемов). Также используется количественный анализ (подсчет частотности тактик и средств), позволяющий уточнить соотношение доминирующих и вспомогательных приемов мотивационного влияния.

Методологической основой настоящего исследования является дискурсивный и лингвостилистический анализ мотивационного текста, используемый в работах Т. ван Дейка, О.С. Иссерс, Н.Д. Голубевой и др. В соответствии с поставленной целью используется качественный макроструктурный анализ текста (выделение композиционных блоков), а также последующая идентификация и классификация речевых тактик в пределах каждого из выделенных фрагментов. Дополнительно применяется интерпретационный анализ языковых средств реализации доминирующих тактик.

Результаты исследования

Несмотря на жанровое и тематическое разнообразие современных мотивационных текстов, их композиционная организация демонстрирует устойчивую типовую структуру.

1. Вступление. Коучинговый мотивационный текст выполняет задачу установления эмоционального контакта с аудиторией, создания доверительной атмосферы и мягкого введения в проблематику, одновременно формируя образ автора-коуча как компетентного и в то же время «своего» участника обсуждаемой ситуации. В анализируемой главе на этом этапе доминирует несколько тактик: **обращения к семейной памяти и межпоколенческому опыту, тактика эмпатического сближения с адресатом через общий жизненный опыт, тактика нарративной самопрезентации (выстраивание образа автора через рассказ о семье и личных обстоятельствах) и тактика мягкой проблематизации через нарратив**, при которой ключевые противоречия обозначаются не декларативно, а через жизненную историю.

Начало главы строится вокруг личного сюжета: автор открывает текст высказыванием *“My grandmother Rosalind Einhorn was born exactly fifty-two years before I was, on August 28, 1917”*. *“Like many poor Jewish families in the boroughs of New York City, hers lived in a small, crowded apartment close to their relatives”* / «Моя бабушка, Розалинд Эйнхорн, родилась ровно за пятьдесят два года до меня, 28 августа 1917 года. Как и многие бедные еврейские семьи в районах Нью-Йорка, её семья жила в маленькой тесной квартире рядом с родственниками». Тем самым автор сознательно отказывается от абстрактных обобщений и статистики в пользу личного воспоминания, переводя читателя в режим сопереживания и соучастия. Личный пример становится «точкой входа» в обсуждаемую тему: далее раскрываемые проблемы связываются с жизнью конкретного человека и семейной историей, что усиливает эффект узнаваемости и снижает дистанцию между автором и адресатом. Последующее сопоставление нескольких поколений женщин одной семьи позволяет реализовать **тактику нарративной самопрезентации и одновременно тактику мягкой проблематизации**: демонстрируя эволюцию возможностей и ожиданий в отношении женской карьеры, Ш. Сандберг подчеркивает сохранение структурных ограничений и тем самым постепенно переводит индивидуальный сюжет в плоскость социальной проблематики. На языковом уровне указанные тактики реализуются с помощью лексики, описывающей семейный и биографический опыт (номинации родства, указание дат и возраста, описание жилищных условий), а также посредством особой организации местоименной системы (активное использование 1-го лица при задании точки отсчета и 3-го лица при изображении бабушки; позднее — включение местоимения *we* для маркирования общности автора и адресата) и хроникально развернутого нарративного синтаксиса с преобла-

данием простых и осложненных предложений, а также детализирующих придаточных. Умеренная оценочная лексика (*poor, crowded* и др.) формирует фон трудностей, не переводя текст в исключительно эмоциональный регистр, что соответствует установке на тактику мягкой проблематизации.

2. Основная часть выполняет функцию развертывания проблематики, ее рационального осмысления и демонстрации возможных стратегий поведения. Именно здесь формулируется конфликт между декларируемым равенством и реальным положением женщин на рынке труда, описываются механизмы действия социальных стереотипов и внутренних барьеров, а также предлагаются модели их преодоления. В данном фрагменте текста доминируют **тактика открытой проблематизации** (выведение противоречий на уровень явного тезиса), **тактика рационально-логической аргументации** (апелляция к данным, исследованиям, общеизвестным фактам), **тактика моделирования поведения через личный пример** (описание типичных сценариев и собственных решений автора) и **тактика нормализации переживаний** (показ того, что внутренние сомнения и страхи разделяются многими). Переход от личного нарратива к социальной проблеме маркируется как содержательно, так и вербально. Так, после сопоставления профессиональных траекторий однокурсников Ш. Сэндберг формулирует проблему в виде обобщающего тезиса: *“In comparison to their male counterparts, highly trained women are scaling back and dropping out of the workforce in high numbers”* / «По сравнению с мужчинами-коллегам высококвалифицированные женщины в значительном количестве сокращают своё участие в профессиональной деятельности или вовсе покидают рабочую сферу». Здесь тактика открытой проблематизации опирается на лексику с выраженным когнитивным и количественным компонентом (*highly trained, in high numbers*), а также на сравнительную конструкцию (*in comparison to their male counterparts*), позволяющую явно противопоставить потенциал женщин и фактический результат их профессиональной реализации.

На следующем этапе активизируется тактика рационально-логической аргументации: автор обращается к статистике, данным опросов и исследованиям, вводя их при помощи типичных для научно-популярного дискурса маркеров ссылочности и обобщения (по типу «исследования показывают», «опросы демонстрируют», «данные свидетельствуют»), а также использует термины и полутермины, связанные с карьерой, управлением и лидерством (*leadership ambition gap, senior jobs, promotion*). Рациональная составляющая усиливается за счет коннотаторов противопоставления и ограничения (*but, however, yet*), кото-

рые структурируют аргументацию и подчеркивают расхождение между ожиданиями и реальностью. Параллельно реализуется тактика моделирования поведения через личный пример: Ш. Сэндберг описывает ситуации, когда женщины отказываются от профессиональных возможностей, заранее «откачивают» карьерные решения, сомневаются в своей компетентности, причем такие эпизоды подаются как типичные сценарии, а не как единичные случаи. Именно в этом контексте возникает риторический вопрос “*So what happened?*” («Итак, что же произошло?»), который оформляет переход от индивидуального опыта поколения к обобщенному объяснению причин сложившейся ситуации и одновременно запускает тактику нормализации переживаний: читателю предлагается увидеть собственные сомнения и страхи как часть более широкой, разделяемой многими модели поведения.

На языковом уровне указанная совокупность тактик поддерживается целым рядом характерных средств. Во-первых, систематически используются обобщающие маркеры, передающие масштаб явления: конструкции типа «большинство», «значительная часть», «многие женщины» в английском тексте выражаются сочетаниями с обобщающими существительными и наречиями степени, позволяющими расширить индивидуальный опыт до уровня социальной тенденции. Во-вторых, заметна высокая концентрация абстрактной лексики, описывающей когнитивные и ценностные категории (*equality / равенство, opportunity / возможность, aspirations / стремления, stereotypes / стереотипы, internal barriers / внутренние барьеры*), что соотносится с установкой на рациональное объяснение причин гендерного неравенства. В-третьих, активно используются сложные синтаксические конструкции с причинно-следственными и уступительными придаточными, позволяющие развернуть цепочки «социальный стереотип: внутренняя установка, поведенческое решение». Наконец, включение фрагментов внутреннего монолога и признаний автора в форме 1-го лица («мы были наивны», «мы не предвидели этих трудностей» в русском пересказе) дополнительно поддерживает тактику нормализации переживаний и укрепляет доверительный характер мотивационного воздействия, сочетая рациональную аргументацию с эмпатически-окрашенным личным рассказом.

3. Заключительная часть мотивационного текста ориентирована на мобилизацию волевой сферы адресата: ее задача состоит в том, чтобы перевести эмоциональное участие и рациональное осмысление проблемы в готовность к конкретному действию, закрепить новую перспективу и инициировать внутренний диалог читателя с самим собой. В анализируемой главе доминируют **тактика прямого побуждения к действию**,

тактика персонализированного внутреннего вопроса, тактика позитивного прогнозирования и тактика обобщающего итога. Ключевым финальным фрагментом выступает высказывание “*So please ask yourself: What would I do if I weren't afraid? And then go do it*” / «Поэтому, пожалуйста, спросите себя: что бы я сделала, если бы не боялась? А затем — идите и сделайте это». Первая часть формулировки представляет собой мягкий императив (*please ask yourself*), оформленный как внутренний вопрос, адресованный каждому читателю, что активизирует механизм самоанализа и переводит прочитанное в плоскость личного опыта. Вторая часть — лаконичный императив *go do it* — переводит рефлексию в плоскость действия и завершает текст четким побудительным посланием. Лингвистически эта совокупность тактик опирается на использование форм 2-го лица и прямого обращения (*you, yourself*), императивных конструкций (*ask yourself, go do it*), риторического вопроса от 1-го лица (*What would I do if I weren't afraid?*), соединяющего универсальность переживания страха с индивидуальностью ситуации каждого адресата, а также лексики, связанной с эмоциональной и волевой сферами (*fear, do*) и построенной на контрасте «страх — действие». Параллелизм и ритмичность коротких синтаксических структур, повтор ключевых слов и афористичность формулировки усиливают суггестивный эффект заключения, в котором аккумулированные в тексте эмоции и рациональные аргументы трансформируются в импульс к действию. Результаты проведенного анализа наглядно представлены в таблице.

Структурные элементы, тактики и языковые средства
мотивационного текста

Элемент МТ	Коммуникативная функция	Тактики	Языковые средства реализации
Вступление	Установление контакта и доверия, мягкий ввод в тему, формирование образа «своего» компетентного автора	— Обращение к семейной памяти и межпоколенческому опыту; — нарративная самопрезентация; эмпатическое сближение; — мягкая проблематизация через личную историю	— Лексика родства и биографии (даты, возраст, жилищные условия); — 1-е лицо и последующее <i>we</i> ; — хроникально развернутый нарратив (простые и осложненные предложения с придаточными); — умеренная оценочность (<i>poor, crowded</i>); отказ от абстрактной статистики в пользу личного примера

Окончание таблицы

Элемент МТ	Коммуникативная функция	Тактики	Языковые средства реализации
Основная часть	Развертывание проблемы, рациональное объяснение конфликта «равенство — реальная практика», показ типичных моделей поведения и способов их преодоления	<ul style="list-style-type: none"> — Открытая проблематизация; рационально-логическая аргументация (данные, исследования, факты); — моделирование поведения личным примером; нормализация переживаний 	<ul style="list-style-type: none"> — Обобщающие маркеры масштаба (<i>many women, in high numbers</i>); — сравнительные конструкции (<i>in comparison to their male counterparts</i>); — абстрактная лексика (<i>equality, opportunity, stereotypes, internal barriers</i>); — карьерная терминология (<i>leadership ambition gap, senior jobs, promotion</i>); — слова-связки <i>but, however, yet</i>; — сложные причинно-следственные конструкции; — риторический вопрос <i>So what happened?</i>; — фрагменты внутреннего монолога от 1-го лица
Заключение	Мобилизация воли адресата, перевод осмысления в готовность действовать, фиксация новой перспективы	<ul style="list-style-type: none"> — Прямое побуждение к действию; — персонализированный внутренний вопрос; — позитивное прогнозирование; — обобщающий афористичный итог 	<ul style="list-style-type: none"> — Формы 2-го лица (<i>you, yourself</i>); — императивы (<i>please ask yourself, go do it</i>); — риторический вопрос от 1-го лица (<i>What would I do if I weren't afraid?</i>); — лексика страха и действия (<i>fear, do</i>) на контрасте «страх / действие»; — параллелизм и повтор ключевых слов, придающие формуле ритмичность и суггестивность

Заключение

Проведенное исследование позволило уточнить рабочий понятийный аппарат (мотивационный дискурс, коучинг, коучинговое выступление, мотивационный текст, коммуникативная стратегия и речевая тактика) и на этой основе описать мотивационный текст как особый жанр мотивационного дискурса, в котором композиционная организация функционально соотнесена с системой речевых тактик.

На языковом материале была реконструирована макроструктура коучингового мотивационного текста, включающая три ключевых блока: вступление, основную часть и заключение, а также выделены и классифицированы доминирующие тактики, характерные для каждого из них. Во вступлении преобладают тактики установления контакта, личного нарратива и мягкой проблематизации, обеспечивающие формирование доверительной атмосферы и эмоциональное вовлечение аудитории. Основная часть организуется тактиками проблематизации, аргументации и моделирования поведения, что позволяет представить ситуацию как социально значимую проблему и одновременно наметить стратегии ее преодоления на уровне индивидуального выбора и практик поведения. В заключительном блоке актуализируются тактики побуждения к действию и позитивного прогнозирования, направленные на мобилизацию волевой сферы адресата и формирование внутренней готовности к изменениям.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что мотивационный текст может функционировать не только как средство информирования, но и как инструмент ценностно-смыслового ориентирования адресата и опосредованного воздействия на его поведенческие установки: структурно выстроенное сочетание тактик последовательно ведет аудиторию от эмоционального сопричастия к рациональному осмыслению проблемы и далее к личному решению действовать. Перспективы дальнейших исследований связаны с сопоставительным анализом различных форматов коучинговых текстов (публичное выступление, интервью, онлайн-курс), а также с изучением специфики гендерно ориентированных мотивационных дискурсов, адресованных женской и мужской аудитории.

Библиографический список

Голубева Н.Д. Коммуникативные стратегии и тактики речевого воздействия : монография. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. 156 с.

Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи ; 5-е изд., испр. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.

Климчук В.А. Мотивационный дискурс личности: количественные характеристики и сравнительный анализ // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 1. С. 68–83.

Подоляк Ж.И. К вопросу о выделении мотивационного дискурса // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 5. Электронный ресурс <https://human.snauka.ru/2016/05/14850>

Сидорова А.И. Мотивационное публичное выступление как форма поддерживающей коммуникации // Вестник риторических исследований. 2019. № 4. С. 45–52.

Хутыз И.П. Особенности конструирования англоязычного мотивационного дискурса: уровень грамматики // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 1 (45). С. 100–112.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. 256 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 324 с.

Blanchard K. *Leading at a Higher Level: Blanchard on Leadership and Creating High Performing Organizations*. Upper Saddle River, NJ: FT Press, 2007. 355 p.

Cameron D. Language, Gender, and Sexuality: Current Issues and New Directions // *Applied Linguistics*. 2005. Vol. 26. № 4. Pp. 482–502. <https://doi.org/10.1093/applin/ami027>

Eagly A.H., Carli L.L. *Through the Labyrinth: The Truth About How Women Become Leaders*. Boston, MA: Harvard Business School Press, 2007. 320 p.

Ely R.J., Ibarra H., Kolb D.M. Taking Gender into Account: Theory and Design for Women's Leadership Development Programs // *Academy of Management Learning & Education*. 2011. Vol. 10. № 3. Pp. 474–493.

Grant A.M. *Towards a Psychology of Coaching: The Impact of Coaching on Metacognition, Mental Health and Goal Attainment*: PhD dissertation. Sydney: Macquarie University, 2001. 339 p.

Sherwani S.A. Cognitive Positive Discourse Analysis of English Motivational Speeches // *International Journal of Advanced Science and Technology*. 2020. Vol. 29. № 9s. Pp. 4078–4091.

Stober D.R., Grant A.M. (Eds.). *Evidence-Based Coaching Handbook: Putting Best Practices to Work for Your Clients*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2006. 416 p.

Tannen D. *Talking from 9 to 5: Women and Men at Work: Language, Sex, and Power*. New York: William Morrow, 1994. 368 p.

Whitmore J. *Coaching for Performance: The Principles and Practice of Coaching and Leadership*. 5th ed. London: Nicholas Brealey Publishing, 2017. 232 p.

References

- Blanchard K. *Leading at a Higher Level: Blanchard on Leadership and Creating High Performing Organizations*. Upper Saddle River, 2007, 355 p.
- Cameron D. Language, Gender, and Sexuality: Current Issues and New Directions. *Applied Linguistics*, 2005, vol. 26, no. 4, pp. 482–502. <https://doi.org/10.1093/applin/ami027>
- Chudinov A.P. *Political Linguistics: Textbook*. Moscow, 2006, 256 p. (In Russian).
- Dijk T.A. van. *Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication*, Moscow, 2013, 344 p. (In Russian).
- Eagly A.H., Carli L.L. *Through the Labyrinth: The Truth About How Women Become Leaders*. Boston, MA, 320 pp.
- Ely R.J., Ibarra H., Kolb D.M. Taking Gender into Account: Theory and Design for Women's Leadership Development Programs. *Academy of Management Learning and Education*, 2011, vol. 10, no. 3, pp. 474–493.
- Golubeva N.D. *Communicative Strategies and Tactics of Speech Influence*, St. Petersburg, 2011, 156 p. (In Russian).
- Grant A.M. *Towards a Psychology of Coaching: The Impact of Coaching on Metacognition, Mental Health and Goal Attainment*. PhD Diss. Sydney, 2001, 339 p.
- Issers O.S. *Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech*, Moscow, 2008, 288 p. (In Russian).
- Khutyž I.P. Characteristics of Constructing English-Language Motivational Discourse: The Grammar Level. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universitetax* = Bulletin of the Moscow City Pedagogical University, 2022, no. 1 (45), pp. 100–112. (In Russian).
- Klimchuk V.A. Motivational Discourse of the Personality: Quantitative Characteristics and Comparative Analysis. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* = Social Psychology and Society, 2015, vol. 6, no. 1, pp. 68–83. <https://doi.org/10.17759/sps.2015060415> (In Russian).
- Podolyak Zh.I. On the Identification of Motivational Discourse. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* = *Research in the Humanities* = *Research in the Humanities*, 2016, no. 5. Retrieved from: <https://human.snauka.ru/2016/05/14850> (In Russian).
- Sherwani S.A. Cognitive Positive Discourse Analysis of English Motivational Speeches. *International Journal of Advanced Science and Technology*, 2020, vol. 29, no. 9s, pp. 4078–4091.
- Sheygal E.I. *Semiotics of political discourse*, Moscow, 2004, 324 p. (In Russian).

Sidorova A.I. Motivational Public Speaking as a Form of Supportive Communication. *Vestnik ritoricheskikh issledovaniy* = Bulletin of Rhetorical Studies, 2019, no. 4, pp. 45–52. (In Russian).

Stober D.R., Grant A.M. (eds.). *Evidence-Based Coaching Handbook: Putting Best Practices to Work for Your Clients*. Hoboken, 2006, 416 p.

Tannen D. *Talking from 9 to 5: Women and Men at Work: Language, Sex, and Power*, New York, 1994, 368 p.

Whitmore J. *Coaching for Performance: The Principles and Practice of Coaching and Leadership*, London, 2017, 232 p.

**БРИТАНСКАЯ НЕОГОТИЧЕСКАЯ ПРОЗА:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ЖАНРА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА С. ПЕРРИ «МЕЛЬМОТ»)**

Е.В. Михайловская, Т.О. Лебедева

Ключевые слова: неоготический нарратив, дейктические проекции, эпистемическая модальность, сенсорная и телесная лексика, синтаксическая нагруженность, эффект саспенса

Keywords: neo-Gothic narrative, deictic projection, epistemic modality, sensory and corporeal lexis, syntactic complexity, suspense effect

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)2-07](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)2-07)

Введение

Эволюция литературных жанров и стилей неизменно находится в центре внимания филологической науки. Особый интерес специалистов вызывают те жанры, которые, пройдя достаточно долгий путь развития, по-прежнему пользуются большим спросом у читательской аудитории. К таким безусловно можно отнести жанр готики, переживший несколько этапов развития и трансформировавшийся сначала в короткую прозу (иначе «фрагменты» [Заломкина, 2011]), а затем в другие жанровые формы (романтическая, викторианская, сенсационная, детективная проза) [Разумовская, 2014; Соловьева, 1984]. Дискуссионный характер носят сами понятия «готика» и «неоготика», где первое используется для описания канона (в основном романов периода расцвета жанра), а второй — либо для описания его трансформаций в другие жанры и метажанры, либо для описания ситуации, в которой «у готического стиля больше нет собственной формы или отчетливой эстетической и нравственной задачи» [Разумовская, 2014, с. 52–53]. Специалисты выделяют три больших группы современных произведений с готическими элементами: массовая неоготика, стремящаяся к жанровому канону, постмодернистская неоготика и своеобразная «метаяготика» [Глушкова, 2012; Скобелева, 2008]. В первую группу можно включить те произведения, в которых «готика трактуется в классическом понимании этого термина» (например, детская литература таинственного и ужасного), ко второй группе относят произведения, в которых традиционные для готики образы, сюжеты и символы преобразуются под влиянием идей постмодернизма, к последним же можно от-

нести те произведения, которые, не сохранив почти ничего из классического готического стиля, призваны нагнетать ужас и вселять страх.

В дальнейшем в статье в качестве рабочего принимается понимание неоготики как комплекса текстовых практик, сохраняющих узнаваемые жанровые маркеры готики (хронотоп угрозы, поэтика предчувствия, фигуры сверхъестественного / необъяснимого), но функционально переориентирующих их на новые культурные задачи. Роман С. Перри «Мельмот» рассматривается как пример постмодернистской неоготики, поскольку строится на подчеркнутой интертекстуальности и диалоге с каноном (заглавие и мотив «Мельмота» как семиотический сигнал традиции), вводит готические «модули» в реалистическую ткань повествования как стилистически маркированные фрагменты и переводит традиционную «внешнюю» угрозу в плоскость психологического и культурно-исторического переживания (вина, память, травматическое свидетельство). Тем самым роман отличается как от массовой неоготики, стремящейся воспроизводить канон без существенной переоценки его смысловых доминант, так и от «метаготики», в которой готическое может редуцироваться до эффекта ужаса при ослаблении собственно жанровой поэтики.

История вопроса

Традиционно одной из ключевых характеристик готического романа является его уникальный **хронотоп**, утвердившийся к концу XVIII в. и включающий такие элементы, как скрытые проходы, потайные комнаты, лабиринты коридоров и лестниц. Тайнами, спрятанными в недрах готических замков, особняков или монастырей, часто становятся чудовищные преступления или родовые проклятия. Главный герой готического романа проходит через сложный лабиринт готического пространства, раскрывая не только роковую тайну, но и исследуя свое собственное происхождение и истинную сущность: «Раздвоение „готического“ пространства замка на реальное и ложное, на подлинное и обманное, на земное и подземное — это зеркальное отражение тех раздвоений, которые испытывает тот или иной герой романа, разрываясь между Прошлым и Настоящим, желаемым и действительным, между реальным и ирреальным» [Напцок, 2016, с. 26].

Еще одной общей особенностью готических романов как классических образцов, так и более поздних интерпретаций жанра является стремление авторов вызвать у читателя глубокое *чувство ужаса* (в терминах готической литературы, **horror** и **terror**). Этот аспект литературной готики упоминался Говардом Лавкрафтом в его знаме-

нитом эссе «Сверхъестественный ужас в литературе» [Lovecraft, 2011, p. 19]. Следует отметить, что если в ранних готических романах источники страха часто были предсказуемыми и нередко ограничивались ужасами, которые могли подстергать невинных героинь на их жизненном пути, то в связи с изменениями в культуре рубежа XVIII и XIX вв. и такими важнейшими историческими событиями, как Великая французская революция, назрела необходимость в обновлении художественных средств готического жанра. В результате готический роман претерпел значительные изменения, став более кровавым и откровенным, примером чего является «Монах» М.Г. Льюиса. Все сильнее начал проявляться интерес к темным и запретным темам, таким как психические расстройства, религиозный фанатизм, насилие, инцест и сексуальная развращенность.

С появлением романтизма произошло размывание границ жанра готического романа. В эпоху романтизма готические произведения становятся ощутимо компактнее, но при этом значительно более напряженными и устрашающими, часто принимая формы новеллы, рассказы и поэмы. Однако на фоне процесса появления новых форм следует отметить два значительных романа, каждый из которых развивает традиции готики по-своему: «Франкенштейн» Мэри Шелли (1818) и «Мельмот-Скиталец» Ч.Р. Метьюрина (1820). Эти произведения, сохраняя основные черты готического романа, такие как таинственная поэтика и особый хронотоп, демонстрируют стремительную эволюцию жанра и завершение его классического этапа. «Мельмот-Скиталец» Ч.Р. Метьюрина представляет особый интерес для нашего исследования как ключевой интертекст романа С. Перри и как модель классического готического письма. При этом в прозе Перри классический хронотоп «замка» получает современную реализацию в виде урбанистического и институционального пространства (город, библиотека, квартира), где материальный лабиринт коридоров и комнат транслируется в когнитивный лабиринт памяти и вины. Именно на уровне языковой организации — в синтаксисе протяженных абзацев, в плотной пунктуации и в сенсорной лексике — формируется эффект саспенса, позволяющий проследить, как классические готические приемы функционируют в современном тексте и почему данный роман продуктивно рассматривать как образец постмодернистской неоготики.

Цель и методы исследования

Как видно из предыдущего обзора, рассуждения о жанровом своеобразии готической и неоготической литературы в основном носят лите-

ратуроведческий характер, хотя среди исследований последнего времени встречаются работы, посвященные текстологическому и языковому своеобразию исследуемого жанра [Заломкина, 2011; Евстафиади, Сидорук, 2023]. Именно изучение языковых выразительных особенностей литературной готики представляется нам особенно перспективным, так как оно может в существенной степени расширить наше представление о характере и свойствах готического в современной литературе и культуре. В данной статье мы предлагаем рассмотреть наряду с нарративными стратегиями и композиционными приемами лексические, синтаксические и лингвостилистические средства, фокусируя внимание на когнитивном аспекте художественного дискурса — последовательном развертывании **авторского содержания-намерения**.

Методическая база исследования предполагает интегративный подход, сочетающий методы традиционного литературоведения (интертекстуальность, хронотоп, жанровая эволюция), нарратологии (внутренняя фокализация, ретардация), лингвостилистики и лингвопоэтики (лексика, синтаксис, пунктуация, стилистические приемы), когнитивной поэтики (дейктический сдвиг, телесно-перцептивные механизмы вовлечения). Процедурно анализ строится следующим образом: (1) в тексте выделяются стилистически маркированные «готические фрагменты», как правило, оформленные протяженными абзацами; (2) описываются дейктические проекции и эпистемическая модальность восприятия; (3) анализируется сенсорная и оценочная лексика; (4) сопоставляются синтаксическая сложность, пунктуационная плотность и приемы парцелляции; (5) полученные наблюдения интерпретируются в жанровой перспективе как параметры постмодернистской неоготики.

Результаты исследования и обсуждение

Роман «Мельмот» (2018) современной британской писательницы Сары Перри представляет собой яркий образец неоготики, отличительной особенностью которого является заданная уже в заглавии **интертекстуальность**. В «Мельмоте-Скитальце» Метьюрин выстраивает сложное, многоуровневое повествование, центральное место в котором занимает анализ человеческих страстей, страха, одиночества и безумия, поднимаются темы отчаяния и вины. В романе рассказывается история Джона Мельмота, который продает свою душу дьяволу в обмен на 150 лет жизни. Мельмот обречен скитаться по земле в поисках того, кто мог бы занять его место. «Мельмот-Скиталец» построен как серия перетекающих друг в друга повествований, в которых персонажи рассказывают о своих встречах с загадочным Мельмотом. Этот повество-

вательный прием позволяет Метьюрину исследовать различные страны и эпохи. Центральное место в романе занимает тема фаустовской сделки, распространенный мотив в готической литературе: герой соблазняется обещанием власти, знаний или вечной жизни только для того, чтобы столкнуться с разрушительными последствиями. Мельмот Метьюрина — это не просто злодей, а трагический персонаж, человек, обреченный на вечные страдания из-за минутной слабости. Мрачный тон романа и акцент на психологических страданиях его персонажей делают его предшественником как современной экзистенциалистской мысли, так и важнейшим произведением готического направления в литературе. Роман Метьюрина — это многоуровневый «рассказ в рассказе»: многочисленные вставные истории создают ощущение разветвленного лабиринта, где каждый новый рассказчик добавляет штрихи к образу загадочного скитальца. Эта нарративная конструкция не только усложняет сюжет, но и служит средством задержки развязки. Атмосфера ужаса здесь возникает прежде всего за счет усложненной композиции и постепенного накопления свидетельств о проклятии героя.

С. Перри отдает дань уважения шедевр Метьюрина, создавая при этом свое собственное произведение, отражающее тревоги и опасения современного человека. Действие романа Перри разворачивается в современной Праге и рассказывает о Хелен Франклин, британской переводчице, которая знакомится с историей Мельмот, мистической женщины, приговоренной вечно скитаться по земле и ставшей свидетелем худших злодеяний в истории человечества. У Сары Перри сохраняется прием вложенного повествования: истории персонажей вплетены в общий нарратив и подаются через документы, письма, исповеди. Однако структура у нее более упорядочена и избирательна: вставные истории не множат хаос, а выстраивают тему вины и памяти как универсального опыта. Таким образом, Перри наследует у Метьюрина прием полифонии, но использует его для акцентирования психологического измерения — сосредоточенности на травме и внутреннем самоощущении героев, а не на внешней таинственности.

В отличие от Мельмота Метьюрина, который активно стремится передать свое проклятие, Мельмот Перри — пассивный наблюдатель, свидетель человеческих страданий, она не предлагает никакого спасения, а только возможность разделить вину и бесконечный экзистенциальный ужас. Ее ужасающая сила заключается не в прямом воздействии на персонажей, а в психологическом давлении факта ее присутствия. Ее фигура воплощает коллективную память, возвращающую героев к пережитой или вытесненной вине. Здесь мы имеем дело с трансформа-

цией классического «демонического искушения» в современный экзистенциальный мотив: вместо сделки — непрекращающееся напоминание, вместо искушения — навязчивая память.

Фигура Мельмот в романе С. Перри — это вполне готический персонаж, т.е. существо, нарушающее законы природы и, естественно, вызывающее страх и тревогу. При этом в интерпретации Перри Мельмот — не призрак в привычном смысле, а скорее сверхъестественное создание, существующее на грани человеческого восприятия. Она одновременно свидетель и искуситель, фигура, близко знакомая со страданиями тех, кого преследует, но при этом остающаяся непознаваемой и чуждой. Эта двойственность порождает беспокойство, так как присутствии Мельмот стирает границы между реальным и сверхъестественным, известным и неизвестным, с одной стороны, а с другой, акцентирует типичное для готики **двоемирие** — сосуществование двух миров.

Если у Метьюрина Мельмот — метафора человеческой жадности, слабости и страха смерти, то Перри выводит проблему на уровень коллективной и исторической памяти: вина персонажей связана с участием в травматических событиях XX в. (Холокост, геноцид армян и пр.), а также с личными предательствами. В этом контексте Мельмот становится символом исторической непрерывности страданий: прошлое всегда возвращается, и никакая культура забвения не способна его стереть. Здесь и проявляется **постмодернистский характер романа**: он работает с интертекстом и одновременно формирует новую оптику — не судьбы отдельного индивида, а судьбы человечества как носителя исторической вины. Мельмот — вечный свидетель самых мрачных моментов в истории человечества, именно ее присутствие заставляет тех, с кем она сталкивается, вновь и вновь испытывать муки совести: Йозефа Хоффмана, ставшего соучастником преступлений нацистов, или Хелен Франклин за совершенное много лет назад предательство возлюбленного. Перри использует фигуру Мельмот для того, чтобы исследовать, насколько мучительной может быть жизнь человека, испытывающего непреходящее чувство вины. Ее персонажи не наказаны «извне» (как в традиционных готических произведениях), их мучения внутренние, они вынуждены вечно испытывать муки совести. Этот акцент на внутреннем наказании и эмоциональной тяжести вины придает роману современное психологическое измерение.

В готической литературе прошлое никогда не уходит по-настоящему — персонажи часто оказываются пленниками своих историй и последствий собственных поступков. Роман Перри насыщен историческими отсылками, включая упоминания геноцида армян, Холокоста и дру-

гих чудовищных событий, которые служат фоном для личных историй вины и раскаяния. Мельмот как вечный свидетель этих событий подчеркивает идею, что историю нельзя забыть или похоронить — она остается живой силой, продолжающей формировать настоящее. Через фигуру Мельмот Перри показывает, что от прошлого не сбежать и что последствия исторических событий продолжают отдаваться эхом спустя многие годы.

Несмотря на то что сюжетный каркас романа — не совсем готический, в романе отражается готическая картина мира, которой свойственны разбалансировка, двойственность и страх перед неопределенностью и непрозрачностью мироздания. В основании готической картины мира лежит «эмоционально-иррациональное переживание действительности в ее непрозрачности и непознаваемости, как таящей в себе нечто непредвиденное, опасное и ужасное» [Заломкина, 2011, с. 8]. В романе наиболее явно готическое проявляется в нескольких «фрагментах», выстроенных в полном соответствии с готической традицией: «освоение таящего опасности запутанного пространства старинного строения, обеспечивающее осуществление генерального устремления героя выяснить сюжетобразующую тайну» [Заломкина, 2011, с. 12]. Ключевую роль здесь играет особый готический **хронотоп** — дейктические проекции субъекта, времени и пространства, которыми автор манипулирует для создания напряженного ожидания, эмоционально-психологического накала. В «Мельмот» С. Перри местом действия является не изолированный таинственный замок, а вполне урбанистическое пространство города (Прага), общественных заведений (библиотека), квартиры. Прием **внутренней фокализации**, т.е. ограничение повествования рамками знания и восприятия героя [Genette, 1980, p. 189-194], усиливает эффект ожидания неминуемой встречи с ужасным, так как существование героя / героини в неоготическом хронотопе — это мучительное проживание своей вины, путешествие сквозь лабиринт измученного сознания. Это находит свое отражение прежде всего в композиции фрагмента, который выстраивается «как единство осязаемости формы и метафизики передаваемой информации» [Заломкина, 2011, с. 9], т.е. связывает между собой фабулу, сюжет, особенности стиля и передаваемый смысл.

Включение подобных фрагментов во вполне реалистичное повествование также похоже на прием «рассказа в рассказе», где появление в тексте большого фрагмента-абзаца фактически становится для читателя знаком, сигнализирующим начало собственно готического. Сюжетное единство — существование героя в готическом хронотопе, его

движение внутрь готического пространства — текстуально оформляется как единый законченный пассаж (один или два очень протяженных абзаца). Неотъемлемая характеристика готического повествования эффект саспенс создается с помощью **ретардации** (отложенного ожидания) и **внутренней фокализации** героя, его погруженности в собственные мысли и переживания, так как, как уже отмечалось выше, неоготике свойственно смещение фокуса рассуждения с внешних опасностей на душевную боль. Оба приема реализуются преимущественно композиционными, лексическими и синтаксическими средствами.

Один из наиболее ярких «готических» фрагментов встречается в начале романа в первой части. Проводящий много времени в библиотеке чешский ученый Карел Пражан знакомится с пожилым завсегдатаем библиотеки — немцем Йозефом Хоффманом. Карела забавляет любовь старика к книгам и чтению: когда бы он ни пришел, он застает Хоффмана в читальном зале погруженным в чтение. Однажды Карел решает прийти в библиотеку пораньше, когда там никого нет, чтобы сделать Хоффману сюрприз, но обнаруживает последнего в кресле мертвым.

Сцена почти сразу заявлена как готическая: усиление роли дейктических проекций в формировании нарративной структуры приводит к расширению спектра композиционных и языковых средств, выполняющих дейктическую функцию. Акцентуация характера перемещения субъекта в пространстве и времени (которое намеренно замедляется автором) составляет скелетную основу эпизода и маркирует его готическую окраску. Автор фокусирует внимание на деталях готической архитектуры старой пражской библиотеки (*«the corridors, the oak drawers with their obsolete hoard of library catalogue cards, the view of the courtyard»*), *«the great ironclad door, with its noisy latch»*, *«No librarians yet at their post, the ranks of desks miserably empty, like sockets from which teeth had been pulled; from the vaulted plaster ceiling plaster babies descended, screaming, as if behind the vault their soft fat feet were being scorched with branding irons.»*) и особенно на том, как меняется внутреннее ощущение субъекта по мере того, как он проходит в зал. Свойственный готике прием ретардации достигается за счет внутренней фокализации — описания действий героя сменяются его рассуждениями (риторические вопросы, восклицания): *«All this Karel saw, uneasy; what had been a place of comfort and industry now repelled him, so that he turned on the threshold to go back. How dark it was, with no lamps shining at their desks!»* Библиотечная тишина, которую раньше Карел так любил, кажется ему теперь зловещей: *«all in their emptiness seeming entirely strange»*, *«miserably empty»*, *«babies descended, screaming»*, *«soft fat feet were being scorched»*. Напротив,

звук его собственных шагов кажется чересчур громким, разрывающим эту тишину: «*his heels rapping out against the floor*». Любовь к старым залам, которые Карелу всегда казались олицетворением мира и покоя, сменяется ощущением гнетущей тоски. Усиление субъективного восприятия места и времени действия, «присвоение» персонажем координат «здесь — сейчас» [Якубинский, 1986, с. 54–56] способствует читательской идентификации с героем — читатель не просто наблюдает за Карелом, а вынужден мысленно поместить себя в его систему координат, его «здесь и сейчас», что превращает монолог в скрытый диалог между текстом и сознанием читателя. Это усиливает эффект саспенса, что подтверждается исследованиями в области когнитивной нарратологии (теория дейктического сдвига (*deictic shift*): “... the reader often takes a cognitive attitude within the world of a narrative and interprets the text from that perspective” [Galbraith, 1995, p. 19]). Таким образом, дейктика не только локализует персонажа в тексте, но и переводит читателя в его когнитивную позицию, что непосредственно усиливает эффект саспенса.

Важную роль в создании саспенса играют *лексические единицы*. В основе приемов лежат сенсорные дескрипторы, телесная образность и эпистемическая неопределенность, которые переводят переживание страха из внешнего плана в психологический и когнитивный. В данном эпизоде нагнетание ужаса происходит через сочетание акустической и оценочной лексики: “*his heels rapping out against the floor*”, “*the great ironclad door, with its noisy latch*”, “*the ranks of desks miserably empty*”. Как отмечал И.Р. Гальперин [Гальперин, 1981, с. 89–91], сенсорные детали в художественном тексте выполняют функцию вовлечения читателя в перцептивное поле героя. Здесь акустические маркеры (*rap, noisy, screaming*) противопоставлены лексемам пустоты и отчуждения (*empty, entirely strange*), что создает эффект враждебного герою пространства. Эпитет *miserably* придает пустоте эмоциональную окраску, переводя ее из категории описания в категорию оценки. Телесные детали усиливают этот эффект: “*the lower jaw fixed awry, as if some unkind hand had tugged it aside*”, “*the fingers hooked, the nails scoring at the surface*”. Используемый прием остранения делает знакомое (тело) чуждым и «сломленным»: стремление «вывести вещь из автоматизма восприятия» обнажает хрупкость материального мира и человеческой плоти перед лицом сверхъестественного. «Сломленное» тело Хоффмана — это не просто труп, а материальное свидетельство столкновения с Мельмот, знак того, как метафизический ужас буквально «перекашивает» физическую реальность. В когнитивной перспективе [Stockwell, 2002, с. 43–45] это

приводит к соматизации ужаса: читатель «чувствует» телесное и тем самым испытывает тревогу на физиологическом уровне. Автор таким образом подводит своего героя (а вместе с ним и читателя) к границе между двумя мирами, заставляя его как бы «зависать» между двумя состояниями, испытывая инстинктивный ужас, — «*the dread of something after death*» словами Гамлета.

Синтаксическое членение текста ярко и недвусмысленно «заявляет» авторское содержание-намерение — создать атмосферу ужаса за счет напряженного ожидания неизбежного столкновения со смертью (одного из основных готических мотивов) [Менджеричкая, 1997]. Это коррелирует с композиционной структурой, описанной выше. Эффект отложенного ожидания выстраивается за счет объединения готического нарратива в один фрагмент-абзац, состоящий из последовательностей сложных многокомпонентных предложений, с обилием придаточных, вводных конструкций, причастных оборотов и т.д., например: 1) «*When Karel came to the library that last morning — a full year turned, the winter air clean and bright as polished glass, the courtyard rimed with frost — and found himself first to arrive (the custodians of the library cloakroom still drinking from their Thermos flasks; no security guards at their post) he laughed to think he'd at last beaten Hoffman to the door.*»; 2) «*How dark it was, with no lamps shining at their desks! — but, no: a single light was switched on, there, far at the back — left on overnight, perhaps, by some janitor heedless of the cost*».

Ретардация достигается за счет парцелляции и использования так называемых «тяжелых» знаков препинания — точки с запятой, тире, двоеточия, — употребляющихся в английском языке, как правило, в особых случаях. Здесь проявляется семантико-стилистический характер английской пунктуации, одной из функций которой является внесение в текст различных стилистических нюансов и обертонов [Михайловская, Сапунова, 2024]. В нашем случае, сигнализируя читателю особую разбивку текста, они «замедляют» темп, как бы несколько «размывая» текст, не давая читателю, испытывающему страх, быстро пробежать его глазами в поисках развязки. «Тяжелые» знаки препинания также указывают и на интонационные особенности — паузы длиннее, чем паузы для запятых, значительные модуляции громкости и темпа. Все это способствует долгому чтению, с продолжительными остановками между частями, и не дает читателю возможности «прорваться» через вязь текста к новым сюжетным поворотам. Наглядным примером является кульминация пассажа, когда герой обнаруживает, что Хоффман мертв. После серии коротких предложений («*Josef!*» said Karel to himself; hardly surprising, really, that the old man had taken a nap.

“Josef?” he said, tiptoeing nearer, and speaking tenderly, as if to a sleeping child. Later he thought: why did it not occur to him, then, that Hoffman was taking his last long sleep?) следует серия длинных сложных, каждое из которых парцеллируется с помощью точек с запятой: «*The eyes were open — they were green — they gazed at Karel, imploring, in an expression of fear and dread; the mouth (Karel shudders, remembering) wide open, the lower jaw fixed awry, as if some unkind hand had tugged it aside as he lay screaming. The hands outstretched upon the desk were not at rest, but rigid, palms down, the fingers hooked, the nails scoring at the surface; there were pale marks visible, as if Hoffman had scrabbled frantically at the leather for minutes at a stretch; and scattered across the desk, in pieces as if crushed by a great weight, were fragments of stone. Beside him another chair had been prepared: it was tilted, as if he'd been deep in conversation with a companion who'd long since left; beneath the chair something unmoving, ill-defined, a scrap of dark fine fabric perhaps; oh, very dark, very fine, like the hem of a woman's dress; as Karel watched, it slipped, as fabric sometimes does — moved, again, as if a breeze passed over it. Karel, in a daze, put out his hand; then a window slipped its latch and blew back against the wall*».

Этим, однако, функции синтаксиса во фрагменте не исчерпываются. Особое синтаксическое членение текста с подчеркнуто сложной пунктуационной аранжировкой реализует еще одну грань интертекстуальности романа, имитируя композиционно-синтаксическое построение английских текстов XVIII–XIX вв. (художественной прозы, эссеистики) [Яхнович, 1993]. Сложный синтаксис призван, с одной стороны, передать ужас, который испытывает герой при виде мертвеца, а, с другой, сигнализировать онтологическое родство фрагмента с интертекстом и готической традицией в целом.

Обилие сравнений еще больше осложняет композицию фрагмента, замедляет темп и усиливает «готическую» образность: «*the winter air clean and bright as polished glass*», «*seeming entirely strange, as if he had never been there before*», «*the ranks of desks miserably empty, like sockets from which teeth had been pulled*», «*babies descended, screaming, as if behind the vault their soft fat feet were being scorched with branding irons*», «*speaking tenderly, as if to a sleeping child*», «*the lower jaw fixed awry, as if some unkind hand had tugged it aside*». Интересно, что количество сравнений увеличивается по мере приближения развязки эпизода. Так, в кульминационной части абзаца, когда герой понимает, что старик мертв, содержится сразу пять сравнений: «*as he lay screaming there were pale marks visible, as if Hoffman had scrabbled frantically at the leather for minutes at a stretch; and scattered across the desk, in pieces as if crushed by a great*

weight, were fragments of stone. Beside him another chair had been prepared: it was tilted, as if he'd been deep in conversation with a companion who'd long since left; beneath the chair something unmoving, ill-defined, a scrap of dark fine fabric perhaps; oh, very dark, very fine, like the hem of a woman's dress; as Karel watched, it slipped, as fabric sometimes does — moved, again, as if a breeze passed over it».

Сверхпротяженный фрагмент-абзац выстроен по принципу *контрастности*: радостное настроение героя в начале сменяется ужасом в конце; герой «путешествует» сквозь сужающееся пространство, с нагромождением пространственных деталей (дейктическая проекция места), при этом его путь намеренно растянут (дейктическая проекция времени); «общие планы» старинной готической библиотеки сменяются «сверхкрупными планами» (детальями) распахнутого рта мертвеца и т.д. Внутренней контрастности неоготики соответствует и общетекстовая контрастность: во вполне реалистичное повествование начала романа как бы «врезаются» готические фрагменты, языковая текстура которых (лексика, синтаксис, пунктуация) решительно отличается от остального нарратива. Таким образом, с помощью контрастности автор создает ощущение не только *диегетического двоемирия*, но и *двоемирия литературного* — современная проза оказывается в «диалоге» с готической.

Примечательно, что абзац не заканчивается кульминационным описанием ужаса героя при виде мертвого старика. Готический нарративный дейксис начала — фокусирование внимания на проходе героя по коридорам и залам старинной готической библиотеки, с описанием особенностей интерьера и знаковым отсутствием служащих, — в конце сменяется пространственной и временной компрессией: «*Then there'd been all the banalities: students turned away at the door half complaining, half relieved; bitter coffee shared from a flask, curious questioning from the staff; and if he shuddered to think of Hoffman's face, and the horrid gaping of his open mouth, it was only death, the old debt paid on all those years spent living*». В данном предложении синтаксис также играет ключевую роль в передаче ощущения сгущения времени и пространства: сложное предложение парцелируется точками с запятой в нарративной функции временной компрессии, что особенно характерно для современной литературы [Михайловская, Сапунова, 2024].

Сходные по структуре фрагменты-абзацы обнаруживаются и в других частях романа. Так, в одной из глав героиня книги Хелен Франклин решает навестить своих друзей Карела и Теа Пражан, так как беспокоится, что давно не получала от них вестей. Первое предложение протяженного фрагмента-абзаца уже сигнализирует «готическое» качество,

акцентируя внимание читателя на «физическом» взаимодействии героини с пространством: «*She is more or less immune to the effect of the façades, which have a quality of impermanence, as though they might at any moment be drawn back like a curtain*». Дейктические проекции снов приобретают огромное значение, так как атмосфера ожидания ужаса, как и положено в готике, создается за счет сгущения пространства — во всех смыслах обыкновенный путь героини, который в любом другом жанре вряд ли бы удостоился повышенного внимания со стороны автора (и читателя), описан как путешествие сквозь лабиринт: героиня подходит к дому, входит в дом, затем в комнату, где ожидает увидеть хозяев. В то время как пространство смыкается вокруг героини, захватывая ее в кольцо, время растягивается: героиня замедляет темп («*she reaches her friends' apartment out of breath, she pauses steps, she steps forward, she stands very still*»), каждый ее шаг описывается очень подробно, с учетом многочисленных деталей обстановки дома Пражанов. Здесь также особое место занимает дейктическая лексика (*there, far at the back; here, beneath the arch; this, too, is not quite closed*), которая формирует у читателя особый «эффект присутствия», когда восприятие пространства героя становится его собственным. В сочетании с эпистемическими маркерами (*as if, perhaps, it seemed*) создается поле неопределенности, в котором читатель воспринимает происходящее не как объективное описание, а через призму субъективного опыта персонажа (внутренняя фокализация). При этом создаваемая этими маркерами эпистемическая неопределенность является прямым языковым воплощением «непрозрачности и непознаваемости» готической картины мира [Заломкина, 2011, с. 8]. Как показывает Д. Кон, модальные и оценочные маркеры неопределенности (*seemed, perhaps* и др.) являются типичным средством репрезентации ограниченной перспективы персонажа и тем самым вовлекают читателя в режим восприятия «изнутри» сознания героя [Cohn, 1978, p. 103–106]. Следовательно, эпистемическая неопределенность в данном фрагменте выступает не стилистическим украшением, а механизмом когнитивного саспенса: она воспроизводит не факт ужаса, а структуру его переживания — сомнение в надежности собственного восприятия.

Именно поэтому особый упор автор делает на сенсорном восприятии пространства героиней. Ее завораживает гаснущий и вновь вспыхивающий слабый неясный свет: «*the single light set beneath the arch goes out, and the yard and all around it is dark*», «*a pane of black in the blackness*», «*total emptiness, as though no lamps were ever lit there*», «*The sole light is that which comes weakly in under the arch*», «*weakly, as if very distant indeed*».

Пространство описано через лексику отсутствия и опустошенности: *“each of the thirty identical windows ... merely a pane of black in the blackness”, “the air ... contains nothing, nothing at all”*. Повторы и интенсификаторы (*merely, nothing at all*) создают образ «тотальной пустоты», что соответствует определению готической картины мира как эмоционально-иррационального переживания действительности. Акустически пространство также пусто — героиню окружает полная тишина: *«She listens, and it is her whole body that strains within the silence. What does she listen for — the drag of long skirts against the snow, the tread of boots — or of bare feet, perhaps: feet which have walked over continents and are indifferent to pain? She listens, and of course there is nothing, save for the distant skirl of Bohemian bock piping away in the dark»*. Хотя сама по себе тишина не имеет оценочных характеристик, в готике тишина — нечто большее, чем просто отсутствие звука: *«The silence is something more than the absence of noise. If it is possible to hear silence, Helen hears it: a thick, soft sensation against the drums of her ears»*. Готическая тишина — предчувствие ужасного, а минуты тишины — возможность для героя (и читателя) мысленно заглянуть в его бездну и ужаснуться. Для героев романа С. Перри это еще одна возможность заглянуть в себя: *«she feels instead a rising up of fear which has the effect of valor»*. Разрывающий тишину звук не похож на звуки, издаваемые человеком (*«seems only to approximate the human»*), а яркий свет в комнате, где сидит Теа, похож на свет прожекторов в анатомическом театре: *«The long room is instantly illuminated as brightly as an operating theatre»*. Игра на чувствах зрителя создается за счет контрастности и соматизации ужаса — акцентуации внимания на сенсорных параметрах звука и света: контрастное чередование описаний того и другого, их постоянные переключения и модуляции заставляют читателя замирать в ожидании ужасного.

Аналогично предыдущему отрывку внутренняя фокализация героини сопровождается ретардацией, которая достигается за счет композиционных и синтаксических средств: сложносочиненные предложения, осложненные вводными и причастными оборотами, так же сложно пунктуированы (тире, двоеточия, точки с запятой, помимо запятых): *«She reaches for the light switch, and the hall and everything in it is precisely as she remembered, save that the air is altered: it contains nothing, nothing at all — not a speck of dust sifting through the light, not a thread of scent from the lily in the vase»*. Как и в предыдущем описанном нами эпизоде, здесь также налицо отсылка к «большому стилю» — произведениям периода расцвета жанра на рубеже XVIII–XIX вв.

Кульминация достигается за счет повторного привлечения внимания к странному звуку, который так поразил Хелен в начале: «*Then there is again that noise — call it a grunt, for certainly there are no words contained within the sound, no sense worth reaching after. For a moment it is not possible to discern the source, then it comes again: a wet sighing sound which acquires the feeling of something more human than animal*». Ужасное впечатление от звука, который лишь отдаленно напоминает Хелен человеческий («*seems only to approximate the human*», «*acquires the feeling of something more human than animal*»), усиливается за счет описания Теи, построенном на лексике распада и механической неподвижности: “*her chin hangs as if a bolt somewhere has been loosened*”, “*her lipsticked mouth is open*”. Сравнение с расшатанным болтом переносит техническую метафору в сферу телесности, создавая эффект гротескного «сломленного тела» [Бахтин, 1965, с. 320–323]. Лексика усиливает когнитивный диссонанс: читатель, как и героиня, испытывает мгновенный ужас, что Теа мертва, — и только появление слова *snore* разрушает напряжение, маркируя резкую смену от страха к облегчению. Это соответствует различию между *horror* и *terror*, о котором писала Анна Радклифф [Radcliffe, 1826, p. 145–148]: первое связано с потрясением, второе — с ожиданием.

Сходная система композиционно-синтаксических и лексических средств формирования эффекта саспенса реализуется в эпизоде, где Хелен Франклин ощущает, что за ней следят во время ее передвижения по улицам Праги. В отличие от библиотечной сцены, выстроенной в пространстве замкнутого институционального интерьера, здесь действие разворачивается в открытом городском пространстве. Однако именно это пространство парадоксальным образом приобретает черты готического хронотопа: оно перестает быть нейтральным и превращается в среду психологического давления, постепенно смыкающаяся вокруг героини.

Уже начальная формула эпизода (“*It is this: she is being followed*”) маркирует резкий переход от описания внешней реальности к внутреннему переживанию угрозы. Повествование выстраивается в режиме жесткой внутренней фокализации: читателю не предлагается ни одной альтернативной перспективы, способной подтвердить или опровергнуть подозрения Хелен. В терминах Ж. Женетта [Genette, 1980, p. 189–194] это означает полное ограничение нарративной информации рамками сознания персонажа, что принципиально лишает читателя эпистемической опоры вне субъективного восприятия героини. Таким образом, саспенс формируется не за счет событийного ряда, а за счет длительного удержания читателя в состоянии неопределенного ожидания.

Ключевую роль в организации этого ожидания играют дейктические проекции пространства и времени. Повествование насыщено указателями типа *there, behind her; on street corners; at every pause*, которые фиксируют движение героини в режиме непрерывного «здесь — сейчас». Согласно наблюдениям Л.П. Якубинского [1986, с. 54–56], подобное «присвоение» координат пространства и момента речи создает эффект присутствия, при котором читатель оказывается вовлечен в ту же систему ориентиров, что и персонаж. В когнитивной нарратологии этот процесс описывается как дейктический сдвиг [Galbraith, 1995, p. 19–21; Stockwell, 2002, p. 14–17]: интерпретируя текст, читатель вынужден принять перцептивную позицию Хелен и переживать происходящее изнутри ее опыта, а не с внешней наблюдательной дистанции.

Как и в предыдущих описанных нами эпизодах, существенным компонентом саспенса становится эпистемическая неопределенность, последовательно реализуемая через модальные и оценочные маркеры (*it seems; sometimes it seems; perhaps*). Эти элементы не столько уточняют происходящее, сколько подрывают саму возможность достоверного знания. Как подчеркивает Д. Коэн, подобные модальные конструкции активируют у читателя восприятие, ограниченное сознанием персонажа, тем самым переводя его в зону субъективного сомнения и неуверенности [Cohn, 1978, p. 103–106]. В контексте неоготического нарратива эта неопределенность становится прямым языковым воплощением «непрозрачности и непознаваемости» мира, лежащей в основании готической картины реальности.

Лексический уровень эпизода ориентирован прежде всего на передачу телесного измерения тревоги. Глаголы движения и восприятия (*moves; slips; pauses; feels*) формируют кинетическое напряжение, передавая состояние внутренней готовности к бегству. При этом страх проявляется не как рационально осмысленная эмоция, а как телесный импульс: Хелен ощущает, что *ought to drop her satchel and bolt*, еще до того, как осознает причину этого побуждения. По замечанию И.Р. Гальперина [Гальперин, 1981, с. 89–91], сенсорные и телесные детали в художественном тексте обладают способностью вызывать у читателя телесные ассоциации, вовлекая его в перцептивное поле персонажа. В когнитивной перспективе [Stockwell, 2002, p. 14–17] это приводит к соматизации ужаса: читатель не просто понимает страх героини, но переживает его на физиологическом уровне.

Композиционно эпизод выстроен как протяженный фрагмент-абзац, в котором движение героини сквозь городское пространство намеренно растянуто. Каждый ее шаг фиксируется, каждая остановка

получает словесное оформление, что соответствует приему ретардации — отложенного ожидания развязки. Синтаксически это реализуется через сложные многокомпонентные предложения, осложненные вводными конструкциями и уточнениями, а также через активное использование тире и двоеточий, замедляющих темп чтения. Подобная пунктуационная организация текста соотносится с традицией «большого стиля» английской прозы XVIII–XIX вв. и одновременно выполняет нарративную функцию задержки кульминации.

Особый эффект создает момент прямой апелляции к читателю — *“Reader, witness, here is what you see”*. Эта формула разрушает границу между диегетическим и экстрадиегетическим уровнями и превращает читателя в соучастника наблюдения. Тем самым фигура Мельмот как вечного свидетеля человеческих преступлений начинает дублироваться читателем: он оказывается включен в этическое пространство романа и вынужден не только переживать страх, но и разделять ответственность за акт свидетельствования. В результате саспенс приобретает не только эмоциональное, но и морально-когнитивное измерение, что является характерной чертой постмодернистской неоготики.

Таким образом, эпизод преследования Хелен демонстрирует, что в романе С. Перри эффект саспенса формируется как результат взаимодействия композиционных, синтаксических и лексических средств, объединенных внутренней фокализацией и ретардацией. Открытое городское пространство функционирует здесь как современный вариант готического хронотопа, а страх рождается не из внешнего сверхъестественного события, а из длительного пребывания сознания в состоянии неопределенности и телесного напряжения.

Заключение

Роман Сары Перри «Мельмот» можно отнести к постмодернистской неоготике, в основе которой лежит диалог с классической готической традицией. Роман сохраняет глубокую связь с классической готической проблематикой вины и искупления, трансформируя ее и придавая ей глубокое индивидуально-психологическое и коллективное звучание. Интертекстуальность произведения обнаруживается в самом начале: его заглавие является отсылкой на интертекст — роман Ч. Мэтьюрина «Мельмот-Скиталец». Диалогический характер раскрывается не только на сюжетном уровне, но и на стилистическом: текст романа представляет собой чередование реалистичных фрагментов с готическими. Таким образом, автор реализует свойственную готике идею двоимирию сразу на нескольких уровнях: сюжетном (диегетическое двое-

мирие), композиционном (двоемирие текстов) и метауровне — взаимоотношении произведения с интертекстом и готической традицией, готики и неоготики.

«Врезанные» в текст фрагменты-абзацы, как бы эхом повторяющие прием рассказа в рассказе, представляют собой сюжетное, композиционное и лингвостилистическое единство, построенное на приемах ретардации и внутренней фокализации. Композиционно-синтаксическое единство осуществляется за счет единства структурного: сложные, многокомпонентные предложения, парцеллируемые рядом знаков препинания, не дают читателю возможности стремительно приблизиться к развязке, а, наоборот, способствуют медленному приближению к ужасному финалу. Контрастность в реализации дейктических проекций создает эффект саспенса.

Лексический уровень романа С. Перри выступает самостоятельным механизмом формирования саспенса. Он основан на (1) сенсорных дескрипторах (звук, тишина, телесность), (2) отрицательной оценочной лексике, (3) интенсификаторах и повторах, (4) метафорах «низкой телесности», (5) дейктике и эпистемической неопределенности. Все эти элементы когнитивно воздействуют на читателя: погружают его в телесную эмпатию, удерживают в состоянии тревожного ожидания и формируют атмосферу экзистенциального ужаса. В отличие от возвышенной, риторически нагруженной лексики Метьюрина, Перри предпочитает материальную и физиологическую образность, что позволяет отнести ее роман к постмодернистской неоготике, где традиционные приемы жанра обретают психологическое и когнитивное измерение.

Предложенная в статье схема анализа позволяет рассматривать неоготический текст как особую сигнальную систему, состоящую из набора воспроизводимых параметров: композиционный сигнал (протяженный абзац-фрагмент), сильные дейктические проекции, выраженная эпистемическая модальность, обилие сенсорной и телесной лексики, синтаксическая и пунктуационная нагруженность. Согласованность компонентов системы обеспечивает достижение эффекта саспенс и демонстрирует, каким образом постмодернистская неоготика сохраняет жанровую узнаваемость при переориентации готического ужаса в психологический и культурно-исторический регистр.

Библиографический список

- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965. 543 с.
- Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М.: Наука, 1981. 138 с.

Глушкова М.Н. Трансформация жанра готического романа в современной британской прозе // Вестник Вятского ГУ. 2012. № 2. С. 151-155
Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-vyatskogo-gosudarstvennogo-universiteta?i=1148328>

Евстафиади О.В., Сидорук С.Н. Лексико-стилистические средства создания саспенса в новеллах Эдгара Аллана По // Балтийский гуманитарный журнал. 2023. Т. 12. № 1 (42). С. 85-87.

Заломкина Г.В. Готический миф как литературный феномен : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Самара, 2011. 44 с.

Менджерицкая Е.О. Когнитивный синтаксис художественной литературы. Современный английский язык. М.: Изд-во АО «Диалог-МГУ», 1997. 141 с.

Михайловская Е.В., Сапунова О.В. Функциональная вариативность знаков препинания вертикальной сегментации в современной британской прозе. М.: Издательство «Наука», 2024. 244 с.

Напцок Б.Р. Традиция литературной «готики»: генезис, эстетика, жанровая типология и поэтика (на материале английской литературы) : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2016. 56 с.

Разумовская О.В. Понятие о готическом и неоготическом стиле в контексте истории литературы // Вестник РУДН, сер. Литературоведение, журналистика. 2014. № 4. с. 48-53. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-o-goticheskom-i-neogoticheskom-stile-v-kontekste-istorii-literatury>

Сребрянская Н.А. Дейксис и его проекции в художественном тексте : монография. Воронеж: ВГПУ, 2005. 255 с.

Скобелева Е.В. Традиция «готического» романа в английской литературе XIX и XX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 19 с.

Соловьева Н.А. Английский предромантизм и формирование романтического метода. М.: Изд-во МГУ, 1984. 146 с.

Якубинский Л.П. О диалогической речи // Избранные работы по языкознанию. М.: Наука, 1986 (оригинал 1923 г.). С. 17-59.

Яхнович Н.А. Пунктуация как средство ритмико-стилистической организации текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 22 с.

Cohn D. *Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978. 334 p.

Galbraith J.R. *Designing organizations: an executive briefing on strategy, structure, and process*. NJ: Princeton University Press, 1995. 192 p.

Genette G. *Narrative Discourse: An Essay in Method*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1980. 285 p.

Lovecraft H.P. *Supernatural Horror in Literature and Other Essays*. Holicong: Wildside Press, 2011. 132 p.

Radcliffe A. *On the Supernatural in Poetry*. London: Henry Colburn, 1826. 212 p.

Stockwell P. *Cognitive Poetics: An Introduction*. London; New York: Routledge, 2002. 193 p.

References

Bakhtin M.M. *The Works of François Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance*, Moscow, 1965, 543 p. (In Russian).

Cohn D. *Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction*, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978, 334 p.

Evstafiadi O.V., Sidoryuk S.N. Lexical and Stylistic Means of Creating Suspense in Edgar Allan Poe's Short Stories. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* = Baltic Journal of the Humanities, 2023, vol. 12, no. 1 (42), pp. 85–87. (In Russian).

Gal'perin I.R. *Stylistics of the English Language*, Moscow, 1981. 138 p. (In Russian).

Genette G. *Narrative Discourse: An Essay in Method*, Ithaca, NY: Cornell University Press, 1980, 285 p.

Glushkova M.N. Transformation of the Gothic Novel Genre in Modern British Prose. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Vyatka State University, 2012, no. 2, pp. 151–155. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-vyatskogo-gosudarstvennogo-universiteta?i=1148328> (In Russian).

Lovecraft H.P. *Supernatural Horror in Literature and Other Essays*, Holicong: Wildside Press, 2011, 132 p.

Mendzheritskaya Ye.O. *Cognitive Syntax of Fiction*. Modern English, Moscow, 1997, 141 p. (In Russian).

Mikhaylovskaya E.V., Sapunova O.V. Functional Variability of Punctuation Marks of Vertical Segmentation in Contemporary British Prose, Moscow, 2024, 244 p. (In Russian).

Naptsok B.R. *The Tradition of Literary "Gothic": Genesis, Esthetics, Genre Typology, and Poetics (Based on English Literature)*. Abstract of Doct. Philol. Diss., Krasnodar, 2016, 56 p. (In Russian).

Radcliffe A. *On the Supernatural in Poetry*, London: Henry Colburn, 1826, 212 p.

Razumovskaya O.V. The Concept of the Gothic and Neo-Gothic Styles in the Context of Literary History. *Vestnik rossiyskogo universiteta*

druzhby narodov = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia, Literary Studies, Journalism, 2014, no. 4, pp. 48–53. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-o-goticheskom-i-neogoticheskom-stile-v-kontekste-istorii-literatury> (In Russian).

Skobeleva E.V. The Tradition of the “Gothic” Novel in English Literature of the 19th and 20th Centuries: Abstract of Philol. Cand. Diss., Moscow, 2008, 19 p. (In Russian).

Solov'eva N.A. English Pre-Romanticism and the Formation of the Romantic Method. Moscow, 1984, 146 p. (In Russian).

Srebryanskaya N.A. Deixis and its Projections in the Fiction Text: Monograph, Voronezh, 2005, 255 p. (In Russian).

Stockwell P. Cognitive Poetics: An Introduction, London; New York: Routledge, 2002, 193 p.

Yakhnovich N.A. Punctuation as a Means of Rhythmic-Stylistic Organization of the Text. Abstract of Philol. Cand. Diss., Moscow, 1993, 22 p. (In Russian).

Yakubinskiy L.P. On Dialogic Speech. *Izbrannyye raboty po yazykoznaniiyu* = Selected Works on Linguistics, Moscow, 1986 (original 1923), pp.17–59. (In Russian).

Zalomkina G.V. The Gothic Myth as a Literary Phenomenon. Abstract of Doct. Philol. Diss., Samara, 2011, 44 pp. (In Russian).

ПРОБЛЕМА ТЕЛЕСНОСТИ В ЗАМЯТИНОВЕДЕНИИ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ

Сунь Имань

Ключевые слова: поэтика телесности, замятиноведение, Евгений Замятин, западное и отечественное литературоведение, антиутопия «Мы», синтетизм

Key words: poetics of corporeality, Zamyatin studies, Evgeny Zamyatin, Western and domestic literary studies, dystopia *We*, syntheticism

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)2-08](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)2-08)

Введение
На грани веков не только менялись принципы изображения действительности, но и происходила глубокая трансформация образного мышления. Перевод «Психопатологии обыденной жизни» Фрейда [Смирнов, 1994, с. 134] и труд Вейнингера «Пол и характер» вызвали в России усиленный интерес к телесности. Идея Розанова о «любопытном всматривании» [Розанов, 2015, с. 39] в природу человека отразилась в творчестве Арцыбашева, Каменского, Ремизова и других, обратившихся к жизни тела в литературе. В этом контексте тема, ориентированная на рассмотрение поэтики телесности в прозе Замятина, необходима и актуальна для анализа художественного своеобразия замятинской прозы и для выявления системы воззрений Замятина — в том числе как ярчайшего представителя своего времени.

Творчество Замятина подвергалось идеологической цензуре вплоть до 1988 г. В результате исследования носили фрагментарный характер и фокусировались на идеолого-политическом аспекте. Однако уже к концу 1980-х гг. ситуация изменилась коренным образом: два потока замятиноведения — западный и отечественный — соединились, благодаря чему творчество Замятина заняло вполне определенное положение на карте мировой культуры.

Несмотря на отсутствие систематизированного исследования по поэтике телесности в творчестве Е. Замятина, проблемы тела и плоти не раз оказывались в поле зрения исследователей — как правило, в связи с анализом образной системы антиутопии «Мы», математической символики, а также художественной стилизации как проявление синтетизма и экспрессионизма. Таким образом, систематизация наблю-

дений о поэтике телесности представляется необходимым шагом для дальнейшего изучения художественного мира Замятина.

Методы и материалы исследования

Цель данной работы состоит в воссоздании истории исследования поэтики телесности в прозаических произведениях Е. Замятина и выявлении нескольких этапов этой истории.

Материалом исследования послужил корпус научных работ отечественных и зарубежных исследователей второй половины XX — начала XXI в., посвященных творчеству Евгения Замятина и, в частности, проблемам телесности в его художественной прозе.

Методы исследования данной работы основаны на принципах историко-литературного и сравнительно-типологического анализа. Основным методом является систематизация и историографический анализ существующих научных публикаций по теме поэтики телесности в прозе Е.И. Замятина.

Результат исследования

Первая публикация антиутопии «Мы» в английском переводе в Нью-Йорке в 1924 г. и ее печать в сокращенном виде на русском языке в пражской «Воле России» вызвали бурную реакцию как в эмигрантской среде, так и в среде западных специалистов в области литературы. Творчество Замятина серьезно начали изучать с 1940–50-е гг., особенно активно в 60–80-е гг. прошлого столетия [Долженко, 2003, с. 6], когда появились работы славистов, занимающихся замятиноведением (Р. Рассел, С. Лейтон, Г. Керн, Т. Р. Н. Эдвардс, К. Коллинз, Э. Барратт, Д. Дж. Ричардс, Х. Лопез-Мориллас, Л. Б. Кук, О. М. Кук, М. Хейвард, А. Шейн, Э. Ре).

С 1988 г., когда роман «Мы» был опубликован в СССР, началось активное исследование творчества Замятина на родине. Однако пристальное внимание к проблеме поэтики телесности в творчестве Замятина обнаруживается лишь с конца XX в., когда оформились отдельные направления в сфере замятиноведения. Работы влиятельных замятиноведов — таких как Е. Б. Скороспелова, Л. В. Полякова, Т. Т. Давыдова, Н. Н. Комлик, М. Ю. Любимова, И. М. Попова, Н. З. Кольцова, В. Н. Евсеев, М. А. Хатямова и мн. др., вывели отечественное замятиноведение на новый уровень. Выявление элементов телесности в творчестве Замятина в России в новом веке отличается ориентацией на комплексный анализ его наследия, включающий в себя интертекстуальный и интермедиаальный подходы. Исследователи учитывают диалог писа-

теля с философской и научной мыслью, его творческие контакты с художниками, графиками и представителями различных видов искусства.

Отечественное замятиноведение

Т.Т. Давыдова в монографии «Творческая эволюция Евгения Замятина в контексте русской литературы первой трети 20 века» [Давыдова, 2021, с. 15] разделяет творческий путь Замятина на три этапа: 1908–1916; 1917–1930; 1931–1937. Давыдова выделяет категорию «органического человека» как общий мотив, проходящий через три этапа творчества в отношении создания образа тела, главным подходом к которому становится формулирование «человекозверности» и «человеконеодушевленности» в преимственности «естественного человека» Л. Толстого, М. Пришвина и А. Куприна. С одной стороны, восходящее к гоголевской традиции сопоставление человека с животными вскрывает пошлые, уродливые начала в характерах персонажей, с другой, «красота в безобразии» [Замятин, 1988, с. 368] становится ключевым эстетическим принципом в поэтике телесности, который выявляет близость неореалистической и символистской типизации. Как и в русском замятиноведении в целом, Т.Т. Давыдова помещает анализ творчества Замятина не только в литературный, но и философский контекст. Она обнаруживает воздействие таких западных философов, как Ницше, Шопенгауэр, Гартман, Кант, на творчество Замятина и соединяет замятинский гимн естественным радостям материнства и сексуальному влечению с идеальным женским образом у Розанова и Бердяева.

Статья В.В. Калчанова «О романе Е.И. Замятина „Мы“, электромагнетизме, робототехнике, нанотехнологиях и постмодернизме» [Калчанов, 2014, с. 163–171] предлагает новую точку зрения на исследование поэтики телесности у Замятина — поэтики постантропологии в связи с сенсорным восприятием, сексуальным желанием и болезнью. Ключевое открытие заключается в интерпретации имен персонажей как трансформации абстрактных «номеров» в конкретные физические параметры схемы. По замятинской иронии, многие номера Единого Государства напоминают андроидные модели из научно-фантастических романов, соединяя электромеханическое и человеческое начала. Тем самым выявляется постантропологическое понимание тела, в котором размываются границы между органическим и неорганическим, что можно рассматривать как раннюю литературную репетицию «телесной поэтики», связанной с модификацией тела и процессами киборгизации.

Статья С.Н. Капустиной «История рождения души в романе Е. Замятина „Мы“» [Капустина, 2014, с. 210–218] посвящена прослеживанию

духовного становления героя Д-503, процесс которого сопровождается интенсивными, конкретными телесными ощущениями, что позволяет говорить о «поэтике воплощенной души» или «поэтике взаимодействия души и плоти». В работе исследуется экзистенциальная метафора — «тело-дом». Рождение души описывается как пространственное событие внутри тела, как переход от состояния «пустоты» к состоянию «заселенности». Это соответствует классической модели воплощенного познания, когда душа переживается как конкретное телесное ощущение пространства и материи. Автор отмечает, что Д-503 физически чувствует присутствие души: сначала — как инородного тела, а позднее — как все «в душе выметающий вихрь».

Работа И.О. Шайтанова «Евгений Замятина в традиции русской прозы. Сказ, бытописание, беллетристика» [Шайтанов, 2014, с. 258–275] обращается к поэтике визуального, т.е. к процессу перехода от психологического всемогущества к телесному всеведению, основанному на чувственном, экстериоризационном выражении. Замятин изображает прежде всего телесную реальность, в то время как характеры персонажей предсказаны в их телесных чертах и прямо вынесены наружу в повествовании. Вместе с тем физические черты отдельного персонажа способны «распространяться» вовне, «заражая» все повествовательное пространство. Телесность выходит за пределы индивида, становясь материальным выражением атмосферы среды и коллективного бессознательного. Автор также выявляет телесность языка Замятина. Слова превращаются в «звуковые образы», способные напрямую вызывать сенсорные впечатления от предметов, действий, даже имя персонажа несет звуковую характеристику, выявляя его сущностные черты.

Е.Б. Скороспелова в монографии «Русская проза XX века. От Белого („Петербург“) до Пастернака („Доктор Живаго“» [Скороспелова, 2003, с. 242, 250, 253–255] относит прозу Замятина к традициям «гротескно-го реализма», в рамках которых гротеск, включающий в себе гиперболу, метонимию, развернутое сравнение, становится сквозным приемом в построении сюжета и в системе образов. В антиутопии «Мы» мнимость мира проявляется в образах геометрических тел, что сближает поэтику романа с эстетикой кубизма. Особое внимание уделяется интертекстуальному плану. Интимные переживания героев вновь свидетельствуют о неистребимости природного начала в человеке, репродуцируя библейский сюжет Адама и Евы. А «нечеловеческая рука», «чугунный» жест отсылают к образу «Медного всадника» А.С. Пушкина. Мотив «безумия» героя-повествователя позволяет выявить параллели с «Записками сумасшедшего» Гоголя, однако у Замятина решение темы

принципиально отличается: «безумие» D-503 трактуется не как помрачение рассудка, но, напротив, как возрождение человечности.

Книга Н.З. Кольцовой «Творчество Замятина. Проблемы поэтики» [Кольцова, 2019, с. 50–56, 141–154] предлагает новый подход к выявлению эволюции творческих взглядов Замятина на основе анализа как его прозаических произведений, так и критических статей. В монографии отмечается, что Замятин всесторонне описывает человеческое тело через деформацию и зооморфные метафоры. При этом исследовательница сопоставляет творчество Д.Г. Лоуренса и Замятина, подчеркивая соотнесенность образа «прекрасного человека-зверя» Лоуренса с ориентацией Замятина на «живую жизнь», на естественное, органическое сосуществование человека и природы. Исследовательница отмечает, что в романе геометрическая форма непосредственно соотнесена с телесным началом персонажей: «О» — «вся из окружностей», тело которой символизирует фигуру во время беременности и инстинкт материнства; «I» — «тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст», внешность которой отражает чувство воли и революционность, одновременно «черный треугольник» — душу бунтарства. Введение в повествование концепций дифференциала и интеграла тесно переплетается с телесными ощущениями героя. Страх D-503 перед мнимым числом $\sqrt{-1}$ слово обретает в героине телесное воплощение. Ощущение телесной изоляции переплетается с математическим переживанием «иррационального» и «бесконечного».

Одной из важнейших работ для изучения поэтики телесности является сборник «Е.И. Замятин: Pro et contra» под редакцией О.В. Богдановой и М.Ю. Любимовой. С различных теоретических позиций авторы обращаются к поэтике телесности в творчестве Замятина, рассматривая ее, как правило, в контексте русской фольклорной традиции, культуры и истории. В статьях Е.А. Лядовой «Историософия и структурно-поэтическая парадигма трагедии „Атилла“» [Лядова, 2014, с. 867–886] и М.А. Хатямовой «„Бич Божий“: логика повествования и концепция истории Е. Замятина» [Хатямова, 2014, с. 887–906] особое внимание уделяется категории «зоологизация», выдвигаемой как основной прием в раскрытии характера героев. В произведении «Бич Божий» писатель, сопоставляя персонажей с животными (волком, змеей и др.), подчеркивает наличие в человеке естественности и звериных качеств, тем самым противопоставляя природную упорядоченность культурной регламентации. В работе М.Ю. Любимовой «Философские взгляды и культурологические воззрения Е. Замятина» [Любимова, 2014, с. 207–264] отмечается, что в произведениях (в частности, в повестях «Уездное»,

«Островитяне») не только критикуется «звериное» начало и косность российской провинциальной жизни, но и осмысливается конфликт между технологической цивилизацией и индивидуальной свободой. Автор обращает особое внимание на то, что нормы христианской морали в сфере половых отношений подвергаются у Замятина критическому переосмыслению и отражают философскую установку на понимание «тела как пространства свободы».

В сборнике представлена и работа Н.Н. Комлик «Телесный код в русской литературе и в творчестве Е. Замятина» [Комлик, 2014, с. 319–340]. Автор подчеркивает, что уже с ранних произведений присутствует диалектическое изображение «избыточной телесности», сочетающее в себе как иронию, так и восхищение. Исследование демонстрирует, что через женские образы, такие как Матрена-Плясея и Марфа, Замятин раскрывает одновременно единство и противоборство плоти и духа, помещая эту проблему в контекст русской фольклорной культуры и религиозной традиции. На уровне философии Замятин рассматривает тело как «суверенное, предшествующее сознанию бытие», наделяя тело равным статусом с духом и превращая его в носитель красоты. Исследование опирается на идеи таких мыслителей, как Николай Бердяев и Василий Розанов, при этом автор подчеркивает, что Замятин отвергает христианский аскетизм и рассматривает сексуальность как благословение жизненной силы. Так, в произведениях тело возвышается до символа русской нации, воплощая розановскую философскую концепцию о том, что «плоть есть корень духа» [Розанов, 1990, с. 304], особенно ярко проявляющуюся в своего рода обожествлении плоти и сексуальности, в неприятии христианского аскетизма. Данный анализ не только очерчивает эволюцию телесной проблематики в творчестве Замятина, но и раскрывает, каким образом через нарратив телесности писатель осуществляет глубокую рефлексию о русской традиционной культуре и религиозной этике.

Работы Н.Н. Комлик, одной из наиболее ярких фигур современного замятиноведения, посвящены неразрывной связи между телом и фольклорной традицией русского народа. Наиболее последовательно идеи исследовательницы воплотились в таких работах, как «Народная Россия и поэтика ее воплощения в творчестве Е.И. Замятина» [Комлик, 2008, с. 145–176], и в совместной с И.С. Урюпиным монографии «“...Пишу вам из России...”: русское подстепье в творческой биографии Е.И. Замятина и И.М. Булгакова» [Комлик, Урюпин, 2007, с. 13–25]. В монографии двух авторов основным предметом исследования становится глубокая связь художественной системы Замя-

тина с фольклором и духовной традицией, укорененной в его родной Лебедяни. Жизненный опыт, сформированный в условиях провинциальной России, позволяет Замятину обратиться к мотиву слияния человеческого тела с образом природы и создать своеобразный синтетический образ «человека-дерева» в произведениях «Африка», «Кряжи» и др., где воспевается тело, насыщенное примитивной жизненной силой, и заостряется мотив свободы-воли, стремление к которой является основой русского национального характера. Образ «человека-дерева» («женщина-кряж») переплетается с созданием образа женского тела, предназначенного для воплощения нового представления об «идеальной женственности», которая передается по одной линии «поляницы» и несет на себе отсвет дохристианских идеалов женской личности, включающей в себя «мужественность и отвагу». В монографии также выделяется мотив отчуждения — так, тело Барыбы, превращающегося в «нелепую каменную бабу» в повести «Уездное», словно экстериоризирует духовную неподвижность и застой, представляя энтропию как окаменение тела.

Во второй монографии Н.Н. Комлик и И.С. Урюпин широко привлекают концепцию карнавализации М. Бахтина для объяснения фольклорных источников поэтики телесности Замятина. Авторы подчеркивают, что снижение образа тела носит амбивалентный характер, одновременно заключая в себе отрицательное начало — источник поглощения (могила) и утвердительно начало — рождение и возрождение (чрево, мужской генитальный орган, рот). В монографии постулируется эволюция замятинского взгляда на материально-телесное начало: на раннем этапе творчества, в частности в повести «Уездное», писатель трактует тело как нечто неморальное, бездушное, иронически изображая телесный «низ». В последующих прозаических произведениях Замятин постепенно переходит к воспеванию телесной красоты, подчеркивая концепцию «одухотворенной телесности», в рамках которой тело в эстетике помещается едва ли не над сознанием, идеалом и духом.

Западное замятиноведение

С 60-х гг. XX в. в западном замятиноведении слависты обнаруживают в творчестве писателя особый телесный «код». В это время проявляются две тенденции в работах исследователей. С одной стороны, внимание славистов сосредоточено на образе тела в связи с жанром антиутопии через сопоставление романа «Мы» с произведениями западных писателей. В контексте данного подхода тело рассматривается как своего рода поле конфликта между индивидуальным и коллективным.

С. Collins в работе «Zamyatin, Wells and the Utopian Literary Tradition» [Collins, 1966, p. 351–360] через сопоставление произведений Г. Уэллса с Collins замаятинским романом «Мы» анализирует, как Замятин создает сатирическую анти-модель в технократическом рациональном пространстве. Тело здесь становится носителем конструкции и деконструкции идеального мира: государство через «розовые талоны» и ограничение рождаемости превращает тело в собственность социума. Между тем противодействие режиму Единого Государства прежде всего проявляется в пробуждении половой страсти Д-503, которая в дальнейшем переходит в сферу иррационального, подсознательного. Итак, тело оказывается своеобразным фокусом, в котором преломляются основные конфликты и противоречия тоталитарного общества.

G. Beauchamp в статье «Of Man's Last Disobedience: Zamyatin's "We" and Orwell's "1984"» [Beauchamp, 1973, p. 285–301] подчеркивает, что в двух антиутопиях государство стремится заменить настоящие человеческие чувства на механические и бездушные взаимодействия. Особое внимание уделяется проблематике половых отношений: кастрация сексуального инстинкта получает определенное символическое значение — кастрацию личного сознания, способности воображения и импульса к художественному творчеству. А бунтарство Уинстона Смита в «1984» и Д-503 в «Мы» начинается именно с пробуждения сексуальности, что представляет собой «сопротивление низу». Таким образом, пол становится источником сопротивления механистической цивилизации и освобождения творческих сил.

С другой стороны, ученые начинают уделять внимание общечеловеческой проблематике произведения и склоняются к анализу творческой эволюции писателя и конкретных проблем поэтики и эстетики в других прозаических произведениях Замятина.

Монография А. Shane «The Life and Work of Evgenij Zamjatin» [Shane, 1968, p. 97–189] стала новым шагом в развитии замаятинovedения в западном мире. В работе автор представляет обзор периодизации жизни и творчества Замятина: 1908–1917 гг. — ранний, 1918–1921 гг. — средний, 1922–1927 гг. — переходный, 1928–1935 гг. — поздний, в рамках чего обнаруживается и эволюция поэтики телесности в прозе Е. Замятина. На раннем этапе ориентация на изображение тела проявляется прежде всего в теме любви. В «Уездном» и «На куличках» любовь низводится до повседневной физиологической функции, указывая на падение нравов в российском обществе. В «Девушке» и «Алтыри», напротив, телесная страсть изображается как духовное стремление к жизненному совершенствованию, представляя символ первобытной жизнен-

ной силы. В следующий период тело соотносится писателем с политическим «организмом»: любовь и сексуальное желание рассматриваются как естественная сила, противостоящая пошлости и повседневности. В этот период складывается обширная семиотическая система тела, включая грудь, губы, глаза и т.д. В переходный период Замятин, как полагает А. Shane, в основном ориентируется на создание образа женского тела, рассматривая его как проявление жизненных сил и инстинктивного желания. В последние годы творчества Замятина тело персонажей становится проекцией их психологического состояния и концентрированно выражает экзистенциальную проблематику.

Развивает и углубляет западное замятиноведение книга С. Collins «Evgenij Zamjatin: An Interpretive Study» [Collins, 1973, p. 16–25, 69–80]. Подобно А. Shane, С. Collins также выявляет превращение любви и эроса из символа деградации личности в метафору раскрепощения. Соответственно, выделяется трансформация эстетических приемов в связи с изображением тела. С. Collins указывает, что ранние произведения наполнены метафорами «нисхождения» человека до уровня животных (лягушки, рыбы) и неодушевленных предметов (печь, экскременты) в приемственности гоголевской традиции. В зрелых произведениях, таких как «Мы» и «Наводнение», тело превращается в мифологический архетип: I-330 воплощает архетип «анимы»; лоно Софьи уподобляется «земле», а погребенная Ганка — «хлебному божеству», чья смерть есть жертва во имя возрождения новой жизни.

В 60-е и 70-е гг. XX в. все больший интерес западных исследователей вызывает мифотворчество Замятина. В статье «Zamjatin's We as Myth» С. Collins [Collins, 1966, p. 125–133] подробно анализирует образы, соответствующие мифологическим архетипам: I-330 соответствует Аниме, ведущей героя к области бессознательного; P-13 — тени, представляющей подавленный сексуальный инстинкт; Ю — «поглощающей матери»; дом древностей является музеем коллективного бессознательного; Зеленая Стена служит границей области бессознательного. А. Aldridge в работе «Myths of Origin and Destiny in Utopian Literature: Zamiatin's "We"» [Aldridge, 1977, p. 68–75] подчеркивает двойственность мифологической модели антиутопии — космогонический миф и эсхатологический миф. «Единое Государство» представляет собой пародийное искажение «Нового Иерусалима», тело в котором подчинено механизму и бесчеловечности. Мир за Зеленой Стеной воплощает возвращение в «Эдем», где изображается голое, волосатое, чувственное тело, олицетворяя человеческий хаос, инстинкты и личную свободу. В статье «Onomastics and Zamiatin's We» [Barker, 1977, p. 551–560] M.G. Barker соединяет оно-

мастический анализ с психоанализом Фрейда, теорией архетипов Юнга и связывает имена персонажей с телесными характеристиками. Буква «Д» представляет черту дикости в Д-503, сосредоточенную в его волосяных руках. Под латинской буквой «I» в имени I-330 подразумеваются угловатые черты, формирующие образ остроты, бунтарства. Буква «O» символизирует ключевые внутренние половые органы женщины.

Важным этапом в западном замятиноведении является сборник статей «Zamyatin's We: A Collection of Critical Essays». Исследование поэтики телесности ведется по трем направлениям: семиотика тела, художественные приемы создания образа тела и мифологические архетипы, связанные с телом. «The eye in We» R. Parrot является одной из самых значимых работ для выяснения поэтики телесности Замятина. R. Parrot рассматривает глаза как окно во внутренний, бессознательный мир человека, показатель любовных отношений, посредник между созерцающим и созерцаемым [Parrot, 1988, p. 106-117]. В статьях G. Kern, M. Ehre, S. Layton [Kern, 1988, p. 118-129; Ehre, 1988, p. 130-139; Layton, 1988, p. 140-148] анализируются конкретные художественные приемы, такие как синекдоха, преувеличение, деформация и т.д., используемые при создании образа тела.

Статьи 1980–2000-х гг., посвященные изучению творчества Замятина, ориентированы на различные проблемы поэтики и образной системы произведений писателя, по-новому раскрывающие присущие ему эстетические принципы.

K. Kinyon [Kinyon, 2002, p. 204-218] рассматривает смех в антиутопии «Мы» как своего рода посредника телесной бессознательности и внутреннего эмоционального бунтарства, а также как семиотически амбивалентный знак, функционирующий в диалектике подавления и освобождения. С одной стороны, государство «инструментализирует» смех как механизм социальной дисциплины, высмеивая иррациональное и маргинализируя отклонения с целью укрепления коллективной идентичности. С другой стороны, смех превращается в субверсивную силу, разрушающую рациональный порядок и открывающую проход в сферу бессознательного.

В статье «Zamyatin's Modernist Palette: Colors and Their Function in We» S.S. Hoisington и L. Imbery [Hoisington; Imbery, 1992, p. 159-171] отмечают, что в романе «Мы» цвет функционирует в изображении тела в четырех аспектах: 1) слияние цвета и сексуальности; 2) цветовая кодификация характеров; 3) интериоризация цвета через физиологическое восприятие; 4) экстериоризация внутренних состояний через цветовую проекцию. Таким образом, замятинская цветопись создает сим-

волическую систему и целостную поэтику телесности, где цвет становится проводником от механистического к органическому, от рационального к иррациональному.

Заключение

Итак, в России и на Западе выявляются два параллельных и одновременно взаимодополняющих научных подхода, совместно формирующих многостороннее понимание сложности мотива тела в творчестве Е.И. Замятина. Общим для этих подходов является признание того, что тело в произведениях Замятина представляет собой поле борьбы, источник внутреннего индивидуального сопротивления, вход в иррациональный мир.

При этом в западном замятиноведении ранние исследования были сосредоточены прежде всего на антиутопии как антитоталитарной притче и на универсальных мифологических архетипах романа «Мы», тогда как с 1970-х гг. акцент смещается на выявление конкретных художественных приемов и философских основ творчества Замятина. Отечественное замятиноведение, в свою очередь, акцентирует особенности замятинской поэтики, которые предопределены влиянием традиций русской народной культуры и воздействием предшественников и современников Замятина. На этой основе отечественные исследователи обращаются к вопросам постантропологии, взаимодействия плоти и духа, поэтики визуального и др. Обе исследовательские линии демонстрируют, что «поэтика телесности» в творчестве Замятина является неотъемлемой частью его целостной эстетически-философской системы «синтетизма», включающего в себя взаимодействие не только литературных направлений, но и достижений различных видов искусства — мифологические архетипы, геометрическую символику и сенсорную чувственность импрессионизма.

Библиографический список

Давыдова Т.Т. Творческая эволюция Евгения Замятина в контексте русской литературы первой трети 20 века. М.: Директ-Медиа, 2021. 15 с.

Долженко С.Г. Творчество Е.И. Замятина в англоязычной критике : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2003. 28 с.

Калчанов В.В. О романе Е.И. Замятина «Мы», электромагнетизме, робототехнике, нанотехнологиях и постмодернизме // Литературоведение на современном этапе. Теория, история, творческие индивидуальности: К 135-летию со дня рождения писателя / под общ. ред. Л. В. Полякова. М.: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 163-171.

Капустина С.Н. История рождения души в романе Е. Замятина «Мы» // Литературоведение на современном этапе. Теория, история, творческие индивидуальности: К 135-летию со дня рождения писателя / под общ. ред. Л.В. Полякова. М.: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 210–218.

Кольцова Н.З. Творчество Замятина. Проблемы поэтики. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. 176 с.

Комлик Н.Н. Телесный код в русской литературе и в творчестве Е. Замятина // Е. И. Замятин. PRO ET CONTRA / под общ. ред. О.В. Богдановой, М.Ю. Любимовой. М.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2014. С. 319–338.

Комлик Н.Н., Урюпин И.С. «...Пишу вам из России...»: русское подполье в творческой биографии Е.И. Замятина и М.А. Булгакова. М.: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. С. 185.

Комлик Н.Н. Народная Россия и поэтике ее воплощения в творчестве Е.И. Замятина. М.: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. 226 с.

Любимова М.Ю. Философские взгляды и культурологические воззрения Е. Замятина // Е.И. Замятин. PRO ET CONTRA / под общ. ред. О.В. Богдановой, М.Ю. Любимовой. М.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2014. С. 207–264.

Лядова Е.А. Историософия и структурно-поэтическая парадигма трагедии «Атилла» // Е.И. Замятин. PRO ET CONTRA / под общ. ред. О.В. Богдановой, М.Ю. Любимовой. М.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2014. С. 867–886.

Скороспелова Е.Б. Русская проза XX века. От Белого («Петербург») до Пастернака («Доктор Живаго»). М.: ТЕИС, 2003. 420 с.

Смирнов И.П. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 1994. 134 с.

Хатямова М.А. «Бич Божий»: логика повествования и концепция истории Е. Замятина // Е.И. Замятин. PRO ET CONTRA / под общ. ред. О.В. Богдановой, М.Ю. Любимовой. М.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2014. С. 887–904.

Шайтанов И.О. Евгений Замятина в традиции русской прозы. Сказ, бытописание, беллетристика // Литературоведение на современном этапе. Теория, история, творческие индивидуальности: к 135-летию со дня рождения писателя / под общ. ред. Л.В. Полякова. М.: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 258–275.

Aldridge A. Myths of Origin and Destiny in Utopian Literature: Zamiatin's «We» // Extrapolation. 1977. № 1. Pp. 68–75.

Barker M.G. Onomastics and Zamiatin's We // Canadian-American Slavic Studies. 1977. № 11. Pp. 551–560.

Beauchamp G. Of Man's Last Disobedience: Zamyatin's "We" and Orwell's "1984" // *Comparative Literature Studies*. 1973. № 4. Pp. 285-301.

Collins C. Evgenij Zamjatin: An Interpretive Study. The Hague: Mouton, 1973. 117 p.

Collins C. Zamjatin's We as Myth // *The Slavic and East European Journal*. 1966. № 2. Pp. 125-133. <https://doi.org/10.2307/304749>.

Collins C. Zamyatin, Wells and the Utopian Literary Tradition // *The Slavonic and East European Review*. 1966. № 103. Pp. 351-360. <http://www.jstor.org/stable/4205781>

Ehre M. Zamyatin's Aesthetics // *Zamyatin's We: A Collection Of Critical Essay*. Ann Arbor: Ardis, 1988. Pp. 130-139.

Hoisington S.S., Imbery. L. Zamyatin's Modernist Palette: Colors and Their Function in We // *The Slavic and East European Journal*. 1992. № 2. Pp. 159-171. <http://www.jstor.org/stable/308963>

Kern G. Zamyatin's Stylization // *Zamyatin's We: A Collection of Critical Essays*. Ann Arbor: Ardis, 1988. Pp. 118-129.

Kinyon K. Laughter in Zamyatin's We: Passageways into the Irrational. *Extrapolation*. 2002. № 2. Pp. 204-218.

Layton S. Zamyatin and Literary Modernism // *Zamyatin's We: A Collection Of Critical Essays*. Ann Arbor: Ardis, 1988. Pp. 140-148.

Parrot R. The eye in We // *Zamyatin's We: A Collection Of Critical Essays*. Ann Arbor: Ardis, 1988. Pp. 106-117.

Shane A. The Life and Work of Evgenij Zamjatin. Berkeley, University of California Press, 1968. 326 p.

Источники

Замятин Е.И. Полное собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. Мюнхен: Найманис, 1988. 608 с.

Розанов В.В. Полное собрание сочинений : в 15 т. Т. 2. СПб.: Издательство «Росток», 2015. 785 с.

Розанов В.В. Люди лунного света: Метафизика христианства. М.: Дружба народов, 1990. 304 с.

References

Aldridge A. Myths of Origin and Destiny in Utopian Literature: Zamyatin's "We". *Extrapolation*, 1977, no. 1, pp. 68-75.

Barker M.G. Onomastics and Zamyatin's We. *Canadian-American Slavic Studies*, 1977, no. 11, pp. 551-560.

Beauchamp G. Of Man's Last Disobedience: Zamyatin's "We" and Orwell's "1984". *Comparative Literature Studies*, 1973, no. 4, pp. 285-301.

Collins C. Evgenij Zamjatin: An Interpretive Study. Paris, 1973, 117 p.

Collins C. Zamjatin's We as Myth. *The Slavic and East European Journal*, 1966, no. 2, pp. 125-133. <http://www.jstor.org/stable/304749>.

Collins C. Zamyatin, Wells and the Utopian Literary Tradition. *The Slavonic and East European Review*, 1966, no. 103, pp. 351-360. <http://www.jstor.org/stable/4205781>

Davydova T.T. The Creative Evolution of Evgeny Zamyatin in the Context of Russian Literature of the First Third of the 20th Century, Moscow, 2021, 15 p. (In Russian).

Dolzhenko S.G. The Work of E.I. Zamyatin in English-Language Criticism. Abstract of Philol. Cand. Diss, Tyumen, 2003. 28 p.(In Russian).

Ehre M. Zamyatin's Aesthetics. *Zamyatin's We: A Colltction Of Critical Essays*, Michigan, 1988, pp. 130-139.

Hoisington S.S., Imbery. L. Zamyatin's Modernist Palette: Colors and Their Function in We. *The Slavic and East European Journal*, 1992, no. 2, pp. 159-171. <http://www.jstor.org/stable/308963>

Kalchanova V.V. On E.I. Zamyatin's Novel "We", Electromagnetism, Robotics, Nanotechnology, and Postmodernism". *Literaturovedenie na sovremennom etape. Teoriia, istoriia, tvorcheskije individual'nosti: K 135-letiiu so dnja rozhdeniia pisatelja* = Literary Studies at the Modern Stage. Theory, History, Creative Individualities, Tambov, 2014, pp.163-171. (In Russian).

Katustina S.N. The History of the Birth of the Soul in E. Zamyatin's Novel "We". *Literaturovedenie na sovremennom etape. Teoriia, istoriia, tvorcheskije individual'nosti: K 135-letiiu so dnja rozhdeniia pisatelja* = Literary Studies at the Modern Stage. Theory, History, Creative Individualities, Tambov, 2014, pp. 210-218. (In Russian).

Kern G. Zamyatin's Stylization. *Zamyatin's We: A Colltction Of Critical Essays*, Michigan, 1988, pp. 118-129.

Khatiamova M.A. "The Scourge of God": The Logic of Narration and the Historical Conception of E. Zamyatin. *PRO ET CONTRA* = E. I. Zamyatin. *PRO ET CONTRA*, St. Petersburg, 2014, pp. 887-904. (In Russian).

Kinyon K. Laughter in Zamyatin's We: Passageways into the Irrational. *Extrapolation*, 2002, no. 2, pp. 204-218.

Koltsova N.Z. The Work of Zamyatin. Problems of Poetics, Moscow, 2019, 176 p. (In Russian).

Komlik N.N. The Corporeal Code in Russian Literature and in the Works of E. Zamyatin. E. I. Zamyatin. *PRO ET CONTRA*, St. Petersburg, 2014, pp. 319-338. (In Russian).

Komlik N.N. Folk Russia and the Poetics of Its Embodiment in the Work of E.I. Zamyatin, Yelets, 2008, 226 p. (In Russian).

Komlik N.N., Uryupin I.S. "... I Am Writing to You from Russia...": The Russian Hinterland in the Creative Biography of E.I. Zamyatin and I.M. Bulgakov, Yelets, 2007, 185 p. (In Russian).

Layton S. Zamyatin and Literary Modernism *Zamyatin's We: A Colltction Of Critical Essays*, Michigan, 1988, pp. 140-148.

Liadova E.A. Historiosophy and the Structural-Poetic Paradigm of the Tragedy "Attila". *E. I. Zamyatin. PRO ET CONTRA*, St. Petersburg, 2014, pp.867-886. (In Russian).

Liubimova M.Yu. Philosophical Views and Culturological Outlooks of E. Zamyatin. *Zamyatin. E.I. Zamyatin. PRO ET CONTRA*, St. Petersburg, 2014, pp. 207-264. (In Russian).

Parrot R. The eye in *We Zamyatin's We: A Colltction Of Critical Essays*, Michigan, 1988, pp. 106-117.

Shane A. The Life and Work of Evgenij Zamjatin, California, 1968, 326 p.

Shaytanov I.O. Evgeny Zamyatin in the Tradition of Russian Prose. *Skaz, Everyday Description, Belles-lettres. Literaturovedenie na sovremennom etape. Teoriia, istoriia, tvorcheskie individual'nosti: K 135-letiiu so dnia rozhdeniia pisatel'ia* = Literary Studies at the Modern Stage. Theory, History, Creative Individualities: To the 135th Anniversary of the Writer's Birth, Tambov, 2014, pp. 258-275. (In Russian).

Skorospeleva E.B. Russian prose of the 20th century: From Bely's "Petersburg" to Pasternak's "Doctor Zhivago", Moscow, 2003, 420 p. (In Russian).

Smirnov I.P. Psychohistory of Russian Literature from Romanticism to the Present Day, Moscow, 1994. 134 p. (In Russian).

List of Sources

Rozanov V.V. Complete Works: in 15 Vols, vol. 2, Moscow, 2015, 785 p. (In Russian).

Rozanov V.V. People of the Moonlight: The Metaphysics of Christianity, Moscow, 1990, 304 pp. (In Russian).

Zamyatin E.I. Complete Works: in 4 Vols, vol. 4, Moscow, 1988, 608 p. (In Russian).

СРАВНЕНИЕ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Г.И. ГАЗДАНОВА «ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА ВОЛЬФА»)

А.А. Кухтенкова

Ключевые слова: сравнения, Г.И. Газданов, идиостиль, картина мира
Keywords: comparisons, G.I. Gazdanov, idiostyle, worldview

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)2–09](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)2–09)

Введение
Категория сравнения вызывает неизменный интерес современных исследователей [Буйлова, 2025; Жарикова, 2025; Дмитриева, 2024; Мохнарыло, 2024; Правда, 2024]. На сегодняшний день изучение данного вопроса стало многоаспектным и полицентрическим за счет доминирования таких направлений, как психолингвистика, социоллингвистика, коммуникативная и когнитивная лингвистика и др. С.М. Колесникова отмечает: «... сравнение — это яркая, специфическая черта языка писателя, его идиостиля» [Колесникова, 2010 с. 190]. В настоящее время выделяют пять основных подходов к анализу идиостиля: семантико-стилистический, лингво-поэтический, системно-структурный, коммуникативно-деятельностный и когнитивный.

Актуальность работы обусловлена тем, что индивидуально-авторские сравнения в прозе Г.И. Газданова не становились предметом специального исследования. Современные газдановеды все чаще выбирают материалом изучения роман «Призрак Александра Вольфа», обращаясь к композиционным и жанровым особенностям, метароманному комплексу повествования, призраку призрака Александра Вольфа, воображаемому миру воспоминания с эмигрантским подтекстом, концепту «инобытие», образу войны и др. [Васильева, 2019; Иванов, Иванова, 2023; Гайбарян, 2024; Отрошенко, 2022; Сторчак, 2022]. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые был проведен комплексный анализ лингвоэтики сравнений, установлены стилевые закономерности их включения в роман Г.И. Газданова «Призрак Александра Вольфа».

Методы и материал исследования

Материалом исследования является роман «Призрак Александра Вольфа». Предмет изучения — разновидности сравнений в упомяну-

том романе Г.И. Газданова. В статье используются общенаучные методы: описания, сравнения, специфика реализации которых обусловлена идиостилевым подходом к объекту рассмотрения. Основными методами исследования лингвистического материала являются структурно-семантический и контекстный анализ единиц различных текстовых уровней (лексического, стилистического, синтаксического). Методика рассмотрения сравнительных оборотов включает: картографирование миниконтекстов, содержащих сравнения, определение типа сравнений, установление их количественных признаков (объем, частотность); обнаружение доминирующих, периферийных, многоядерных сравнительных комплексов; выявление их взаимодействия в развертывании участков текстового ассоциативно-смыслового поля, эксплицирующих микротемы, лейтмотивы и другие фрагменты ассоциативно-смыслового поля произведения. При этом обнаруживаются особенности проявления взаимообусловленных ведущих функций сравнений — текстостроительной и актуализационно-смысловой (в том числе акцентно-смысловой, т.е. эмоционально-экспрессивной), а также выявляются идиостилевые особенности в использовании индивидуально-авторских сравнений.

Цель статьи — проанализировать типы и функции сравнений в романе «Призрак Александра Вольфа». Данная цель обуславливает решение следующих задач:

- 1) выявить связь ключевых, доминантных сравнений с заголовочным комплексом и узловыми звеньями композиции;
- 2) описать типы сравнений, участвующих в текстообразовании и организации фрагментов, участков ассоциативно-смыслового поля романа;
- 3) проанализировать функциональный потенциал сравнений в формировании мотивных, лейтмотивных комплексов.

Результаты исследования

Сделан вывод о том, что в основе авторских сравнений, являющихся фрагментами языковой картины мира, лежат особенности образно-ассоциативного и перцептивно-эмоционального осмысления окружающего мира. Лингвопоэтику романа Г.И. Газданова «Призрак Александра Вольфа» наполняют трансформированные в метафору и развернутые сравнения, которые используются автором как способ актуализации заглавия, импульс мотивных и лейтмотивных, концептуально нагруженных комплексов, обрисовывают пространственно-временную организацию текста в тексте, очерченную ассоциативной рамкой вос-

поминания, проводят условную границу эффекта двоемирия, символики, реинкарнации, углубляют, конкретизируют психологизм и экзистенциальные искания, создают экспрессивность и вводят соматические реакции с аллюзийным продолжением.

Детективный сюжет, события гражданской войны, попытка убежать от прошлого, которое преследует героев помимо их воли и создает иллюзорную реальность с синтезом воспоминаний и душевных переживаний, — то, что привлекает читателей романа. Эпизоды гражданской войны рассказаны тремя героями: повествователем, Александром Вольфом и Вознесенским. Герой-рассказчик ошибочно считал Вольфа погибшим от шальной пули, нанесенной в целях самообороны. Неутихающая боль рассказчика эксплицируется субъектным сравнением, передающим сожаление о случившемся в степи. Так создается психологический портрет персонажа после роковой встречи с Вольфом: *я чувствовал себя, почти как убийца* (с. 31)¹. Тягостное чувство стыда усиливает многолетние воспоминания, которые повторно переживаются, оживают, нередко под музыкальный аккомпанемент (во время беседы виновника и выжившего после ранения Вольфа).

Несколько случайных секунд могут повлиять на всю жизнь, стать грузом, так случилось с рассказчиком, на это указывает темпоральное сравнение: *...пуля, пробившая грудь Вольфа, из этого короткого, как выстрел, промежутка времени* (с. 43). Мгновенный роковой выстрел оставил долгий след и шрам на всю жизнь как рассказчику, так Вольфу.

Символическое приближение к грани между жизнью и смертью, зыбкости бытия, мотив случайности находим: *белый жеребец Вольфа так же мог быть ранен или убит, как моя воронья кобыла* (с. 83). Сравнения с колоративным компонентом визуализируют и оживляют текст. Мотив смерти эксплицируется оценочным сравнением с библейской аллюзией: *...Он был настолько хорош, что мне хотелось бы его сравнить с одним из тех коней, о которых говорится в Апокалипсисе... Это сходство подчеркивалось тем, что именно на этой лошади я ехал карьером навстречу моей собственной смерти...* (с. 84). Это фрагмент из рассказа Вольфа «Приключения в степи», портретирующий события гражданской войны, когда происходит обмен лошадьми Вольфа и рассказчика: *Лошадь его пропала, что тоже было удивительно; она обычно ходила за ним, как собака, и никогда бы по доброй воле*

¹ Здесь и далее ссылка на страницу цитирования дана по изданию: Гайто Газданов. Собрание сочинений : в 5 томах. Т. 3. М.: «Эллис Лак 2000», 2009. 136 с.

не ушла (с. 84). Здесь зооморфное сравнение подчеркивает преданность, верность животного хозяину.

Момент случайного (в целях самообороны) выстрела героя-рассказчика в А. Вольфа вводится аудиальным лексическим ассоциатом (маркер — прилагательное *похожий*): *какой-то звон, похожий на частое встряхивание маленькой связки металлических колец...* В эту секунду я выстрелил (с. 43). Это преступление при загадочных обстоятельствах врезалось в память героя-рассказчика, чему способствовали перцептивные (тактильные) и ассоциативные образы, получившие продолжение в сравнении: *...немое воспоминание моих пальцев правой руки о тяжести револьвера, ощущение его шероховатой рукоятки, точно навсегда отпечатавшееся на моей коже...* (с. 55). Сравнение актуализирует вневременной план воспоминаний, где переплетается прошлое и настоящее. Воспоминания заставляют повторно прочувствовать прежние болезненные ощущения, углубляют тонкий психологизм и исповедальность повествования, оживляя душевные травмы. Телесные ощущения и перцептивные образы максимально приближают прошлое.

Воспоминание героя-рассказчика о ранении Вольфа связано с пограничным состоянием сознания, спутанно-туманными мыслями: *И я видел перед собой жаркий летний день, растрескавшуюся черную серую дорогу, медленно, как во сне, кружившую между маленькими рожами, и неподвижное тело Вольфа...* (с. 66). Усиливают это самое тягостное, мучительное воспоминание перцептивные температурные показатели с семантикой жары, зноя, свидетельствующие об интенсивности и глубине переживаний. Несколько раз на протяжении текста варьируется повтор с символикой сна-воспоминания, а несостоявшееся убийство всплывает как туман, отголосок-эхо через всю жизнь главных героев: *я увидел качающуюся, как во сне, черную мушку револьвера перед моим правым глазом* (с. 74).

Прочитав рассказ Александра Вольфа «Приключение в степи», входящий в сборник «Я приду завтра», представленный как текст в тексте, который повествует о роковой встрече в степи, герой-рассказчик начинает собирать информацию о Вольфе, посещает директора издательства, беседует с Вознесенским. Попытки повествователя отыскать английского писателя упомянуты в сравнении, содержащем степень достоверности информации: *директору я был склонен верить гораздо меньше, чем моему рождественскому собеседнику* (с. 92). Рождественский собеседник — это друг Вольфа (Вознесенский), который стал его спасителем и очевидцем событий. Сложные, многократные попытки ра-

зыскать Вольфа после прочтения рассказа тоже представлены сравнением: *начинает становиться похожим на детективный роман* (с. 63).

Рассказ Вольфа «Приключение в степи» судьбоносно значим как для английского писателя, так и для героя-рассказчика, это определяется сравнением. Именно знакомство с этим рассказом усилило и оживило кровоточащие воспоминания повествователя, сотканые из видений: *«Приключение в степи» предопределило его судьбу еще в большей степени, чем мое воспоминание о нем предопределило ту исчезающую тень, которая омрачила много лет моей жизни* (с. 90). Перифраза *исчезающая тень* свидетельствует о том, что Вольфа рассказчик воспринимает как призрак (это заявлено уже в заглавии). Синтаксическое сравнение объединяет тягостные воспоминания повествователя с максимально детально точным, рефлексивно-исповедальным рассказом Вольфа.

А. Вольф в рассказе «Приключение в степи» склонен считать героя погибшим, поэтому сравнивает его с призраком, так происходит взаимодействие основного текста и вставного фрагмента: *я думаю, он, наверное, давно погиб и растворился в небытии как последнее видение этого приключения в степи* (с. 62). Философия А. Вольфа в рассказе отличается отсутствием каких-либо иллюзий, поэтому он призывает людей не жить, *как слепые щенята*, а идти к своей цели до конца. Экзистенциальный разговор Вольфа и рассказчика о понятии и составных элементах счастья наполнен аллюзиями на Шекспира, Микеланджело, Франциска Ассизского. По мнению Вольфа, концепция Ассизского максимально отражает идею счастья, это объясняет оценочное эталонное сравнение: *он любил мир, как люди любят маленьких детей* (с. 70).

Загадочен, таинственен не только случай в степи, но и схематичная внешность Вольфа. Развернутое сравнение, отсылающее к заглавию, дополняет представление о портрете Вольфа, в котором запоминаются серые глаза, белая, бледная кожа, ассоциирующиеся с призраком: *В лице Вольфа было трудноопределимое выражение, нечто похожее на мертвую значительность... он был действительно похож на призрак* (с. 73). Ощущение столкновения с тенью, лицо напоминало маску из мертвого материала, все это еще больше сближает портрет героя с призраком, на что указывает межчастеречный повтор *похожее*.

Первая встреча Вольфа и рассказчика, после случая в степи, обозначена темпоральным сравнением, актуализирующим глубину и свежесть воспоминаний рассказчика: *Я помню это так, как будто это было вчера*. Задумчивое состояние Вольфа определяет сравнение: *Вольф молчал некоторое время, как ученик над трудной задачей* (с. 63). Сложная математическая задача становится жизненной и судьбоносной для

каждого участника. Герой-рассказчик, ошибочно считавший себя виновным в гибели Вольфа, получает психологическую травму, усугубившую душевную болезнь, а кратковременный выход из мучительного состояния определяется точным развернутым сравнением: *Это было похоже на то, как если бы человек, которого всегда тянет в пропасть, жил в стране, где нет ни гор, ни обрывов, а только ровные просторы плоских равнин* (с. 70). Метафорическая фраза *тяга в пропасть* подразумевает начало или припадок душевной болезни, сигнализирует о двоимирии как неприятию реальности, очевидности. Усилительное отрицание возвышенных пространственных образов намекает на временную паузу, отдых от душевных потрясений.

Идея неокончателности смерти взаимодействует с душевной болезнью героя-рассказчика: *я привык к двойственности своего существования, как люди привыкают, скажем, к одним и тем же болям...* (с. 60). Пограничные состояния сознания в текстах Г.И. Газданова приравниваются к неизлечимым физическим недугам и нередко подменяют подлинное существование. Душевные муки провоцируют обостренную игру воображения, так как герой-рассказчик стремится к другой жизни, неотягощенной случаем в степи, что эксплицируется трансформированным метафорическим сравнением с перцептивной семантикой: *впечатления явной фантастичности прогулки, как будто бы в привычном безмолвии моего воображения...* (с. 68). Воображение в текстах писателя способно поменять впечатление, поэтому, только фантазируя, герой-рассказчик кратковременно избавлялся от чувства вины, союз *как будто* усиливает эффект двоимирия и припадок душевной болезни повествователя. Исповедальность героя-рассказчика, пограничное состояние сознания, попытка пережить душевную травму актуализируется сравнением: *от этого последнего шага меня удерживало нечто похожее на инстинкт самосохранения...* (80). Под последним шагом имеется в виду *душевная пропасть, пропасть лет и расстояний*. Апогей развития душевной болезни — *душевная катастрофа*.

Герой-рассказчик страдает от неотпускающего его прошлого, об этом свидетельствует темпоральное сравнение с семантикой усталости: *каждую ночь, засытая, я чувствую себя так, точно я прожил очень долгую жизнь* (с. 80). Мучительные воспоминания героя-рассказчика о Вольфе как призраке обозначены сравнением с экзистенциональной семантикой: *особенно углубленное знание несло в себе несомненную опасность: к этому не хотелось возвращаться, как к прочитанной и понятой книге* (Там же). Сравнение здесь становится специфическим зеркалом ментальности, закодированное в книжный образ, что снова от-

сылает к рассказу «Приключение в степи». Герой-рассказчик осознавал вину перед Вольфом, и это чувство грузом давило на него. Как только повествователь и Вольф отпускают прошлое, они перерождаются эмоционально, душевно, меняется их мировоззрение.

Друг Вольфа (Вознесенский) пытается составить поведенческий портрет виновника случая в степи при помощи подбора точных сравнений: *Был ли это гимназист, который еще недавно боялся преподавателей больше, чем пулемета, или хулиган, вроде беспризорного, и стрелял ли он от испуга или со спокойным расчетом, как убийца?* (с. 60). Первое сравнение предполагает неопытность и страх противника, второе — социальный статус нарушителя, третье — психологическое и тактическое поведение героя-рассказчика. Осознание несуществующей вины рассказчика маркируется развернутым сравнением с перцептивными и темпоральными компонентами: *идея убийства... Она была похожа на последний отблеск потухающего огня, на минутный возврат к древнему инстинкту* (с. 72). Сравнения, создаваемые на основе зрительного восприятия, по классификации Н.Н. Болдырева, принадлежат к сенсорному типу оценок [Болдырев, 2002, с. 105]. Сравнения используются не только для создания психологических портретов героев, но и вводят фоновую любовную линию. Момент расставания с Мариной и ее уход к Вольфу фиксируется сравнительной аллюзией, описывающей портретное сходство: *В эту минуту, как сказал Вознесенский, она была похожа на Кармен* (с. 63). Аллюзия получает сюжетное продолжение: Марина красивая легкомысленная цыганка, склонная к изменам.

Вознесенский после расставания с Мариной меняется. До встречи с ней он жил не задумываясь, был неуязвим, это определяется фразеологизмом: *Я был человек крепкий, и все сходило с меня, как с гуся вода* (с. 54). Болезненный для Вознесенского разрыв с Мариной сочетается с состоянием беззащитности, потерянности, отмеченным в сравнении с семантикой детского возраста, т.е. неожиданной слабости героя: *Но в тот день я пришел домой, лег на кровать и плакал, как мальчишка.*

Судьбы героя-рассказчика и Вольфа соединяются не только приключением в степи, но и общей дамой сердца. До момента знакомства с рассказчиком Елена Николаевна встречалась с Вольфом. Их танец с Вольфом ассоциативно напоминает содержание «Приключения в степи»: *мелодии, которые внезапно обрывались и вслед за которыми начинался быстрый ритм, похожий на звуковое изображение скачки лошадей по какой-то воображаемой и огромной равнине* (с. 103). Скачущая мелодия ассоциируется с бегом коня, спасшего жизнь Вольфу. Именно этот

музыкальный аккомпанемент приводит в движение судорожные воспоминания о судьбоносном дне, таинственной встрече в степи в период гражданской войны. Данную тему продолжает и углубляет аудиально-зооморфное развернутое сравнение. Векторные антонимы характеризуют движения чувств, заданные поэтикой мгновения.

Вольф во время танца рассказал Елене Николаевне о ранении, обращаясь при этом к персидской легенде садовника, которая содержит концепцию прекращения привычного ритма. Мотив смерти один из ключевых в текстах писателя: *Много лет тому назад я встретил свою смерть, я видел ее так же ясно, как этот персидский садовник* (с. 105). Вольф сравнивает себя с садовником. Образ смерти олицетворяется, метафоризируется и перцептивно продлевается. Философия смерти, в понимании героя, лишена всяких иллюзий, смерть и счастье — понятия одного порядка, поэтому он сравнивает свою жизнь со странствием: *похожа на путешествие в поезде*, но при этом всегда стремится найти смерть, встретить ее. Елена Николаевна ощущала, как утомляется от философии смерти, утасует, погибает рядом с Вольфом, об этом свидетельствует темпоральное сравнение с эффектом перерождения: *в ней не оставалось ничего от прежней Леночки, какой она была как будто бы так недавно* (с. 107).

До встречи с героем-рассказчиком Елена Николаевна тоже пережила душевное потрясение и не избежала проявлений душевной болезни, это изображено развернутым сравнением: *все было так, точно она была погружена в глубокий душевный недуг* (с. 107). Сравнение подчеркивает статальное и интенсивное проявление душевной травмы: *как у человека, наполовину отравленного газом*. Александр Вольф заставлял Елену принимать морфий, поэтому такое общение ассоциировалось с ядом. До знакомства с героем-рассказчиком Елена была как под действием гипноза, заколдована, это эксплицировано развернутым визуальным сравнением: *в ее глазах надолго застыло неподвижно и неестественно спокойное выражение, как забытое изображение в зеркале...* (с. 107). Скованность, дискомфорт, необычность поведения усиливает метафора *застыло*, словосочетание *неестественно спокойное*. Нетипичное, застывшее, без мимики и выражения лицо Елены Николаевны настораживает, поэтому герой-рассказчик считает ее куклой, т.е. неспособной ни к внешним, ни к внутренним эмоциям, об этом свидетельствует визуальное сравнение: *дисгармоническое выражение лица, — так, точно в нем было нечто искусственное*. Главная героиня еще не обрела прежнее душевное равновесие, отсюда отстраненность и безразличие к людям. Характеристика *искусственное*

свидетельствует об автоматизме, неосознанности действий, но в процессе общения Елены Николаевны с героем-рассказчиком у нее появилась *звуковая улыбка, теплая и чувственная прелесть движения губ*, она пробудилась от гипноза Вольфа.

Соматизмы и сравнение описывают тонкие нюансы динамического психологического состояния Лены: *они (глаза) вдруг показались мне далекими, как некоторые звуки ее голоса*. Обманчивое хладнокровное спокойствие героини иногда может переходить в безразличие (*далекие*), это обозначено наречием времени с семантикой мгновенности. Синтаксическое сравнение передает двойственную природу главной героини, эффект кукольности еще ощутим: *Чем больше я ее узнавал, тем больше я привыкал к неестественному разделению между душевной и физической жизнью...* (с. 112). Для героев писателя всегда важнее душевная и внутренняя гармония, а не картонная красота. Пробуждение душевного отклика героини изображено как *проявление человеческой теплоты, она как будто понемногу оттаивала* (с. 112). Перцептивное сравнение эксплицирует метаморфозу чувств Елены Николаевны: театральность эмоций сменилась настоящей любовью. Признательность Елены Николаевны герою-рассказчику за исцеление от душевного недуга раскрывается в следующих словах: *ты больше понимал, чем умел сказать, и что твои интонации были выразительнее, чем слова, которые ты говорил* (с. 120). Синтаксические сравнения помогают читателю сосредоточиться на ментальном мире героя-рассказчика.

Вместе с Еленой Николаевной (страдающей *душевной аномалией*) от душевной болезни излавливается и герой-рассказчик, он перестает все анализировать, рассуждать, становится более чувствительным. Моменты ожидания следующей встречи Елены Николаевны и героя-рассказчика представлены развернутым темпоральным сравнением: *Я чувствовал себя в эти дни легко и тревожно — приблизительно как во времена моей ранней юности* (с. 125). Герой помолодел душой, ощутил забытую легкость. Оксюморон с семантикой состояния связан с романтическим восприятием долгожданной встречи. Осознание ответственности и глубины чувства героя-рассказчика эксплицирует синтаксическое темпоральное сравнение: *я больше рискую своей свободой, чем когда бы то ни было* (с. 80). Он боится быть счастливым, непривычное чувство находит выражение в развернутом сравнении с перцептивным компонентом: *мои ощущения были так же неверны и случайны, как смутные и расплывающиеся очертания домов сквозь эту влажную и туманную завесу дождя* (с. 90). Городской пейзаж созвучен туманности, неопределенности внутреннего состояния. Перцептивная метафора и сравнения эксплицируют

чувство любви рассказчика к Елене Николаевне: *Я чувствовал себя как в лихорадке, глаза мои были воспалены, и мне казалось, что я испытываю ощущение какого-то незримого ожога* (с. 60). Глаголы чувственного восприятия акцентируют актуальное настоящее. Изначально контрастное сравнение (температура + озноб) позже переходит только в жар, это маркируется трансформированным сравнением (показатели *воспалены, ожог*). Душевные переживания находят продолжение в физических ощущениях, создавая рефлексию чувств.

Новые ощущения после выздоровления героя-рассказчика представлены сравнением с семантикой состояния: *и я ощутил нечто вроде душевного головокружения — как будто это страница из детской книжки о чудесных исчезновениях* (с. 72). Темпоральное сравнение эксплицирует конец душевной болезни. Герой настрадался и намучился, только после этих испытаний исчезли трудности и настала светлая полоса исцеляющей взаимной любви. Когда Елена Николаевна восстанавливалась после душевной травмы, она переживала знакомые рассказчику состояния: *ее ощущения были похожи на мои — так, как вогнутое стекло похоже на выгнутое, результатом двойного движения* (с. 92). Развернутое сравнение актуализирует зеркальную симметрию переживаний. Судьбоносную встречу с Еленой Николаевной герой расценивает как спасение, лекарство, пробуждение от душевной болезни, это определяет сравнение: *То это так, как если бы это было утро... моя собственная судьба не была мне так ясна, как теперь* (с. 127). Возвращение героя-рассказчика к полноценной жизни позволяет ассоциировать встречу с возлюбленной с наступлением утра, рассвета после душевной болезни, которая виделась как пропасть, ночь. Долгожданное, выстраданное ясное состояние рассказчика имплицитно подразумевает сравнение с затуманенным, смутным сознанием в период продолжительной душевной катастрофы.

Психологический параллелизм умиротворенного состояния героя-рассказчика и теплой волны ассоциативно-перцептивного потока воспоминаний находим: *бокал для вина, точно наполняя его невидимой и прозрачной жидкостью, играла световая тоненькая струйка; я вспомнил тогда, что была солнечная зимняя погода* (с. 127). Все излучает радость и свет, оживают струны души. Кульминация развития чувств героя-рассказчика представлена в следующих словах: *Я был безмолвно пьян от ее присутствия, и чем дольше это продолжалось, тем сильнее я ощущал...* (с. 125). Синтаксическое сравнение соединяет темпоральное, интенсивное, перцептивное состояние, позволяющее переосмыслить реальность. Результат взаимоотношений с Еленой Николаевной — изменение взгляда на мир, перерождение, довоплощение, это

актуализирует сравнение с экзистенциональной семантикой: *...все показалось мне изменившимся и иным, как лес после дождя* (с. 97). Перцептивная свежесть нового мира обрела философский характер. Рутинное, обыденное сменилось оригинальным. Открылось обнадеживающее пространство, все это мотивировано поэтичным, возвышенным состоянием, настроением героя-рассказчика.

Многоуровневая цепочка развернутых сравнений с повторами характеризует полноту жизни героя-рассказчика после встречи с любимой: *все теперь приобрело новый, до сих пор не существовавший смысл, так, точно служило декорацией к единственной и самой лучшей пьесе. Это могло быть похоже на декорацию. Это могло быть похоже еще на нечто вроде зрительной увертюры к начинающейся — и тоже самой лучшей — мелодии, которую из миллионов людей слышал я один ... передо мной отворится дверь, такая же, как тысячи других дверей, и все-таки единственная в мире* (с. 127). Поэтизация чувств в приведенном фрагменте представлена повторяющимися вариативными символическими сравнениями с театральной семантикой. Определительное и указательные местоимения, наречия времени и степени сигнализируют о начале нового жизненного этапа, условно очерченного антонимичной темпоральной рамкой *до сих пор / теперь*. Второй уровень — перцептивные музыкальные сравнения как экспликаторы лейтмотива: сначала визуальные, затем аудиальные образы, свидетельствующие о тайнах и загадках прошлого. Герой, как музыкальный инструмент, настраивается, стремится к гармонии и умиротворению. Здесь сравнения служат средством решения эстетических и мировоззренческих задач. Следующий уровень — ассоциативная генерализация театральных и музыкальных сравнений, эксплицированных контрастными рамками *тысячи других / единственная в мире; миллионы / один*, а также повтор превосходной степени *самой лучшей*; все это маркеры избранности и исключительности.

Ассоциативно-музыкальное, перцептивное прочтение любви героев маркировано сравнениями: *Эта мелодия непостижимым образом заключала в себе свет, как другие могли бы заключать в себе снег, как некоторые, в которых чувствовалась ночь* (с. 129). Музыкальные сравнения — категория духовного бытия. Магия любви героя-рассказчика к Елене Николаевне передается метафорой, усложненной сравнением: *Мне казалось, что я приближаюсь к ее лицу точно сквозь смертельный сон* (с. 127). Это крепкие чувства, где сон-видение о смерти заменяется выстраданной грезой любви. Любовь героев помогла прийти к гармоническому душевному равновесию, переданному точным сравнением: *звучало почти торжественно, как слова, которые произносят, может быть, один раз в жизни,*

отправляясь на войну или уезжая навсегда (с. 127). Весомость слов обозначена сравнением и темпоральной рамкой *один раз в жизни / навсегда*, взаимодействующей с лейтмотивом экзистенциональных путешествий.

Заключение

Текстообразующие сравнительные обороты в романе Г.И. Газданова «Призрак Александра Вольфа» — способ репрезентации художественной картины мира, с их помощью автор выстраивает антитезу реальности и воображения. Темпоральные сравнения выполняют несколько функций: описывают психологический портрет персонажа, создают временную рамку детективной сюжетной линии, вводят оппозицию живое / мертвое, подчеркивают двойственность существования. Сравнения с перцептивной семантикой расширяют и конструируют, моделируют ассоциативно-смысловое поле текста, актуализируют доминанту и заглавие, углубляют психологизм и исповедальность, эксплицируют мотивные (сон, призрак) и лейтмотивные комплексы (воспоминание, смерть, музыка, путешествие).

В ядерную часть ассоциативно-смыслового поля романа попадают перцептивные и экзистенциональные сравнения, связанные с тягостным грузом болезненных и постоянно кровоточащих воспоминаний о ранении Вольфа и неизгладимой, мучительной вине героя-рассказчика. Околоядерное пространство — рассказ А. Вольфа «Приключение в степи». К многоядерным сравнительным оборотам относятся компоненты с семантикой убийства: 1) эпизод гражданской войны, 2) философская идея преступления, 3) гибель Елены Николаевны рядом с Вольфом как гипнотическая зависимость, 4) перцептивные сравнения, описывающие пограничные состояния сознания, припадки и симптомы душевных болезней героя-рассказчика, Елены Николаевны, которые мешают жить полноценной жизнью. Следующий слой с многоядерными сравнительными оборотами, описывающими призрачность приключения в степи: 1) внешность Вольфа, напоминающая призрак, 2) схематичный, условный портрет виновника. Затем ассоциативный образ смерти, ее концепции: 1) философия смерти А. Вольфа как прекращение привычного ритма, 2) легенда о персидском садовнике. Следующий слой — музыкальные сравнения: 1) музыка гражданской войны, 2) волшебная мелодия любви главных героев. Ближайшую периферию участков ассоциативно-смыслового поля образуют сравнения, описывающие долгие поиски выжившего после ранения Вольфа. Дальняя периферия — колоративное сравнение, вводящее мотив случайности и судьбоносный обмен лошадьми, который спасает жизнь А. Вольфу.

Нетипичные сравнения можно считать стилевой доминантой, количественно в романе преобладают образные сравнения, особенно аудиально и визуально-тактильные. Повышение эмоционального воздействия на читателя достигается частым использованием модально-сравнительных союзов: *словно, точно, будто, как будто*. Конструкции с маркерами *казался, похож* довольно распространены, они обозначают доминирование воображаемого и вспоминаемого над реальным. Разнообразие сравнительных оборотов мотивировано психосоматической доминантой произведения.

Для лингвопоэтики писателя свойственно употребление неполных сравнений с вербально неэксплицированным основанием сравнения, которое нужно достроить читателю, используя эмоциональный и игровой фон. Цепочки сравнений, нанизывание конструкций определяют ритм и музыкальный рисунок повествования, создают смысловое и логическое единство частей текста, оживляют рамку перцептивных воспоминаний с акцентом на телесно-тактильное ощущение, отсюда волшебный, магически завораживающий эффект театрализации и живописи словом, достигаемый реинкарнацией, соматическими реакциями с деталями-символами.

Библиографический список

Ананьева С.В. Концепт недосказанности как приглашение к размышлениям в современном художественном тексте // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2023. № 27–2. С. 50–53.

Болдырев Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку : сб. науч. тр., посвящ. Елене Самойловой Кубряковой / ИЯ РАН; ВГУ. М., Воронеж, 2002. С. 103–114.

Буйлова К.В. Структура и функционирование сравнений с семантическим компонентом «звучание» в прозе В.И. Белова // Филология смотрит в будущее. Вологда, 2024. С. 17–22.

Васильева И.В. Образ войны в романе Г. Газданова «Призрак Александра Вольфа» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 111–116.

Гайбарян О.Е. Концепт инобытие в романах Г. Газданова (на материале романов «Вечер у Клэр» и «Призрак Александра Вольфа») // Современный ученый. 2024. № 1. С. 30–34.

Дмитриева Ю.Л. Структурные модели сравнений в повести «Колхида» К.Г. Паустовского // Язык и ментальность в диахронии. По итогам IV Всероссийского научного семинара для молодых ученых с междуна-

родным участием, посвященного 90-летию со дня рождения В. В. Колесова. Владимир, 2024. С. 541–552.

Жарикова И.А. Функции образных сравнений со словом «like» в романе Тони Моррисон «Смоляное чучелко» // Смоленский медицинский альманах. 2025. № 1–1. С. 90–94.

Иванов Е.Е., Иванова Г.П. Метароманный комплекс просветления в поэтике прозы Г. Газданова // Культура и текст. 2023. № 1 (52). С. 33–50.

Колесникова С.М. Категория градуальности в современном русском языке. М.: Высшая школа, 2010. 278 с.

Лакаев П.В. Два опыта поведения человека перед лицом смерти: Гайто Газданов и Примо Леви // Россия и мир: транснациональные коммуникации и взаимопроникновение культур : сб. ст. международной междисциплинарной научной конференции. М., 2022. С. 453–461.

Мохнарыло К.В. Устойчивые и индивидуально-авторские сравнения в романе А.С. Грина «Джесси и Моргиана» // Материалы IV Международной научно-практической конференции. Астрахань, 2024. С. 87–89.

Немилова Е.А., Володина О.В. Современные подходы к изучению идиостиля в современной лингвистике // Новые направления научной мысли Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции. Ростов н/Д., 2022. С. 598–601.

Отрошенко В. Призрак «призрака Александра Вольфа» // Гайто Газданов: грани личности и таланта : сб. научн. трудов Международного литературного форума. М., 2022. С. 26–33.

Правда Е.А. К вопросу об аксиологическом потенциале сравнений в художественном тексте (на материале поэзии М.Ю. Лермонтова) // Аксиология и когнитивная лингвистика : мат-лы III Международной научной конференции. М., 2024. С. 409–414.

Праслова Т.С. Воображаемый мир-воспоминание в эмигрантском романе первой половины XX века на примере романа Г. Газданова «Призрак Александра Вольфа» // Воображаемый мир героя в литературе и культуре: поэтика и рецепция : сб. статей. М., 2021. С. 61–64.

Сторчак К. «Призрак Александра Вольфа»: четыре мысли о романе, дающие импульс к размышлению о настоящем Гайто Газданове: грани личности и таланта : сб. тр. Международного литературного форума. М., 2022. С. 33–38.

Султанов К.К. Между злободневным и трансцендентным. Гайто Газданов: от автобиографизма к метанарративности // Вопросы литературы. 2022. № 2. С. 13–39.

Источник

Гайто Газданов. Собрание сочинений : в 5 томах. Т. 3. М.: «Эллис Лак 2000», 2009. 136 с.

References

Ananyeva S.V. The Concept of Understatement as an Invitation to Reflection in Contemporary Fiction. *Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty* = Lingvo-rhetorical Paradigm: Theoretical and Applied Aspects, 2023, no. 27–2, pp. 50–53. (In Russian).

Boldyrev N.N. Structure and principles of formation of evaluative categories. *S lyubov'yu k yazyku* = With love for language: coll. of scientific works, Moscow, Voronezh, 2002, pp. 103–114. (In Russian).

Buylova K.V. The Structure and Functioning of Similes with the Semantic Component “Sound” in the Prose of V.I. Belov. *Filologiya smotrit v budushcheye* = Philology Looks to the Future, Vologda, 2024, pp. 17–22. (In Russian).

Dmitriyeva Yu.L. Structural Models of Similes in K. G. Paustovsky's Novel “Colchis”. *Yazyk i mentalnost v diakhronii* = Language and Mentality in Diachrony, Vladimir, 2024, pp. 541–552. (In Russian).

Gaybaryan O.E. The Concept of Otherness in the Novels of G. Gazdanov (Based on the Novels “An Evening at Claire's” and “The Ghost of Alexander Wolf”). *Bulletin Sovremennyy uchenyy* = Modern scientist, 2024, no. 1, pp. 30–34. (In Russian).

Ivanov E.E., Ivanova G.P. The Meta-novel Complex of Enlightenment in the Poetics of G. Gazdanov's Prose. *Kultura i tekst* = Culture and text, 2023, no. 1 (52), pp. 33–50. (In Russian).

Kolesnikova S.M. The Category of Graduality in Modern Russian, Moscow, 2010, 278 p. (In Russian).

Lakayev P.V. Two Experiences of Human Behavior in the Face of Death: Gaito Gazdanov and Primo Levi. *Rossiya i mir: transnatsionalnyye kommunikatsii i vzaimoproniknoveniye kultur* = Russia and the World: Transnational Communications and Interpenetration of Cultures: Collection of Articles of the International Interdisciplinary Scientific Conference, Moscow, 2022, pp. 453–461. (In Russian).

Mokhnarylo K.V. Persistent and Individual-Author's Comparisons in A. S. Green's Novel “Jesse and Morgiana”. *Materialy IV Mezhduna-rodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* = Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference, Astrakhan, 2024, pp. 87–89. (In Russian).

Nemilova E.A., Volodina O.V. Modern Approaches to the Study of Idiostyle in Modern Linguistics. *Novyye napravleniya nauchnoy mysli* =

New Directions of Scientific Thought. National (All-Russian) Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, 2022, pp. 598–601. (In Russian).

Otroshenko V. The Ghost of “Alexander Wolf’s Ghost”. = Gaito Gazdanov: Facets of Personality and Talent: Collection of Scientific Papers of the International Literary Forum. *Gayto Gaz-danov: grani lichnosti i talanta: sb. nauchn. trudov Mezhdunarodnogo literaturnogo foruma* = Gayto Gazdanov: grani lichnosti i talanta, Moscow, 2022, pp. 26–33. (In Russian).

Praslova T.S. The Imaginary World of Memory in the Émigré Novel of the First Half of the Twentieth Century: The Case of G. Gazdanov’s “The Ghost of Alexander Wolf”. *Voobrazhayemyy mir geroya v literature i kul’ture: poetika i retseptsiya: sb. statey* = The Imaginary World of the Hero in Literature and Culture: Poetics and Reception: A Collection of Articles, Moscow, 2021, pp. 61–64. (In Russian).

Pravda E.A. On the Axiological Potential of Similes in Fiction (Based on M. Yu. Lermontov’s Poetry). *Aksio-logiya i kognitivnaya lingvistika: matly III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* = Axiology and Cognitive Linguistics: Proceedings of the III International Scientific Conference, Moscow, 2024, pp. 409–414. (In Russian).

Storchak K. The Ghost of Alexander Wolf”: Four Thoughts on the Novel That Provoke Reflection on the Present. Gaito Gazdanov: Facets of Personality and Talent. *Sbornik trudov Mezhdunarodnogo literaturnogo foruma* = Collected Works of the International Literary Forum, Moscow, 2022, pp. 33–38. (In Russian).

Sultanov Between the Topical and the Transcendental. Gaito Gazdanov: From Autobiographism to Metanarrativity. *Voprosy literaturey = Literature questions*, 2022, no. 2, pp. 13–39. (In Russian).

Vasilyeva I.V. The Image of War in G. Gazdanov’s Novel “The Ghost of Alexander Wolf”. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the South-Western State University, 2019, vol. 9, no. 1 (30), pp. 111–116. (In Russian).

Zharikova I.A. The Functions of Figurative Similes with the Word “Like” in Toni Morrison’s Novel “Tar Baby”. *Smolenskiy meditsinskiy almanakh* = Smolensk Medical Almanac, 2025, no. 1–1, pp. 90–94. (In Russian).

Source

Gaito Gazdanov: Collected Works in Five Vols, vol. 3, Moscow, 2009. 136 p. (In Russian).

**ТЕМА ВРЕМЕНИ В ЦИКЛЕ СТИХОВ
АЛЁНЫ РЫЧКОВОЙ-ЗАКАБЛУКОВСКОЙ
«ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ»**

О.Н. Меркулова

Ключевые слова цикл, витальная поэзия, гражданская поэзия, контрапункт, эпическая линия, лирическая линия

Keywords: poetry cycle, vital poetry, civic poetry, counterpoint, epic line, lyrical line

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)2-10](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)2-10)

Введение

Алёна Рычкова-Закаблукловская — иркутский поэт. Родилась в 1973 г. в селе Баклаши. Автор поэтических книг «В Богородский сад» (2015 г.), «Птица сороказим» (2018 г.) и «Про свет» (2021 г.). Дипломант международных поэтических конкурсов. Подборка ее стихов вошла в шорт-лист конкурса «Заблудившийся трамвай». Типологически творчество Алёны Рычковой-Закаблукловской связывают с традициями почвенничества в русской литературе, однако сама поэтесса в интервью иркутской газете призналась: «... я не могу сказать, что исповедую какое-то почвенничество. Хотя обо мне так говорят. Ну хорошо, я почвенник, потому что я на почве. И я питаюсь этим... Моя тема — сменяемость поколений, цикличность, чередование жизни и смерти» (МК-Байкал. 24.01.2023).

В немногочисленных литературно-критических отзывах о творчестве автора отмечается сочетание реалистической и фольклорно-мифологической образности, эпической и одновременно лирической интонации, связанной с «глубоко сокровенным взглядом на жизнь» [Кузьмищева, 2021, с. 208]. А.В. Трушкина в рецензии на книгу «Птица сороказим» отмечает: «Алёна Рычкова-Закаблукловская — автор цельный, внутренне спокойный, мудрый, со светом в душе. Этой внутренней цельностью и спокойствием напитываешься, читая книгу. Значит, мир может быть светлым и гармоничным — нужно взглянуть на него глазами поэта» (Сибирские огни. 2020. № 6).

В упомянутом выше интервью на вопрос о том, что поэт решает для себя своим творчеством, Алёна Рычкова-Закаблукловская отвечает: «Можно сказать, что это костыль, который помогает мне двигаться. Действительность часто бывает совершенно непредсказуемая, часто

принимает какие-то безобразные формы — и чтобы в этом как-то жить, нужно перерабатывать ее, прогонять через себя. Можно сказать, делать более удобоваримой. В этом присутствует определенный эгоизм — как и в любом способе выживания» (МК Байкал. 24.01.23). Умением радоваться обыденному и открывать в повседневном существовании высший смысл отличается поэзия Алёны Рычковой-Закаблуквской. Этот витальный импульс ее творчества описан в исследовании Н.М. Кузьмищевой, где автор замечает: «Мы же знакомимся с поэзией, исполненной витальной энергии “жизнеутверждения”, “жизнеблагодарения”, “жизнетворчества”» [Кузьмищева, 2022, с. 208]. «Витальность поэзии — не художественное направление со своей программой, а особая ценностная направленность <...> это признание срединного положения человека в мире (между тварным и Творцом), мужественное исследование, радостное открытие, развитие в себе просветленно-животворящего начала...» [Плеханова, 2012, с. 142, 150]. Витальная поэзия Алёны Рычковой-Закаблуквской представляет жизнь как сопротивление смерти:

*белёная печи мерцает глина¹
здесь говоришь и дышишь невпопад
здесь в такт молчать подсудно и повинно
и видеть как плывёт неопалимо
по известковой наледи закат
и что такое деется в миру
ломается в хребте его старинном
пока ты здесь созвучная перу
отсчитывая мерно половину
закатных дней в пустой глубинке тесной
плетёшь своё простое не умру
как паутину тонкую над бездной
прилежно носишь щепки и кору
для золотого пламени печного
и отпускаешь жертвенное слово
в ночного неба чёрную дыру*

(Про свет. Белёная печи мерцает глина. 2021. С. 29).

¹ Рычкова-Закаблуквская А.С. Про свет: стихи. Иркутск: Изд-во «Востсибкнига», 2021. 104 с. В круглых скобках указаны название сборника, заглавие стихотворения и страница цитирования. В текстах стихотворений сохранена авторская пунктуация.

Печь — образ мира, соединяющий в себе множество коннотаций. Она символизирует дом как осмысленно-одушевленное пространство-время протекания человеческой жизни, сакральную середину мира, в которой бесконечно и неуничтожимо длится процесс творения (*мерцающее золотое пламя печи*) и архетип материнского рождающего (*жертвенное слово*) и одновременно смертоносного начала (*пожирающая черная дыра*). Сюжет стихотворения — самопознание творческого «я» в этом мире (абсолютный антропоцентризм поддержан глагольным рядом: *говоришь, дышишь, молчать, видеть, отсчитывая, плетёшь, не умру, носишь, отпускаешь*). Самоопределение открывается через волю к сопротивлению смерти и поиск оснований для духовного существования здесь и сейчас: *«плетёшь своё простое не умру / как паутину тонкую над бездной / прилежно носишь щепки и кору / для золотого пламени печного / и отпускаешь жертвенное слово / в ночно-го неба чёрную дыру»*.

Время самопознания, как кажется, более всего отражает ритмическая сторона данного поэтического текста. Так, живая подвижная рифмовка стиха задается мягкой неточной женской рифмой (*глина / повинно / неопалимо / старинном / половину; тесной / бездной; печного / слова*), которая «подсекается» чеканной, режущей мужской (*невпазд / закат; в миру / перу / не умру / кору / дыру*). Важно, что рифма, замыкающая весь поэтический текст, — тоже мужская. Она придает пиририхированному пятистопному ямбу, которым написано стихотворение, еще большую упругость и энергичность. Таким образом, ритм представляет смысловую оппозицию вольности, расслабленности самой жизни и непреклонной твердой воли поэта, противостоящей энергии разложения.

Парадокс в том, что поэзия, открытая витальным силам жизни, в то же самое время демонстрирует отчужденность и автономность как ценностные основания своего существования, что также подтверждается на разных уровнях текста. Например, словоупотребление «в миру» запускает ассоциацию с монашеской, закрытой формой существования лирического субъекта, а строчки *«отсчитывая мерно половину / закатных дней в пустой глубинке тесной»* не только на смысловом, но и на ритмическом уровне демонстрируют обособленность. Так, последний приведенный стих является случаем чистой силлабо-тоники, где четкая, метрически выверенная (без пиририхив) строка становится показателем императивности как созвучности перу.

Что происходит, когда поэзия, построенная на «сугубо индивидуальной хроносенсорике» [Плеханова, 2012, с. 144], занимает активную об-

щественную позицию? Как реагирует витальная поэзия, чьими значимыми ценностями являются самодостаточность и стабильность, на разрушающуюся реальность и что может противопоставить ей?

Методы и материалы исследования

Объектом настоящего исследования стали 13 стихотворений Алёны Рычковой-Закаблуковской, опубликованные на сайте stih.ru 24 февраля 2023 г. в рубрике «Циклы» под общим названием «Хронологическое». Одной из художественных особенностей цикла является апелляция к широко известным в культуре текстам. В работе Е.А. Нахимовой «Прецедентные имена в массовой коммуникации» говорится о построении текста, в котором «присутствует значительное количество прецедентных феноменов» [Нахимова, 2007, с. 136]. Эти претексты, считает исследователь, образуют специфическую систему, способствующую восприятию исходного текста, а в нашем случае цикла как единого целого. Об объединяющей функции прецедентных произведений, которые являются проявлением интертекстуальных связей текста, пишет и Н.А. Фатеева в монографии «Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов» [Фатеева, 2000]. В этой же работе процесс интертекстуализации рассмотрен с точки зрения диалогичности как соприсутствия в одном тексте нескольких субъектов речи или нескольких голосов. Следовательно, проблему межтекстового взаимодействия в рамках цикла можно рассмотреть через бахтинскую теорию диалогизма в ее связи с теорией интертекстуальности. Наряду с понятием «полифонизм» Н.А. Фатеева предлагает использовать «музыкальный» термин — контрапункт, релевантный бахтинскому, но акцентирующий проблему организации временных планов художественного целого. Известно, что контрапункт — это сочетание двух и более самостоятельных мелодий в разных голосах.

Таким образом, учитывая природу поэтической циклизации, формирующую особое взаимодействие составляющих ее произведений, а также наличие значительного количества прецедентных феноменов, «Хронологическое» представляется динамическим взаимоотношением различных голосов, создающих единое полифоническое произведение.

В данной статье мы попытались рассмотреть контрапункт как ведущий (объединяющий) принцип организации всего цикла Алёны Рычковой-Закаблуковской «Хронологическое». Цель исследования — описать мелодии-голоса (образы, мотивы, темы, сюжеты), по которым развивается цикл, и определить характер их взаимодействия, позволяющий 13 стихотворениям звучать как единое целое. Методологиче-

ской базой исследования стали семиоэстетический метод анализа поэтического текста [Тюпа, 2001), литературоведческий метод интертекстуального анализа [Фатеева, 2000].

Результаты исследования и обсуждение

Дата публикации цикла — знаменательная: годовщина событий в Украине. Название — говорящее. «Хронологическое»² — значит, основанное на последовательном расположении событий во времени. Заметим, что в Интернете автор активно выкладывает свои произведения. Как правило, это последнее из написанного, самые свежие стихи, которые чередуются с текстами, опубликованными ранее. Очевидно, что выбор стихотворений обусловлен состоянием резонанса поэта с миром. Анализируемый цикл — непосредственный отклик на реальные исторические события. Его стихи представляют образец гражданской поэзии, которая с оживлением истории снова получила актуальное звучание. Цель — осознать происходящее, противопоставить поэтическое слово миру, утратившему равновесие, как бы пересоздать его словом.

Главная тема цикла — личное переживание всеобщего исторического времени, которое осмысливается как катастрофа, имеющая эпические масштабы. Ее размах выражен архетипическими образами, мотивами, сюжетами, а также апелляцией к прецедентным текстам. Ю. Н. Караулов определяет прецедентные тексты как «значимые для той или иной личности, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников» [Караулов, 1987, с. 216].

Общее поле претекстов в цикле Алёны Рычковой-Закаблукской «Хронологическое» очерчено «Мыслями» Блеза Паскаля («Поэзия утратила язык...»), древнегреческим мифом об Ахилле («Не сон, но явь...»), священными текстами Ветхого («Поэзия утратила язык...», «Не сон, но явь...», «Сердце как крышка по самую кромку...») и Нового Заветов Библии («Пришли волхвы и принесли дары...»), русскими народными сказками «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка» («Братец Иванушка...») и «Финист ясный сокол» («Какой теперь бесчинствует недуг...»), «Словом о полку Игореве» («Если сыну не дано родиться...»), «Страшной местию» Н.В. Гоголя («Мы с тобою доживём быть может...»). Авторитетность представленных прецедентных текстов безусловна. Опора на них, с одной стороны, позволяет автору устанавливать диалог

² Здесь и далее ссылки даны на источник: Рычкова-Закаблукская А. Хронологическое. Электронный ресурс <https://stihi.ru/2023/02/24/2202>

с читателем, апеллируя к общей культурной памяти. С другой стороны, в ситуации потерянности эталонные произведения помогают прояснить происходящее, вводя события «в широкий “ментальный контекст” ... эпохи» [Караулов, 1987, с. 230].

В представленном поэтическом цикле слышатся две главные самостоятельные мелодии — эпическая (изображение актуальных исторических событий) и лирическая (определение человеческой и творческой миссии говорящего, поиск своего места в новых временных реалиях).

Происходящие общественные перемены (эпическая линия), как отмечалось выше, имеют образ глобального сдвига, «недуга», «бреда», «кары». Образно-мотивный ряд стихотворений в этом случае настойчиво вращается вокруг одной темы — двойственной природы человека, в которой и усматривается источник катастроф. В первом же тексте «Поэзия утратила язык...» скрещиваются два голоса из совершенно разных художественных систем, касающихся природы человека: высказывание Блеза Паскаля (Блез Паскаль) и строчки из 90 Псалма Давида (Псалом 90), о человеке, одолеваемом грехами: «*поэзия утратила язык / бросай её на что тебе калека / она не воскрешает человека / она абстрактно мыслящий тростник / без всяческой привязки к существу / по локотки в земле своей увязшем / ночного страха и стрелы летящей / не боясь собаку на ветру / несущего как жизнь несут в горсти*» (Хронологическое. Поэзия утратила язык...). Очевидно, что для поэзии слово остается главным орудием борьбы со смертью. Однако в сложившейся исторической ситуации речь идет не только и не столько о духовном преображении человека, сколько о его физическом воскрешении, в котором поэзия оказывается бессильной.

Отчетливая аллюзия на «мыслящий тростник» Блеза Паскаля объединяет в своей семантике иронию по поводу современного человека и самоиронию, связанную с поэзией: *тростник — человек и тростник — символ поэзии* (курсив наш. — О. М.), отчужденной от действительного участия в жизни. Определение сути земного человеческого существования коррелирует со строчками из священных поэтических текстов Псалтири (стихом 90 Псалма): «*Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем...*» (Псалом 90) — человек, одолеваемый бесами и пороками под покровом ночи и днем. Лейтмотивом стихотворения становится образ ноши или тяжести (*бросай; не воскрешает; в земле своей увязшем; несущего; несут; ноша; невесома; подними же; неси*), преодолеваемой субъектом речи в финале стихотворения: «*да будет ноша эта невесома / так подними же / подними же слово / неси*». Так от от-

чаяния лирический субъект приходит к убеждению — необходимости сопротивляться разрушительному хаосу словом.

Псалтирь — одна из поэтических книг Ветхого Завета, причисляемая к разряду учительных. Она состоит из 150 (151) псалмов, или песней, различных по содержанию. Псалтирь соединяет в себе для верующего человека приятное с полезным: псалмами услаждали тяжелые часы и воодушевляли себя на мужественное перенесение невзгод; псалмы служили приятным развлечением и назиданием одновременно. Получается, что Псалтирь — произведение словесного творчества, которое объединяет лирическое начало (древняя акцентная поэзия, представляющая прямой диалог псалмопевца и Бога), эпическое (включение единичной человеческой судьбы в грандиозный бытийный контекст) и нравоучительное (определенность этических ориентиров).

Как кажется, эти тенденции — магистральные, проявляющиеся на идейно-содержательном и формальном уровнях всего цикла Алёны Рычковой-Закаблуковской. Приведенное стихотворение — призыв и самоопределение. Оно вводит тему ответственности перед поэзией как крайне важную, задает тон всему циклу, поэтому звучит как эпиграф. О значимости этого текста свидетельствует тот факт, что в журнале «Сибирские огни» (2022. № 3) под общим названием «Вопреки беде» публикуются 9 стихотворений, объединенных той же (военной) тематикой, и 7 из 9 — это стихотворения разбираемого цикла «Хронологическое». В этой журнальной подборке анализируемое поэтическое произведение тоже находится в композиционно сильной позиции — заключительной.

Мотив слабости и уязвимости человеческого существа, выявленный в анализе первого стихотворения цикла, подхватывается и развивается в тексте «Не сон, но явь...»: «... *на острове Комодо / Извечную сущая темноту, / Варан берет ребенка за пята. / ... / И вот один до втра отошел, / Между камней пристроился по-птичьи. / Мерцало тело хрупкостью яичной. / Варан узрел, что это хорошо*» (Хронологическое. Не сон, но явь...). Совмещенные посредством аллюзий временные планы, когда языческий (Ахиллесова пята) и библейский (искушение Змею) мифы актуализированы в настоящем (остров Комодо, отличающийся огромными варанами), свидетельствуют об универсальности исторического сценария, вписанного в архетипический контекст вечности (см. мифологемы: *ребенок, змей, яйцо, молоко*).

Закономерным продолжением эпической линии становится опора на претекст русской народной сказки «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка», звучащей в стихотворении «Братец Иванушка...» (Хро-

нологическое). Так не только поддерживается тема нарушения запрета, человеческой податливости искушению (жажда), но и дается национальная идентификация смыслообразам истории: *«братец Иванушка / бел пострел / что ж ты не слушал сестрицу / братец Иванушка как ты посмел / дать ему крови напиток / жаден до крови теперь божок / он беспощадный трубит в рожок...»* (Хронологическое. Братец Иванушка...). Здесь главная «мелодия», связанная с вечным противостоянием человека злу, получает новый «обертон»: звучит тема общей судьбы и родовой вины. Вообще, формально-содержательная структура цикла выражает родовое сознание: образы брата, сестры, сына, матери, отца, дитя; опора на национальный фольклор и произведения национальной литературы; субъектная композиция, основанная на таких способах авторского присутствия, как лирический повествователь, лирическое «мы», и скрытых (обращенный монолог) косвенных формах лирического «я».

Упадок семейно-родовых отношений в новых исторических условиях художественно реализуется через мотив разъединенности людей, деление на своих и чужих, правых и левых: *«какой теперь бесчинствует недуг / что прошлое срывается из рук / дешевой запонкой блестящей / что ты искал не вспомнишь не обрящешь / и друг нарошный иже ворог зряшный / берут тебя на мушку на испуг / на карандаш / ты наш или не наш / а ты ничей / вчерашний книгочей и букинист / и финист ясный сокол»* (Хронологическое. Братец Иванушка...). Финист ясный сокол — зооантропоморфный герой-первопредок, символизирующий единство родовой памяти, которая обеспечивает связь каждого члена семьи и всех когда-либо существовавших поколений. В новых исторически сложившихся обстоятельствах законы родовой памяти нивелируются. Скрытый мотив разобщенности присутствует и в стихотворении, отсылающем к «Слову о полку Игореве» («Если сыну не дано родиться...»). Но особенно остро звучит эта тема в стихотворении «Мы с тобою доживём быть может...».

Этот поэтический текст является точкой сопряжения упомянутых выше тем и мотивов общей эпической линии: *«мы с тобою доживём быть может / до её бесславного конца / и увидим как сдирают кожу / мертвецы с живого мертвеца / у любой эпохи путь конечен / и глумится тьма перед началом / страшна твоя кара человеку / стыть века с опущенным забралом...»* (Хронологическое. Мы с тобою доживём быть может...). Устрашающие картины последствий человеческих деяний варьируются на протяжении всего цикла, выполняя назидательную функцию. Однако в данном стихотворении конструктивным, тек-

сто- и смыслопорождающим значением обладает интертекстуальная связь с повестью Н.В. Гоголя «Страшная месть», откуда и взяты сцены наказания, на что указывают сюжетные совпадения и аллюзии. Так, у Гоголя: «*То в безвыходной пропасти, которой не видел еще не один человек, страшющийся проходить мимо, мертвецы грызут мертвеца* (выделено нами. — **О. М.**)» (Н.В. Гоголь. 1984. С. 233), и у А. Рычковой-Закаблуковской: «*над стремниной где вздымая руки / ... / в смертных корчах / в неизбывной муке / мертвецы глодают мертвеца* (выделено нами. — **О. М.**)». А также: «Страшна казнь, тобою выдуманная, человече!» — сказал Бог (Н.В. Гоголь. 1984. С. 236), и «*страшна твоя кара человеку / стыть века с опущенным забралом...*» (Хронологическое. Мы с тобою доживём быть может...).

Притчевая природа гоголевского текста, где в последней главе дается история двух названных братьев Ивана и Петро, запускает сюжет библейского близнечного мифа о Каине и Авеле. Писатель переосмысливает первое в истории человечества убийство, наказывая не только убийцу (Петро), но и жертву (Ивана), придумавшего на Божьем суде страшную месть предателю-брату. В глазах Господа тот, кто нарушает главную Евангельскую заповедь о всепрощении, отрицает сами основы духовной жизни — любовь к Богу и человеку. Таким образом, опора на гоголевский претекст помогает проявить причину и сущность происходящих глобальных исторических событий — это отсутствие (нехватка) любви в человеке.

Так история в цикле получает религиозно-нравственное освещение. Вариацией и развитием этой темы является стихотворение «Пришли волхвы и принесли дары...» (Хронологическое): «*пришли волхвы и принесли дары / когда возшла звезда над усть-балеем / господь сказал всё будет иудея / я никого из вас не пожалею / пока вокруг смещаются миры...*». Рождество Христово проецируется на настоящее не только как сюжет, повторяющийся с приходом в мир каждого нового человека, но и как длящийся момент перехода от страха (Ветхий Завет) в человеческих сердцах к обретению любви и прощения (Новый Завет). Временная композиция текста (семиоэстетический анализ В.Я. Тюпы) подтверждает на формальном уровне идею незавершенности этого процесса, который в глобальных исторических масштабах оборачивается войнами и братоубийственными конфликтами: «*господь сказал а после будет рай / ... / ты только ничего не возжелай / ... / чужой судьбы не возжелай сынок / а всё иное мы переболеем / и горсть за горстью сыпался песок / в разверстый рот земли под усть-балеем*» (Хронологическое. Пришли волхвы и принесли дары...).

Итак, в цикле стихов Алёны Рычковой-Закаблуконской «Хронологическое» современные военные события вставлены в глобальный ход истории через известные эпические образы и сюжеты. Война ужасна, но органична человеческому миру, испытывающему недостаток любви и веры. Повторяемость архетипического сюжета о Каине и Авеле — показатель духовной незрелости современного человека (именно поэтому в цикле множество устрашающих картин, имеющих явно назидательную функцию). Такова основная (эпическая) тема, связанная с осмыслением исторических событий.

Если говорить о сопряженности эпической и лирической линий в цикле, то очевидно, что вторая, связанная с личным поиском своего места в «новом» мире, обрамляет первую, как бы опекает ее.

Основной формой авторского присутствия в цикле является лирическое «я», которое отражает мир сквозь призму собственного восприятия. В исторически сложившихся реалиях субъект речи осознает себя прежде всего частью «мы», не отделяет свою судьбу от общей. Подтверждением этому являются косвенные формы проявления «я» в текстах и наличие таких форм субъектных отношений, как лирическое «мы» и повествователь. Однако при нивелировании «я», его желании раствориться во всеобщем и объективировать изображаемое (всезнающий автор, отсюда отсутствие медитации), все-таки тема определения своей человеческой и творческой позиции звучит отчетливо.

Чувства, которые испытывает лирический субъект и которыми пронизана лирическая тема, — это боль и отчаяние. Кстати, весь цикл — попытка преодолеть или успокоить, утишить их. Утрата «своего» времени («невывлаканная кража»), пустота («с дырой в груди»), отсутствие поэтического голоса («живи теперь над этой немотой»), несвобода («телом на ветру окаменелом») — вот так описывается состояние говорящего.

При скрытой форме лирической субъектности тема самоопределения — ведущая. В поэтическом тексте «Поэзия утратила язык...» (Хронологическое) субъект речи, произнося молитвенные слова 90-го псалма Давидова («ночного страха и стрелы летящей / не убоясь...»), не только совершает сакральный акт защиты любого участника глобальных перемен (войн, сражений), но и заговаривает самое себя на укрепление веры. Лирическая медитация подменяется утвердительными, эпическими, учительными формами речи Псалтири, помогающими говорящему справиться с грехом отчаяния: «поэзия утратила язык / бросай её на что тебе калека / <...> / да будет ноша эта невесома / так подними же / подними же слово / неси». Как известно, с древ-

них времен на Руси практиковалась традиция носить пояски или вшивать в одежду воинам текст 90-го псалма, который считался воодушевляющим, спасающим, оберегающим. В этом стихотворении лирическая и эпическая темы сливаются в единый голос: в кульминации звучит императив личной и творческой ответственности за происходящее.

Повторяющимся образом в стихотворениях цикла является образ ребенка. Он несет не только архетипическое значение, но и становится метафорой отношения лирического субъекта к современному человеку. Например, во внешне безличном повествовании стихотворения «Не сон но явь» (Хронологическое) читательское восприятие формируется посредством выразительных средств, связанных семантикой беззащитности (*безмятежные, молочный, пристроился по-птичьи, хрупкостью яичной*), что вызывает чувство жалости и желания опеки. Отеческий тон с интонациями учительства и снисхождения подхватывается лирическим «я» в обращении: «*братец Иванушка / бел пострел / что ж ты не слушал сестрицу*» и «*выйди Алёнушка на бережок / смажь ему млеком губы*». Молоко — символ спасения, изобилия и материнства. Опора на текст известной русской сказки постулирует субъекта речи через материнский архетип. Учитывая, что имя самой поэтессы Алёна, последние строчки стихотворения становятся выражением человеческой и творческой миссии поэта, которая определяется как защита и спасение близкого.

Отсылка к самому пронзительному эпизоду «Слова о полку Игореве» — плачу Ярославны органично продолжает общую лирическую мелодию цикла: «*Если сыну не дано родиться / Стало быть ему не умирать. / Стало быть подстреленною птицей / Над Каялом мне не куковать. / Стало быть не попрошу о многом / Горькою молитвою своей. / Преломи им на пороге ноги — / Сохрани от морока детей*». Голос лирического «я» в этом стихотворении благодаря претексту получает символическое значение горюющей женщины-матери, которая закликает своих детей от греха братоубийства: «*Чтобы после жизни, как скрижали, / Камни их вещали на веку: / Хлеб растили и детей рожали. / И ни слова больше о полку*» (Хронологическое. Если сыну не дано родиться...).

Мольба Ярославны перекликается со стихотворением-молитвой «Мужчины те, что мне принадлежат...», имеющем трагическую ноту, несмотря на то что перед нами молитвенные слова благодарности Богу: «*Мужчины те, что мне принадлежат, / В сырой земле который год лежат /... / Я говорю: о милосердный Боже, / Какое счастье — их не потревожить. / И не поднять. / Никто их не отправит убивать. / Никто из них не будет уничтожен. / ... / Благодарю тебя за волю свыше. За то,*

*что не дал видеть им и слышать. / За то, что Ты остановил их время.
/ Не возложил на плечи бремя / Проклятья до седьмых колен»* (Хроно-
логическое. Мужчины те, что мне принадлежат...).

Но сердцевинной лирической темы цикла является стихотворение «Сердце как крынка по самую кромку...», где четкий ритм системного дактиля отражает биение сердца: *«Сердце как крынка по самую кромку / полнится светом вмещает ребенка / и поднимается как на опаре — / всяческой твари вмещая по паре / и от того не становится уже / даже вместив постороннего мужа / вместе с женою детьми и собаками / всем беспричинно стучит одинаково / всем раздаётся легко и шутя / пей мя и ешь мя / хватайся дитя»* (Хронологическое. Сердце как крынка по самую кромку...). Предметный мир этого поэтического текста формируется образами трех тематических групп: сердце (употр. 3 раза), которое ассоциируется с пространственными объектами, обозначающими место, вместилище (*крынка, кромка, край, стенки, Рай*); то, чем заполняется пространство (*свет, ребенок, опара, твари, муж, жена, дети, собаки, дитя*) и время (*времён, современник, годин*). Глагольный ряд работает на образ сердца-вместилища (*полнится, вмещает, поднимается как на опаре, вмещая, не становится уже, вместив, хватайся, помещаю, укрепись*), а слова, характеризующие его, связаны семантикой открытости, полноты, иррациональности (*всяческой, постороннего, беспричинно, одинаково, легко, шутя, по самую*). Недаром возникает сравнение с утраченным раем.

Не только образно-сюжетный ряд, но и стилистический уровень текста (*всяческой твари вмещая по паре*) отсылает к библейскому сюжету о Ноевом ковчеге. Мифологемой потопа характеризуется историческое время, сердце поэта — символ жертвенной исцеляющей любви, спасительный корабль в смертельных водах. Строчки *«пей мя и ешь мя / хватайся дитя»*, выделенные употреблением устаревшей грамматической формы местоимения «меня», указывают на одно из главных событий новозаветной истории — Тайной вечери, когда было установлено таинство Евхаристии (Причастия), сакрального вкушения тела и крови Господа.

Сердце — ритмический орган, поэтому ритм стихотворения можно считать надежным поводырем в сферу смысла. Так, стихи: *«пленник невольный времен / современник темных годин / я тебя помещаю»* — нарушают ритмическую инерцию четкого метрического дактиля, акцентируя прямое обращение лирического субъекта к современнику-читателю и действие, направленное на него. Именно в этом эпизоде появляется лирическое «я», растворенное изначально в безличном по-

вествовании. Рифма и силлабический ритм тоже «сбиваются» в этих строчках. Этот ритмический сбой как удары сердца, учащающиеся или замедляющиеся при сильных эмоциональных переживаниях.

Итак, лирический голос цикла отмечен эмоционально тяжелым настроением отчаяния, преодолением которого становится страдательно-искупительная любовь. Алёнушка, Ярославна, Финист ясный сокол, Ной, Христос — образы-голоса спасительной материнской (жертвенной) любви, с которыми ассоциируется лирический субъект.

Заключение

Поэтический цикл Алёны Рычковой-Закаблуковской «Хронологическое» — это честный и мужественный поступок человека и поэта, искренне откликнувшегося на глобальные исторические перемены. Витальная поэзия, беря на себя функцию гражданской, удивительным образом сочетает однозначность этических оценок, определенность социального контекста (война), ясность смысла, адресность, императивность и эмоциональную неустойчивость лирического «я», поиск оснований личного и творческого существования. Форма цикла, как кажется, органично отвечает такому противоречивому содержанию.

«Хронологическое» — это цельное единое произведение, состоящее из 13 стихотворений. Две относительно самостоятельные и параллельно текущие во времени линии — эпическая, связанная с изображением исторических событий, и лирическая, относящаяся к переживанию-осознанию своего «я», формируют текст всего цикла. Эти линии переплетаются, усиливают друг друга, расходятся или звучат в унисон, совмещаясь в определенных фазах. Включение голосов из других отдаленных по времени художественных систем (посредством прецедентных текстов) нарушает линейное течение времени, заставляя читателя и автора существовать одновременно на разных временных срезах. Так совершается выход из однонаправленного необратимого временного потока, так «хронологическое» трансформируется во вневременное. Таким образом, поэтический цикл Алёны Рычковой-Закаблуковской становится актом преодоления времени, а значит, и символическим актом преодоления смерти.

Библиографический список

Барковская Н.В. Типы повествования и их анализ // Филологический класс. 2004. № 1 (11). Электронный ресурс <https://filclass.ru/archive/2004/1-11/tipy-повestvovaniya-i-ikh-analiz>

Еремеев А.Э. Роль библейского мифа в становлении нравственно-философских исканий раннего Н.В. Гоголя (Страшная месть). Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-bibleyskogo-mifa-v-stanovlenii-nravstvenno-filosofskih-iskaniy-rannego-n-v-gogolya-strashnaya-mest/viewer>

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.

Кузьмищева Н.М. Витальность поэзии Алёны Рыковой-Закаблукской (на примере сборника стихов «Птица сороказим») // Литература Сибири в социокультурном пространстве : материалы Всероссийской (с международным участием) конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Василия Прокопьевича Трушкина. Иркутск, 2022. С. 208-233. Электронный ресурс https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48553704_31598794.pdf

Назарова Р.З., Золотарев М.В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsendentnye-fenomeny-problemy-definitcii-i-klassifikatsii-pretsedentnyh-fenomenov/viewer>

Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т; Ин-т социального образования, 2007. 207 с.

Плеханова И.И. О витальности новейшей поэзии: Андрей Родионов, Вера Павлова, Мария Степанова, Вера Полозкова : монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 153 с.

Трушкина А.В. Увидеть свет Твой... // Сибирские огни. 2020. № 6. Электронный ресурс <https://www.sibogni.ru/content/uvidet-svet-tvoy>

Тюпа В.И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М.: Лабиринт, 2001. 192 с.

Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.

Список источников

Блез Паскаль. Мыслящий тростник: наше достоинство — не в овладении пространством, а в умении здраво мыслить // Мысли. 1669. Электронный ресурс <https://iphlib.ru/library/collection/antology/document/HASH0129eccae3ffd40001c5415e>

Гоголь Н.В. Страшная месть // Собр. соч.: в 8 т. М.: Изд-во «Правда», 1984. Т. 1. С. 198–237.

Михеева С. Рычкова-Закаблуковская А. Тяготение к свободным пространствам: иркутский поэт Алёна Рычкова-Закаблуковская (о том, как семейные легенды создают поэта и что поэту с этим делать) беседа. МК-Байкал. 2023. 24 января. Электронный ресурс <https://baikal.mk.ru/culture/2023/01/24/tyagotenie-k-svobodnym-prostranstvam-irkutskiy-poet-alena-rychkovazakablukovskaya.html>

Псалом 90. Электронный ресурс https://azbyka.ru/otechnik/Palladij_Ryankov/tolkovanie-na-psalmy/90

Рычкова-Закаблуковская А.С. Про свет: стихи. Иркутск: Изд-во «Востсибкнига», 2021. 104 с.

Рычкова-Закаблуковская А. Хронологическое. 2023. Электронный ресурс <https://stihi.ru/2023/02/24/2202>

References

Barkovskaya N.V. Types of Narrative and Their Analysis. *Filologicheskij klass* = Philological class, 2004, no. 1 (11). Retrieved from: <https://filclass.ru/archive/2004/1-11/tipy-povestvovaniya-i-ikh-analiz> (In Russian).

Eremeev A.E. The role of the biblical myth in the development of the moral and philosophical quests of the early N.V. Gogol (Terrible Vengeance). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-bibleyskogo-mifav-stanovlenii-nravstvenno-filosofskih-iskaniy-rannego-n-v-gogolya-strashnaya-mest/viewer> (In Russian).

Fateeva N.A. Counterpoint of intertextuality, or Intertext in the world of texts, Moscow, 2000, 280 p. (In Russian).

Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality, Moscow, 1987, 261 p. (In Russian).

Kuz'mishcheva N.M. Vitality of the poetry of Alena Rykova-Zakablukovskaya (based on the collection of poems "The Sorokazim Bird"). *Literatura Sibiri v sotsiokul'turnom prostranstve*. = Literature of Siberia in the socio-cultural space: materials of the All-Russian (with international participation) conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Vasily Prokopyevich Trushkin, Irkutsk, 2022, pp. 208–233. Retrieved from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48553704_31598794.pdf (In Russian).

Nakhimova E.A. Precedent names in mass communication: monograph, Ekaterinburg, 2007, 207 p. (In Russian).

Nazarova R.Z., Zolotarev M.V. Precedent Phenomena: Problems of Definition and Classification of Precedent Phenomena. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-fenomeny-problemy-definitsii-i-klassifikatsii-pretsedentnyh-fenomenov/viewer> (In Russian).

Plekhanova I.I. On the vitality of modern poetry: Andrei Rodionov, Vera Pavlova, Maria Stepanova, Vera Polozkova: monograph, Irkutsk, 2012, 153 p. (In Russian).

Trushkina A.V. To see Your light... *Sibirskie ogni* = Siberian Flames, 2020, no. 6. Retrieved from: <https://www.sibogni.ru/content/uvidet-svet-voy> (In Russian).

Tyupa V.I. Analytics of Art (Introduction to Literary Analysis), Moscow, 2001, 192 p. (In Russian).

List of Sources

Blez Paskal'. "The Thinking Reed: Our Dignity Is Not in the Mastery of Space, but in the Ability to Think Soundly". *Mysli* = Thoughts. 1669. Retrieved from: <https://iphlib.ru/library/collection/antology/document/HASH0129eccae3ffd40001c5415e> (In Russian).

Gogol' N. Terrible revenge. *Sobranie sochineniy v vosmi tomakh* = Collected Works in Eight Volumes, vol. 1, Moscow, 1984, pp. 198-237. (In Russian).

Mikheeva S. Rychkova-Zakablukovskaya A. Gravitation to free spaces: Irkutsk poet Alena Rychkova-Zakablukovskaya (about how family legends create a poet and what a poet should do with it), *MK-Baykal*, 2023, January 24. Retrieved from: <https://baikal.mk.ru/culture/2023/01/24/tyagotenie-k-svobodnym-prostranstvam-irkutskiy-poet-alena-rychkovazakablukovskaya.html> (In Russian).

Psalom 90. Retrieved from: https://azbyka.ru/otechnik/Palladij_Pyankov/tolkovanie-na-psalmy/90 (In Russian).

Rychkova-Zakablukovskaya A. Chronological. Retrieved from: <https://stihi.ru/2023/02/24/2202> (In Russian)

Rychkova-Zakablukovskaya A.S. Pro svet : poems, Irkutsk, 2021, 104 p. (In Russian).

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ТОПОНИМЫ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ В УЧЕБНИКАХ ПО РКИ: АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ КУРС

С.В. Беликов

Ключевые слова: топонимы, лингвострановедение, аудиовизуальный курс, русский язык как иностранный

Keywords: toponyms, language and culture studies, audiovisual course, Russian as a foreign language

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)2-11](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)2-11)

Введение
Имена собственные обладают богатым лингвострановедческим и лингвокультурным потенциалом, поэтому при обучении русскому языку как иностранному следует уделять особое внимание презентации ономастического материала. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров в труде «Язык и культура» утверждают, что «ономастическая лексика ... наделена яркой национально-культурной семантикой, ее групповое и индивидуальное значение прямо производно от истории и культуры народа — носителя языка. Национально-культурный компонент свойствен всем именам собственным» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 57-59].

В 2013–2018 гг. в китайском обществе открыто заговорили о недостатках в преподавании иностранных языков, в том числе и русского языка. В Министерстве образования КНР прошли совещания с ректорами гуманитарных вузов страны о выработке новых стратегий и программ. В экспериментальном режиме Даляньский университет стал осуществлять подготовку по модели «Русский язык + Политическая лингвистика», Хэйлунцзянский университет осваивает модель «Русский язык + Регионоведение», а Нанькайский университет проводит подготовку по модели «Русский язык + Творческая специальность». Появились публикации о состоянии образования в высшей школе. Одной из первых была статья Ян Кэ «К вопросу о включении информации о китайской культуре в содержание обучения русскому языку в китайских вузах» [Ян Кэ, 2014].

В 2020 г. в Китае прошла государственная реформа образовательных стандартов в области иностранного языка¹. В научно-образовательном пространстве Китая приоритетной стала концепция обучения иностранным языкам в контексте диалога культур. Новые учебные программы, в частности по РКИ, создаются на **принципе учета национального культурного компонента**, а содержание учебно-методических пособий нового типа включает *не только задания по русскому языку как иностранному, но и материалы по родной (китайской) культуре* — соответственно на русском языке, что в целом способствует повышению уровня владения русским языком.

Об устойчивом интересе к внедрению национального компонента в процесс преподавания русского языка свидетельствуют современные работы китайских русистов. Так, например, ученые из пекинских университетов Ван Цзунху и Ван Хаоин предлагают углубленное изучение русской лингвокультуры в китайских вузах, расширив представление о русской литературе, русской истории, русском искусстве. «Понимание важности знаний культуры, менталитета и образа мышления друг друга послужило выдвиганию на первый план концепции обучения русскому языку через призму межкультурной коммуникации <...> в фундаментальном смысле приобретение специальности русиста сводится не к изучению русского языка как такового, а к постижению самобытного духовного и культурного богатства России через ее язык» [Ван Цзунху, Ван Хаоин, 2022, с. 142]. Лю Хун, ректор Даляньского университета иностранных языков, подчеркнул, что если раньше в обучении РКИ и межкультурной коммуникации был «принцип однонаправленности», т.е. говорить по-русски можно было только о России и русской культуре, то сейчас наметился переход к «принципу двунаправленности» языкового обучения: говорить по-русски нужно и о России, и о Китае; и о русской, и о китайской культурах. Автор акцентирует в своей статье важность формирования у студентов умения рассказывать о Китае на русском языке. Уравнены в статусе тема родины, родного дома и глобального взгляда на мир [Лю Хун 2022, с. 126-131]. Основные идеи большинства работ сводятся к следующему: «подготовка специалистов по русскому языку должна иметь китайскую специфику, т.е. необходимо включить китайский компонент в учебники и учебные пособия, развивающие разные виды речевой деятельности; <...> необходимо развивать межкультурную (лингво-

¹ Государственные стандарты для учебных программ по специальности «Иностранный язык и литература». Шанхай: Образование на иностранных языках, 2020. 158 с. (外国语言文学专业国家教学标准. 上海: 外语教育出版社, 2020.

культурную, социокультурную) компетенцию, которая подразумевает способность говорить о двух культурах, в данном случае — о китайской и русской» [Пак 2024, с. 1332]. В настоящее время преподаватели иностранных языков, включая русистов, ясно осознают необходимость преодоления «афазии китайской культуры», оказывающей негативное влияние на уровень подготовки специалистов по иностранным языкам вообще и на уровень их межкультурной компетенции в особенности. Даже финалисты всекитайского конкурса русского языка не умели правильно выразить мысль о китайской культуре на изучаемом ими русском языке [Ян Кэ, Шарафутдинов 2022, с. 135–136]. Заметим, что во многих китайских университетах предлагаются интегрированные курсы «Аудирование и говорение», «Аудирование и письмо».

Изучая РКИ и, соответственно, страноведение и культуру России, студенты Китая знакомятся с именами собственными: **топонимами** — географическими и геополитическими названиями других стран, материков и континентов, частей света, городов. Ряд исследователей отмечают трудности, с которыми сталкиваются иностранцы на уроках РКИ при работе с ономастическими единицами [Альдингер, 2016; Вострякова, 2015; Головина, 2013]. В связи с этим нами поставлена цель работы — провести обзор топонимов, используемых в учебниках при изучении аудиовизуального курса по РКИ, проследить динамику использования онимов в зависимости от сложности уровня, а также выявить, на что более всего обращают внимание китайские специалисты и что более всего важно в их восприятии, когда они рекомендуют изучение онимов в данных пособиях по аудированию.

Методом сплошной выборки из 9 учебников разного уровня был отобран иллюстративный материал — онимы, которые представлены в данных учебниках по аудиовизуальному курсу. Причем чем больше тексты имеют лингвокультурную и страноведческую информацию, тем больше там онимов — антропонимов, топонимов, эргонимов.

Результаты исследования

1. Учебные издания до реформы образовательных стандартов в области иностранного языка

Объектом исследования было 5 дореформенных учебников.

Рассмотрим имена собственные в учебнике «Русский язык для университета. Аудирование» из трех частей под редакцией Ши Тецянь, который рекомендуется как основной в вузах Китая [Ши Тецянь, 2020].

Распределение онимов в учебнике по мере убывания показало, что они представлены неравномерно: от 36% до 20% составляют топонимы, антропонимы и артионимы (имена собственные (названия) «произведения искусства (живописи, скульптуры, графики, пластики)» [Ахметова, 2020, с. 19]) — около 80% от общего числа онимов, остальные ономастические реалии составляют чуть больше 20%. Результаты сопоставления представлены в таблице 1 и на диаграмме.

Таблица 1

Распределение онимов по разрядам в учебнике Ши Тецянь

Наименования онимов	Всего в разряде (количество)	Всего, в процентах
Топонимы	140	36
Антропонимы	90	23
Артионимы	76	20
Эргонимы	48	12
Другие (единичные) ономастические реалии	36	9
Всего онимов	390 единиц	100

Распределение онимов по разрядам

При обучении аудированию имен собственных на занятиях по РКИ акцентируем то, что в учебнике под редакцией Ши Тецянь обучение прежде всего строится **на основе грамматического принципа**. Внимание учащихся с первых уроков второго семестра направлено на грамматику, прежде всего на **систему падежей и предложно-падежные сочетания**: *Россия — из / до России — к / по России — в / на Россию — с Россией — о / в России*; частотным словом в учебниках по РКИ также является *Москва*, студенты сами по образцу строят предложно-падежные сочетания. Другой принцип обучения направлен на **повторение отдель-**

ных единиц наименований на всех этапах обучения — от элементарного к базовому и продвинутому, что необходимо для закрепления в сознании студента устойчивой лексики и связанной с нею **языковых и национально-культурных ассоциаций** (например, повтор гидронима Байкал, названий некоторых городов, вошедших в Золотое кольцо России, ряда сел, где до сих пор развиваются народные промыслы).

Из разрядов онимов, как видно из таблицы 1 и диаграммы, первое место принадлежит топонимам: географические названия характеризуют огромное пространство России, разделенное на регионы, города, — так создается **российская топонимическая языковая картина мира**. Однако наряду с Россией есть и другие страны, а также континенты / материки, части света. Классификация топонимов подсказана самим материалом учебника, который построен **на принципе сопоставления**: есть *Россия*, а есть и другое пространство — *вне России*, причем количественное распределение российских топонимов и топонимов других стран примерно одинаковое: названия регионов России составляют 17 лексических единиц, а наименования других стран — 18; названия российских городов — 34, а наименования городов других государств + континентов и частей света составляют 25 единиц, что приблизительно равно (см. табл. 2 и 3).

Макротопонимы: географические наименования частей света, континентов, стран, регионов, городов, рек, озер и т.п.

Таблица 2

Распределение топонимов в учебнике Ши Тецянь

Регионы России	Города России	Другие страны / континенты // части света	Города других стран
Часть 1			
<i>Крым; Кавказ; Дальний Восток</i>	<i>Москва; Петербург; Иркутск, Братск; Хабаровск; Сочи, Кисловодск; Ярославль, Суздаль, Кострома, Астрахань, Волгоград; Ногинск; Петрозаводск</i>	<i>Соединенные Штаты; Франция / Африка; Антарктида</i>	<i>Киев, Одесса; Минск; Берлин; Ницца, Париж</i>

Окончание таблицы 2

Регионы России	Города России	Другие страны / континенты // части света	Города других стран
Часть 2			
<i>Русский Север; «Золотое кольцо» России / Древней Руси</i>	<i>Москва, Сергиев Посад, Переславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль, Кострома, Иваново, Суздаль, Владимир; Астрахань; Ростов; Нижний Новгород; Сочи, Адлер</i>	<i>Италия; Китай; США; Великобритания, Германия / Африка; Европа // Восток</i>	<i>Рим; Нью-Йорк, Лос-Анджелес; Джемстаун; Шанхай</i>
Часть 3			
<i>Иркутская область, Бурятия; Север; Кавказ; Вятская область, Ивановская область; Урал Московская область Щёлковский район; Советский Союз Средняя Азия</i>	<i>Москва, Псков, Тверь, Клин; Владивосток; Ленинград; Свердловск; Калуга, Воронеж; Петербург; Пяттигорск; Минеральные Воды, Сочи; Тула; Витебск село Завидово; село Тарханы; село Гжель; слобода Дымково; посёлок Палех</i>	<i>Германия; Кипр, Греция; Испания, Италия; Турция, Египет; Венгрия, Австрия; Америка; Англия, Новая Гвинея; Вьетнам; Чехия, Словакия; Франция; Индонезия; Амазония; Европа, Австралия; // Запад</i>	<i>Нью-Йорк, Париж; Хошимин, Ханой; Лондон, Афины</i>

Всего зафиксировано 112 топонимов, среди которых 16 повторов, 96 новых наименований.

Таблица 3

Другие разряды макротопонимов

Часть 4. Названия водных ресурсов: океаны, моря, реки, озера		
<i>Ока, Волга, Байкал</i>	Байкал <i>озеро Неро (Ростов Великий) бассейн Атлантического океана река Хуанпу (Шанхай)</i>	<i>Каспийское море, Азовское море, Черное море, Белое море, Балтийское море Тихий океан Байкал</i>

В учебном пособии встретилось несколько онимов, относящихся к именам наиболее известных внутригородских объектов, — урбанонимов: улиц, площадей, объектов культуры Москвы, например:

Смоленская площадь, Арбат, Волхонка, Гоголевский бульвар, Большой проспект (Царицыно), улица Чехова; улица Красная Пресня, Лаврушинский переулок (ГТГ), улица Льва Толстого; Садовое кольцо, Новый Арбат, Звездный городок, Большая Садовая улица и др.

2. Учебные издания после реформы образовательных стандартов в области иностранного языка

Из современных учебных пособий по аудированию русского языка наиболее соответствует новым образовательным стандартам коллективный проект Тяньцзиньского педагогического университета и пекинского издательства «Высшее образование» под названием «Два мира — две души», 2022 г. Главным редактором всех четырех книг является Ма Линь, русскими авторами — кандидаты наук, доценты И. Я. Пак и Т. А. Демидова. Особенностью комплекса стала его **ориентация на современные стратегии Китая в области обучения иностранным языкам**.

Авторы комплекса признают, что четыре книги по аудированию связаны с темами учебника «Восток» под редакцией Ши Тецянь, поскольку этот учебник используется на факультетах русского языка в качестве основного. Это создает **принцип преемственности** в отборе лексики и средств языкового выражения: первая и вторая книги рассчитаны на базовый уровень подготовки студентов второго курса, а третья и четвертая книги обращены к студентам третьего курса и рассчитаны в целом на уже продвинутый уровень обучения. Вместе с тем ориентация на основной учебник под редакцией Ши Тецянь способствует **подготовке к китайской системе сертификационного тестирования по русскому языку — как 4-го уровня, так и 8-го уровня**.

Рассмотрим классификацию онимов, представленную в учебнике аудирования из четырех книг «Два мира — две души» под редакцией Ма Линь (Ма Линь, 2022), таблица 4.

Таблица 4

Распределение онимов по разрядам в учебнике Ма Линь

Онимы	Кол-во в разряде	Россия	процент	Китай	процент	Другие страны	процент
Топонимы	188	86	46%	54	29%	48	25%
Антропонимы	116	87	75%	23	20%	6	5%
Артионимы	100	58	58%	42	42%	0	0%
Эргонимы	72	33	46%	37	51%	2	3%
Другие разряды	28	15	54%	13	46%	0	0%
Всего	504	279	55%	169	34%	56	11%

Если проследить наличие топонимического материала в динамике от 1-й книги к 4-й, то можно выделить следующие особенности:

— **1 книга** начинает знакомство с **историческими названиями** России (*Русь*) и Китая (*Поднебесная, Древний Китай*), **географическими номинациями** иностранных государств, частей света / материков, современными названиями некоторых регионов России и Китая, крупных российских городов и китайских, включая столицы, городов других стран; всего представлены 55 единиц топонимов + 5 гидронимов и урбанонимов;

— **2 книга** предполагает **повторение** исторических и географических названий России и Китая, а также **изучение новых номинаций** — российских, китайских и других иноязычных; всего в книге представлены 43 топонима + 5 оронимов и урбанонимов;

— **3 книга** представляет **исторические сведения о названиях** Китая, России и связанных с ней в прошлом государств, сведения о названиях регионов России — исторических и современных, названиях провинций Китая и их административных центров, приводятся сведения о названиях российских малых городов и сел, а также названия других стран и частей света; всего 46 топонимов + по 3 оронима и урбанонима, 6 гидронимов;

— **в 4 книге** наблюдается заметное уменьшение числа онимов: геополитическое название российского (*СССР*) и китайского (*КНР*) государств в XX в.; всего 21 топоним+1 ороним.

Другие разряды топонимов Китая и России (оронимы, гидронимы, урбанонимы) представлены в незначительном количестве — их всего 24 единицы, и половина из них сосредоточена в книге 3.

В процентном отношении топонимы занимают с первой по четвертую книги соответственно 32% (1 книга), 26% (2 книга), 31% (3 книга) и 11% (4 книга). На базовый уровень обучения приходится 58%, на продвинутый — 42%. В целом представлены топонимы с разной частотностью употребления; **наименее употребительны исторические названия регионов и городов России в книге 3.**

Таким образом, можно говорить об изучении на разных этапах обучения 188 топонимов: из них на топонимы России приходится 86 единиц, на топонимы Китая — 54 единицы, топонимы иных стран и континентов насчитывают 48 единиц. Среди них новых номинаций 145, повторяется 43 названия.

Среди топонимов большинство имен собственных представляют собой однословные наименования стран и городов — имена существительные женского рода (*Русь, Поднебесная, Москва*) и мужского (*Китай, Пекин, Санкт-Петербург, Владивосток*). Но ряд названий городов и регионов добавляют в свой состав определение: *Внутренняя Монголия, Восточная Азия, Дальний Восток, Нижний Новгород, Ростов Великий*. Кроме того, в словосочетании с именем собственным может выступать нарицательное существительное: как правило, это историческое наименование формы правления (*Русское царство, Московское княжество, Казанское ханство*) или части государства в прошлом (*Костромская губерния, Троицкая волость*); современное название региона (*Амурская область, Приморский край, Мытищинский район, провинция Хэйлунцзян*). Среди топонимов можно наблюдать аббревиатуры: *КНР, США*.

Распределение онимов по укрупненным топонимическим группам в разных книгах учебника Ма Линь представлено в таблицах 5, 6 и 7.

Таблица 5

Географические наименования стран и материков в учебнике Ма Линь

Россия	Китай	Другие страны	Части света / материка
1 книга			
Русь	Поднебесная Древний Китай	Швеция, Япония, Южная Корея, Корея, Таиланд, Пруссия, Голландия, Германия, Казахстан, страны Средней Азии, страны Южной Азии	Восток, Запад; Америка, Европа; Юго-Восточная Азия; Азия, Африка

Окончание таблицы 5

Россия	Китай	Другие страны	Части света / материка
2 книга			
<i>Русь</i>	<i>Поднебесная</i>	<i>Япония, Франция, Кения, Германия, США, Индия, Казахстан</i>	<i>Америка, Австралия, Азия, Европа</i>
3 книга			
<i>Русь</i> <i>Русское царство</i> <i>Московское княжество</i> <i>Казанское ханство</i> <i>Золотая Орда</i> <i>Волжская Булгария</i>	<i>Поднебесная</i>	<i>Япония, Индия, Непал, Бали / Индонезия, Гавайи / США</i>	<i>Европа, Азия, Юго-Восточная Азия</i>
4 книга			
<i>Советский Союз</i>	<i>КНР</i>	<i>США, Япония, Таджикистан</i>	<i>Европа, Америка</i>

Таблица 6

Наименования регионов и городов России и Китая

Регионы России	Регионы Китая	Города России	Города Китая
1 книга			
<i>Алтай, Башкирия, Приморский край, Тверская область, Якутия</i>	<i>Маньчжурия, Гонконг, Внутренняя Монголия, провинция Хэбэй, провинция Хэйлуцзян, провинция Шаньси, провинция Юньнань</i>	<i>Москва — столица</i> <i>Петербург, Санкт-Петербург, Сочи, Саратов, Нижний Новгород, Воронеж, Владивосток, Калининград, Казань, Тула, Тамбов, Вологда</i>	<i>Пекин — столица,</i> <i>Яньцинь — пригород Пекина, Чжанцзякоу; Шанхай, Циндао; Тяньцзинь, Хоргос.</i> Города других стран <i>Милан, Париж, Хьюстон, Нью-Йорк</i>
2 книга			
<i>Дальний Восток, Алтай, Сибирь, Камчатка, Абхазия, Амурская область, Приморский край, Подмоскowie — Московская область</i>	<i>Провинция Ганьсу, провинция Хэнань, провинция Ляонин, Гонконг, остров Хайнань / «Восточные Гавайи»</i>	<i>Москва</i> <i>Владивосток, Казань, Красноярск, Елабуга, Екатеринбург, Томск, Циолковский (город)</i>	<i>Пекин</i> <i>Ханьчжоу, Лоян, Санья, Гуанчжоу, Ухань, Шанхай, Шэньчжэнь</i>

Окончание таблицы 6

Регионы России	Регионы Китая	Города России	Города Китая
3 книга			
<i>Исторические сведения Костромская губерния, Нижегородская губерния, Воронежская губерния, Троицкая волость, Подмоскowie Мытищинский район Костромская область, Татарстан</i>	<i>Провинция Сычуань, провинция Цзянсу, провинция Гуандун</i>	<i>Казань, Суздаль, Ярославль, Клин, Петербург, Кострома Осташков, Жостово, Хлебниково, Троицкое, Ступино, Великий Устюг, Берендеевка, село Молвитино / деревня Сусанино</i>	<i>Чэнду Наньчан Гуанчжоу</i>
4 книга			
<i>Сибирь, Камчатка Камчатский край Московская область</i>	<i>Провинция Гуандун, провинция Цзянсу, провинция Сычуань</i>	<i>Москва Калининград, Сочи Красное село</i>	<i>Гуанчжоу Цзиндэчжэнь Лэшань</i>

Таблица 7

Распределение редко встречающихся разрядов топонимов

Оронимы России	Оронимы Китая	Гидронимы России	Гидронимы Китая	Урбанонимы России	Урбанонимы Китая
1 книга					
-	-	<i>Волга, Ока</i>	<i>Сунгари</i>	<i>Арбат, Москва-Сити</i>	-
2 книга					
<i>Горы Алтая; Гора Победа (Якутия)</i>	-	-	-	<i>Замоскворечье (исторический район Москвы); «Звездный городок» — район Москвы</i>	<i>Биньхай — район Тяньцзиня</i>

Окончание таблицы 7

Оронимы России	Оронимы Китая	Гидронимы России	Гидронимы Китая	Урбанизмы России	Урбанизмы Китая
3 книга					
<i>Горы Лунхушань;</i> <i>гора Лушань, пик 5 стариков</i>	<i>Озеро Байкал;</i> <i>озеро Кабан (Казань);</i> <i>Волга</i>	<i>Южно-Китайское море;</i> <i>бухты Ялуньвань и Дадунхай,</i>	<i>Центр Москвы проспект Академика М.А. Лаврентьева (Новосибирск)</i>	<i>Тигроферма в Харбине</i>	-
4 книга					
-	<i>Гора Гаолин</i>	-	-	-	-

Итого, в четырех книгах представлено 188 топонимов с разной частотностью употребления; наименее употребительны исторические названия регионов и городов России в 3-й книге.

3. Сертификационное тестирование по РКИ 4-го (китайского) уровня

Это тестирование включает раздел «Аудирование»; в каждом тесте один диалог и три текста, проверяющие 11 позиций. Это типовой тест, и знание имен собственных обязательно для студента, оканчивающего 2-й курс и сдающего экзамен на 4-й сертификационный уровень.

Экзамен по русскому языку в конце второго курса является государственным и сдается китайскими студентами в последнюю субботу мая — это единый для всего Китая тест по русскому языку 4-го, базового, уровня. Успешная сдача экзамена предполагает получение сертификата государственного образца, что является обязательным условием для получения диплома бакалавра.

Для самостоятельной подготовки к «Аудированию» на базовом (среднем) уровне подходят «Тесты по русскому языку — 4-й уровень» под редакцией Ши Тецяня (2020). Они обновляются каждый год, но структура тестов и требования остаются типичными. Мы обратились к изданию 2018 г., чтобы определить количество онимов в тестовых заданиях (см. табл. 8).

Таблица 8

Распределение онимов в пособии для подготовки к экзаменам по аудированию

Названия разрядов онимов	Всего в учебнике (1–3 книги) 390 онимов	Количество онимов в книге для подготовки к тестированию: 70 онимов	Всего онимов в книге для подготовки к тестированию, в процентах	Количество новых онимов, ранее не встречавшихся в 1–3 книгах, 24=34%
Топонимы	140	27	18	11
Антропонимы	90	8	8	3
Артионимы	76	7	8	2
Эргонимы	48	16	33	8
Другие разряды	36	12	33	0

Как следует из таблицы 8, количество новых онимов составляет примерно одну треть от всего количества, содержащегося в учебнике для подготовки к сертификационному тестированию на базовом уровне. Все новые имена собственные понятны из контекста. По сравнению с основным учебником в трех книгах под редакцией Ши Тецянь по-прежнему количественно «лидирует» разряд топонимов, но в процентном отношении на первое место переместились эргонимы и единичные разряды онимов, что объясняется подбором экзаменационных текстов по темам из студенческой жизни и жизни семьи (университет, посещение объектов культуры — музея и театра, спортивного комплекса, транспорт, праздник); среди единичных разрядов онимов отсутствует незнакомая лексика.

Как считают китайские специалисты, система тестирования по РКИ «создается с учетом накопленного международного опыта в области лингводидактического тестирования, разработка всех тестовых материалов системы тестирования осуществляется на научно-методической основе с учетом требований тестологии» [У Суцзюань, 2015, с. 33].

Заключение

Сопоставим количество имен собственных по разрядам онимов в учебнике «Аудирование» под редакцией Ши Тецянь и в учебнике под редакцией Ма Линь. Для сравнения разместим их в таблице и рассмотрим соотношение в процентах.

Таблица 9

Сопоставление разрядов онимов в разных учебниках

Онимы	Количество в учебнике Ши Тецянь	Проценты	Количество в учебнике Ма Линь	Проценты
Топонимы	140	36	188	37
Антропонимы	90	23	116	23
Артионимы	76	20	100	20
Эргонимы	48	12	72	14
Другие разряды	36	9	28	6
Всего	390 единиц	100	504 единицы	100

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что в процентном отношении практически совпадают значения чисел в выбранных нами учебниках. Однако в количественном отношении имен собственных больше в учебнике под редакцией Ма Линь, и это объясняется тем, что, во-первых, введен в преподавание РКИ национально-культурный компонент — китайский и количество онимов, связанных с Китаем, достигает порядка 170; а, во-вторых, обучение РКИ идет не только на базовом, но и на продвинутом уровне в 5 и 6 семестрах.

Исследование лингвокультурологического / лингвострановедческого потенциала ономастикона учебников РКИ позволяет говорить о том, что раскрытие его национально-культурного компонента поможет иностранцу, изучающему русский язык, увидеть полноценную и многогранную картину русского мира и сопоставить его со своим.

Перспектива представленного исследования видится в следующем. Наше исследование связано с именем собственным «Харбин» [Беликов, 2023, 2023а, 2024, 2025], обладающим лингвокультурологическим потенциалом и относящимся сразу к двум национальным культурам — русской и китайской. Лингвокультурема «Харбин» представляет собой семантическое образование, вобравшее в себя этноспецифические культурные смыслы — и русские, и китайские, актуализирующее культурные фоновые знания. Следовательно, городское ономастическое пространство «Харбин» можно рассматривать как соответствующее новым образовательным стандартам при обучении русскому языку как иностранному.

Библиографический список

Альдингер П.П. Ономастический компонент в курсе русского языка как иностранного // Педагогическое образование в России. 2016. № 10. С. 6–13.

Ахметова А.Р. Артионимы как культурный феномен текста города // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2020. № 2 (39). С. 19–25. <https://www.doi.org/10.24411/2227-1384-2020-10018>

Беликов С.В. Роль ассоциативного эксперимента в формировании лингвокультурного концепта «ХАРБИН» // Филология и человек. 2023. № 2. С. 122–136. [https://www.doi.org/10.14258/filichel\(2023\)2-09](https://www.doi.org/10.14258/filichel(2023)2-09)

Беликов С.В. Анализ структуры лингвоконцепта «Харбин» // Филологический журнал. Информационно-издательский центр Сахалинского государственного университета. 2023а. Вып. 27. С. 24–29.

Беликов С.В. Лингвокультурная направленность текстов для аудирования: прагматический аспект // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 7 (145). <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.145.10>. Электронный ресурс <https://research-journal.org/archive/7-145-2024-july/10.60797/IRJ.2024.145.10>

Беликов С.В. Эргонимы в городском ономастическом пространстве Харбина и перспективы их использования при обучении русскому языку как иностранному // Филология и человек. 2025. № 1. С. 55–71. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-04](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-04)

Буркова Т.А. Функциональный потенциал имен собственных // Вестник Башкирского университета. Уфа, 2016. Т. 21. № 3. С. 760–763.

Ван Цзунху, Ван Хаоин. Культурно-ориентированная подготовка высококвалифицированных русистов: концепция и практика // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 2. С. 141–148.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.

Вострякова Н.А. Имена собственные на элементарном уровне обучения русскому языку как иностранному (проблемы адекватной семантизации и употребления) // Вестник Центра международного образования МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2015. № 1. С. 36–41.

Головина Л.С. Этнокультурная семантика имени собственного и ее лексикографическая репрезентация иноязычному адресату : автореф. дис. ... канд. филол. н. Волгоград, 2013.

Лю Хун. Качественное развитие преподавания русского языка в вузах КНР на новом историческом этапе // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 2. С. 126-131.

Пак И.Я. Разработка аудиовизуального курса русского языка как иностранного с национальным культурным компонентом в рамках новой образовательной стратегии Китая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 4. С. 1330-1336.

У Суцзюань. Общая характеристика изменений условий тестирования по русскому языку в Китае // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 11 (42). Ч. 4. С. 33-35.

Ян Кэ, Шарафутдинов Д.Р. Новаторские подходы к подготовке специалистов по русскому языку в Китае // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 2. С. 132-141.

Ян Кэ. К вопросу о включении информации о китайской культуре в содержание обучения русскому языку в китайских вузах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Ч. 2. 2014. № 11(41). С. 217-219.

外国语言文学专业国家教学标准. 上海: 外语教育出版社, 2020.

Источники

Ма Линь (гл. ред.). «Два мира — две души»: Учебное пособие по аудированию (русский язык). В 4-х книгах. Пекин: Высшее образование, 2022.

Ши Тецянь (гл. ред.). «Восток»: Русский язык для университета. Аудирование в 3-х частях. Пекин: Пекинский университет иностранных языков, Институт русского языка, 2020.

References

Akhmetova A.R. Artionyms as a cultural phenomenon of the city text. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Aleykhema* = Bulletin of the Sholem Aleichem Primorsky State University, 2020, no. 2 (39), pp. 19-25. <https://www.doi.org/10.24411/2227-1384-2020-10018> (In Russian).

Al'dinger P.P. The onomastic component in the Russian as a foreign language course. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* = Pedagogical education in Russia, 2016, no. 10, pp. 6-13. (In Russian).

Belikov S.V. Analysis of the structure of the linguaconcept "HARBIN". *Filologicheskiiy zhurnal. Informatsionno-izdatel'skiy tsentr Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Philological Journal. Information and

Publishing Center of Sakhalin State University, 2023a, iss. 27, pp. 24-29. (In Russian).

Belikov S.V. Ergonyms in the Urban Onomastic Space of Harbin and Prospects of Their Use in Teaching Russian as a Foreign Language. *Filologiya i chelovek* = Philology & Human, 2025, no. 1, pp. 55-71. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-04](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-04) (In Russian).

Belikov S.V. Linguistic and Cultural Orientation of Listening Texts: A Pragmatic Aspect. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* = International Research Journal, 2024, no. 7 (145). <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.145.10>. Retrieved from: <https://research-journal.org/archive/7-145-2024-july/10.60797/IRJ.2024.145.10> (In Russian).

Belikov S.V. The role of an associative experiment in the formation of the linguacultural concept "HARBIN. *Filologiya i chelovek* = Philology & Human, 2023, no. 2, pp. 122-136. [https://www.doi.org/10.14258/filichel\(2023\)2-09](https://www.doi.org/10.14258/filichel(2023)2-09) (In Russian).

Burkova T.A. The functional potential of proper names. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* = Bulletin of Bashkir University, Ufa, 2016, vol. 21, no. 3, pp. 760-763. (In Russian).

Golovina L.S. Ethnocultural semantics of proper names and their lexicographical representation for a foreign recipient. Abstract of Filol. Cand. Diss., Volgograd, 2013. (In Russian).

Lyu Khun. The qualitative development of teaching the Russian language at Chinese universities in a new historical phase. *Filologicheskij klass*. = Philology class, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 126-131. (In Russian).

Pak I. Ya. Development of an audiovisual Russian language course for foreign learners with a national cultural component within the framework of China's new educational strategy. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. = Philological sciences. Questions of theory and practice, 2024, vol. 17, iss. 4, pp. 1330-1336. (In Russian).

Van Tszunkhu, Van Khaoin. 2022 Culturally oriented training of highly qualified Russian language specialists: concept and practice. *Filologicheskij klass*. = Philology class, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 141-148. (In Russian).

Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and culture. Linguo-cultural studies in teaching Russian as a foreign language, Moscow, 1990, 246 p. (In Russian).

Vostryakova N. A. Proper names at the elementary level of learning Russian as a foreign language (issues of adequate semanticisation and usage). *Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniya Moskovskogo Gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Moscow State University

International Education Centre. Philology. Cultural Studies. Pedagogy. Methodology, 2015, no. 1, pp. 36–41. (In Russian).

Yan Ke, Sharafutdinov D.R. Innovative approaches to training Russian language specialists in China. *Filologicheskiy klass.* = Philology class, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 132–141. (In Russian).

Yan Ke. On the issue of including information about Chinese culture in the curriculum for teaching Russian in Chinese universities. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences. Questions of theory and practice, 2014, no. 11(41), pp. 217–219. (In Russian).

外国语言文学专业国家教学标准. 上海: 外语教育出版社. *Shankhay: Obrazovanie na inostrannykh yazykakh.* = State standards for educational programs in the specialty. Foreign Language and Literature, Shanghai, 2020, 158 p. (In China).

List of Sources

Ma Lin' (chief editor). "Two Worlds — Two Souls": A Listening Practice Textbook (Russian Language), in 4 vols., Pekin, 2022. (In China).

Shi Tetsyan (chief editor). "Vostok": Russian Language for University. Listening in 3 parts, Pekin, 2020. (In China).

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ ПРИЗНАКОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЛАТИНСКОМ БОТАНИЧЕСКОМ ДИАГНОЗЕ: ХОЛО- МЕРОНИМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

О.А. Коба

Ключевые слова: лексикология латинского языка, ботаническая латынь, биологический объект, признаковая структура, холоним, мероним, меронимический кластер

Keywords: Latin lexicology, Botanical Latin, biological object, feature structure, holonym, meronym, meronym cluster

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)2-12](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)2-12)

Введение
В XXI столетии латинский язык сохраняет свой функциональный статус как язык биологической систематики: каждый новооткрытый вид растений, грибов и лишайников должен получить свое наименование в соответствии с бинарной номенклатурой. Помимо этого, существует вторая, не менее значимая и развитая, сфера научного описания, которая заключается в составлении так называемых ботанических диагнозов. Каждый новый вид по правилам биологической науки получает развернутое описание в виде целостного и связного текста. В связи с этим на первый план выходит вопрос об изучении языковых механизмов, которые обеспечивают существование научного текста.

Одним из основных типов системных отношений в лексике, регулирующих целостность текста, является холо-меронимическая парадигма. Корреляция целого и части находится в поле зрения многих современных лингвистов, о чем свидетельствует достаточно большой объем научных работ по этой теме за последние годы [Глобина, 1995; Русина, 2007; Рыжук, 2008; Кузьменко, 2020, и др.]. Холо-меронимические отношения изучаются на материале разных современных языков: русского, английского, немецкого. При этом всеми исследователями признается тот факт, что отношения целого и части напрямую соотносятся с внеязыковой действительностью и отражают сложность организации окружающего мира.

Актуальность нашего исследования обусловлена, во-первых, включенностью в общую теорию лексического значения, в рамках которой рассматриваются лексико-семантические парадигмы и особенности их устройства в различных подъязыках (в том числе в научном языке).

ке); во-вторых, современным состоянием биологической систематики, т.е. существованием большого объема научных текстов, каждый из которых должен быть осмыслен с позиции его смысловой организации; в-третьих, потребностями современной лингводидактики, т.е. разработкой системы обучения биологической латыни, в основе которой будет лежать понятие научного текста (диагноза) как иерархически организованной системы. Научная новизна работы заключается в том, что до настоящего времени к латинскому ботаническому диагнозу последовательно не применялся метод признакового анализа: не были выявлены и изучены системные отношения, лежащие в основе текстопостроения.

Методы и материалы исследования

Основным методом нашего исследования является признаковый анализ, заключающийся в «расщеплении» целостного предложения в научном языке на элементарные компоненты его смысловой структуры. Такая процедура становится возможной, поскольку научный язык всегда стремится к однозначности и точности выражения смысла: биологическому объекту как целому и каждой его части приписываются строго определенные характеристики, которые и становятся предметом лингвистического описания. Помимо этого, в работе использован общелингвистический метод оппозиционного анализа, позволяющий сопоставить языковые знаки (слова) по плану выражения и плану содержания и определить тип системных отношений между двумя или несколькими знаками.

В качестве языкового материала исследования послужил диагноз биологического вида *Elytrigia fursaevii* Laktionov, Tzvelev et Mavrodiev — «новая форма пырея ползучего, в изобилии растущего на пойменных лугах в низовьях Волги», открытая А.П. Лактионовым, Н.Н. Цвелевым и Е.В. Мавродиевым [Лактионов и др., 2014, с. 18–21]. Основным критерием выбора данного научного текста является то, что в нем эксплицированы все типы смысловых отношений в рамках заданной лексико-семантической корреляции.

Результаты исследования

Ботанический диагноз как научный текст включает в себя несколько рубрик. В первой рубрике дается полное научное наименование описываемого биологического вида (биномен), а затем последовательно описываются его морфологические характеристики (форма, цвет, консистенция, свойства поверхности и др.). Во второй рубрике, имею-

щей название «*Holotypus*» указывается голотип, т.е. эталонный образец (типовой экземпляр), использованный для описания биологического вида. В третьей рубрике, которая называется «*Affinitas*», определяется родство, т.е. отличие описываемого вида по определенным признакам от близкого ему. В четвертой (заключительной) рубрике указывается местообитание описываемого вида. Основной текстовый (а значит, и информационный) объем приходится на первую рубрику: в ее пределах выражается вся основная признаковая информация и реализуются системные (парадигматические) отношения. Следовательно, именно эта рубрика диагноза может стать объектом признакового анализа.

Первая рубрика проанализированного нами ботанического диагноза выглядит следующим образом: *Elytrigia fursaevii* Laktionov, Tzvelev et Mavrodiev sp. nova. — *Planta perennis, 40-80 cm alta, rhizomatis sat brevibus et tenuibus, saepe caespites parvos laxos formans. Surculi saepe in fascicules aggregati. Culmi glabri et laeves, sat tenues, nodis superioribus prope culmi medium positis. Foliorum laminae 1-4 mm lt., planae vel convolutae, canovirides, subtus laeves, supra costis multis angustis elevatis minute scabrae. Vaginae glabrae et laeves. Ligulae ca. 0.2 mm lg. Spicae 4-7 cm lg., laxiusculae; axis secus costas plus minusve scaber. Spiculae 3-7-florae, 6-10 mm lg., viridiusculae. Glumae subaequilongae, 4-6.5 mm lg., lanceolatae, nervis laeviter distinctis, sed carina prominenti, apice mucrone vel arista 0.3-1 mm lg. Rachilla glabra et laevis. Lemmata 4-5.5 mm lg., lanceolata, glabra et laevia, nervis indistinctis et carina obtusiuscula, apice mucrone vel arista 0.2-1 mm lg. Paleae secus carinas in dimidio superiore scabrae. Antherae 1.5-3 mm lg* [Лактионов и др., 2014, с. 19].

Понятие «кластеризация» пришло в современную лингвистику из теории информации. М. Роселл раскрывает суть текстовой кластеризации следующим образом: «The objective of clustering is to partition an unstructured set of objects into clusters (groups). One often wants the objects to be as similar to objects in the same cluster and as dissimilar to objects from another clusters as possible» (Суть кластеризации заключается в разделении неструктурированного набора объектов на группы. При этом объекты должны быть настолько схожи в пределах одного кластера, насколько они будут отличаться от объектов другого кластера (перевод наш. — *О.К.*) [Rosell, 2008, с. 12]. Из определения следует, что, во-первых, путем группировки в общем потоке информации происходит выделение объектов (или признаков), составляющих единое целое, по какому-либо параметру, во-вторых, такая группировка должна иметь основание (опору) в окружающей действительности и, в-третьих, каждый кластер должен представлять собой достаточно автоном-

ную микросистему однородных смысловых компонентов, объединенную по определенному основанию и по этому параметру отличающуюся от других множеств компонентов в пределах текста.

На первом — наиболее высоком и абстрактном — уровне кластеризации в качестве объектов выделения и группировки выступает биологический объект как целое (описываемый вид) и его части. Семантическая формула холо-меронимической парадигмы выглядит следующим образом:

$$X=X' \{Y_1+Y_2+ \dots +Y_n\},$$

где X — биологический объект (= описываемый вид) как целое; X' — любой конкретный образец, принадлежащий к данному виду; $Y_1 \dots Y_n$ — его части.

Специфика ботанического диагноза как научного текста состоит в том, что в его заголовке дается полное научное наименование описываемого биологического вида, представляющее собой биномен (т.е. двойное наименование, которое включает в себя родовой компонент *Elytrigia* и видовой эпитет, выраженный эпонимом) — *Elytrigia fursaevii* *Laktionov, Tzvelev et Mavrodiev*. С позиции лексической семантики в заголовке диагноза мы имеем дело с типизированным представлением обо всех возможных объектах действительности (растениях), принадлежащих к данному биологическому виду. Именно поэтому заголовок как начальный фрагмент формально отделен от основного текстового массива. С другой стороны, уже в самом начале научного текста задается первая смысловая координата — биологический вид как «целое» (X), потенциально реализуемое в группе однородных объектов (X').

Основная рубрика диагноза с точки зрения смысловой организации представляет собой *линейно (синтагматически) развертываемую иерархическую структуру*, в пределах которой для каждого компонента («целого» и «частей») выделяется своя коммуникативно завершенная языковая единица, т.е. целостное предложение. Объект как целое (X') традиционно обозначается латинским существительным *planta* (растение), а затем в линейной последовательности эксплицируются части единого целого (сомеронимы): *culmi* (стебли) (Y_1), *foliorum laminae* (листовые пластинки) (Y_2), *vaginae* (влагалища) (Y_3), *ligulae* (язычки) (Y_4), *spicae* (колосья) (Y_5), *spiculae* (колоски) (Y_6), *glutinae* (колосковые чешуи) (Y_7), *rachilla* (ось колоска) (Y_8), *lemmata* (нижние цветковые чешуи) (Y_9), *paleae* (верхние цветковые чешуи) (Y_{10}), *antherae* (пыльники) (Y_{11}). Меронимический кластер в этом случае представляет собой все сомеронимы, находящиеся на одном уровне и иерархически подчиненные общему холониму.

Отметим, что на первом уровне структурирования диагноза не конкретизируются смысловые отношения между частями целого (сомеронимами). Значимым отношением здесь является лишь корреляция, устанавливаемая между растением как целым (холонимом) и каждой его частью (меронимом), т.е. сам факт членимости и наличия таких частей в живой природе (растительном мире). Это соответствует первому и второму свойствам кластеризации, по определению М. Роселла. Третье свойство вступает в силу на следующем — более конкретном — уровне кластеризации.

Одной из фундаментальных особенностей холо-меронимической парадигмы в системе языка является *вложенность ее элементов*. В соответствии с этим свойством мероним, являющийся частью элемента более высокого уровня (холонима), может одновременно выступать как холоним по отношению к подчиненному ему мерониму. Как показывает материал, вложенность является принципиально важной характеристикой языка биологической систематики, поскольку она отражает особенности живой природы. Растительный мир имеет настолько сложную организацию, что при описании его объектов в большинстве случаев оказывается недостаточным выделить лишь мероним первой степени и дать ему характеристику.

Таким образом, семантическая формула холо-меронимической парадигмы **на втором уровне кластеризации** с учетом свойства вложенности принимает следующий вид:

$$X' = Y_1 \{Z_1 + \dots + Z_n\} + Y_2 + \dots + Y_n,$$

где X' — конкретный образец, принадлежащий к данному виду (холоним); $Y_1 \dots Y_n$ — его части (т.е. сомеронимы первой степени); $Z_1 \dots Z_n$ — «части частей» (т.е. сомеронимы второй степени).

Как показывает анализируемый диагноз, кластеризация переходит на второй уровень не всегда, а лишь в тех случаях, когда необходимо дать отдельную (более подробную) характеристику минимальным составным элементам описываемого объекта. Возможно еще большее усложнение структуры диагноза, когда вводятся сомеронимы третьей степени. В таких отношениях находятся слова *spicae* (колосья) (мероним первой степени), *spiculae* (колоски) (мероним второй степени) и сомеронимы третьей степени *glumae* (колосковые чешуи) и *rachilla* (ось колоска). Поскольку *колосок* является структурной единицей (частью) сложного соцветия, слово *spicula* входит в двусторонние холо-меронимические отношения: с одной стороны, оно выступает как мероним по отношению к холониму *spica*, а с другой, оно является холонимом для со-

подчиненных слов *gluma* и *rachilla*, которые описывают биологический объект в максимальном «приближении».

Отдельного комментария требуют смысловые отношения между словами *vaginae* (влагалища) и *ligulae* (язычки): язычок — это тонкий пленочный или волосистый вырост *в месте перехода* влагалища в листовую пластинку, защищающий стебель от проникновения воды и насекомых. Таким образом, сомеронимы первой степени *foliorum laminae* (листовые пластинки) и *vaginae* (влагалища) имеют «переходный» элемент, который, вероятно, должен рассматриваться на отдельном уровне подчинения.

Третий уровень кластеризации диагноза предполагает приписывание одного или нескольких признаков выделенной части биологического объекта. Представим холо-меронимическую парадигму на этом уровне в виде формулы:

$$X' = Y_1(A+B+C) + Z_1(=D),$$

где X' — конкретный образец, принадлежащий к данному виду; Y_1 — его часть (мероним первой степени); Z_1 — «часть части» (мероним второй степени); A, B, C, D — признаки биологического объекта.

Основным парадигматическим принципом на третьем уровне кластеризации является тот же принцип вложенности. Однако принципиальным отличием от кластеризации второго уровня здесь является то, что формально вложенность элементов реализуется *в пределах одного предложения*. Это происходит неслучайно, поскольку при такой информационной организации становится возможной ситуация, когда мероним сам становится «признаком» соответствующего холонима наряду с другими характеристиками описываемого биологического объекта.

Своеобразной «точкой отсчета» на третьем уровне кластеризации может служить начальное предложение *Planta perennis, 40-80 cm alta, rhizomatis sat brevibus et tenuibus*, в рамках которого биологическому объекту как целому (*planta*) последовательно приписываются два признака: количественный (высота) и структурный. При этом важнейшая часть описываемого объекта (корневище) переходит в статус признака: *rhizomatis sat brevibus et tenuibus* (с относительно короткими и тонкими корневищами). Грамматика на системном уровне реагирует на такой смысловой переход и требует использования синтаксемы Abl.pl. для оформления части объекта (меронима) как признака.

Рассмотрим предложение *Culmi glabri et laeves, sat tenues, nodis superioribus prope culmi medium positis* (Стебли голые и гладкие, довольно тонкие, с верхним узлом близ середины стебля). Как видно из примера, слово-холоним *culmus* (стебель) имеет три «стандартных» признака,

которые приписываются ему в линейной последовательности, - *glaber* (голый) (А), *laevis* (гладкий) (В) и *tenuis* (тонкий) (С). Затем этому объекту приписывается еще один (четвертый) признак *nodis superioribus* (с верхними узлами), который в структуре предложения выражен с помощью синтаксемы Abl.pl. Таким образом, синтаксема с аблативом выступает в качестве своеобразного «сигнала» к переходу на третий уровень кластеризации научного текста. Меронимический кластер в этом случае будет разнородным, так как в нем объединяются «стандартные признаки», выражаемые с помощью прилагательных, и слово-мероним, которое приравнивается к признаку и помещается в один соотносительный ряд с другими характеристиками описываемого объекта.

Еще один характерный пример кластеризации третьего уровня представлен в предложении *Spiculae 3-7-florae, 6-10 mm lg., viridiusculae* (Колоски с 3-7 цветками, 6-10 мм дл., зеленоватые). В данном случае слову-холониму *spicula* (колосок) сначала приписывается признак *3-7-florus*, являющийся меронимом по отношению к колоску, а затем даются «стандартные» характеристики — количественная (*6-10 mm lg.*) и цветовая (*viridiusculus*, т.е. зеленоватый).

Наиболее сложный и развернутый вариант кластеризации третьего уровня наблюдается в предложении *Foliorum laminae 1-4 mm lt., planae vel convolutae, canovirides, subtus laeves, supra costis multis angustis elevatis minute scabrae* (Листовые пластинки 1-4 мм шир., плоские или вдоль свернутые, серовато-зеленые, снизу голые и гладкие, сверху со многими узкими выступающими ребрами, по ребрам с очень мелкими шипиками). Как видно из приведенного примера, слову-холониму *foliorum lamina* (листовая пластинка) сначала приписываются «стандартные» характеристики *1-4 mm lt.* (1-4 мм шир.), альтернативный признак *planae vel convolutae* (плоские или вдоль свернутые), *canovirides* (серовато-зеленые), *subtus laeves* (снизу голые и гладкие). Затем в рамках предложения осуществляется смысловой переход к двум вложенным меронимам, которые становятся признаками по отношению к соответствующим им холонимам: *supra costis multis angustis elevatis minute scabrae* (со многими узкими выступающими ребрами, по ребрам с очень мелкими шипиками).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, холо-меронимическая парадигма как отношение «целого» и «части» пронизывает всю структуру ботанического диагноза. Это об-

условлено самой объективной действительностью, так как растительный мир в целом и каждый его объект имеет сложную организацию.

Во-вторых, уровневый подход к изучению информационного объема ботанического диагноза позволяет поэтапно установить не только состав элементов (частей единого целого), но и отношения подчинения между всеми элементами структуры. Линейное развертывание научного текста-описания при таком подходе приобретает новое измерение: от уровня отдельного предложения при понимании текста («горизонтальные» отношения) мы переходим к уровню соподчиненных элементов («вертикальные» отношения).

В-третьих, холо-меронимическая корреляция элементов дает представление как о самом биологическом объекте, так и о его признаках. Это становится возможным благодаря тому, что механизм приписывания признаковой информации ориентирован не только на целое, но, в достаточной степени, на отдельные элементы целого.

В-четвертых, базовые смысловые компоненты ботанического диагноза — объект и признак — вступают в разные типы холо-меронимических отношений: слово-мероним может сохранять свой статус объекта и иметь признаки (второй уровень кластеризации), а в некоторых случаях меняет свой статус и становится признаком по отношению к холониму (третий уровень кластеризации).

В-пятых, реализация системных отношений части и целого в конкретном научном тексте приводит к максимальной детализации признаковой структуры описываемого объекта и, следовательно, ограничению данного биологического вида от близкородственных. Именно к такому результату (точности, однозначности, детальности) и стремится научное описание.

В перспективе мы планируем расширить границы применения признакового анализа к латинскому ботаническому диагнозу и рассмотреть механизм приписывания характеристик относительно того или иного типа выражаемого признака. Это позволит получить более четкое представление о кластеризации информации на третьем уровне.

Библиографический список

Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики : монография. М.: Гнозис, 2005. 326 с.

Глобина Л.В. Лексико-семантическое поле партитивной лексики в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1995. 205 с.

Киба О.А. Кластеризация цветового, вкусового и обонятельного признаков физического объекта в инженерном дискурсе: лингводидактический аспект // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. Красноярск, 2021. Вып 12 (21). Электронный ресурс [chelovek_i_yazyk_v_kommunikativnom_prostranstve_2021.pdf](#)

Кузьменко Н.В. Меронимическая организация наименований артефактов в современном английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер.: Гуманитарные науки. М., 2020. Вып. 6 (835). С. 85–94.

Русина Ю.Н. Семантика меронимов современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2007. 193 с.

Рыжук Н.С. Коррелятивные отношения части и целого: семантический и лингвокультурологический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2008. 193 с.

Rosell M. Introduction to Information Retrieval and Text Clustering. Cambridge UP, 2008. 24 p.

Источник

Лактионов А.П., Цвелев Н.Н., Архипова Е.А., Мавродиев Е.В. *Elytrigia fursaevii* Laktionov, Tzvelev et Mavrodiev (Poaceae), a new species from the Lower Volga Region // Новости систематики высших растений. 2014. Т. 45. С. 18–21. <https://doi.org/10.31111/novitates/2014.45.18>

References

Alefirenko N.F. Controversial issues of semantics: monograph, Moscow, 2005, 326 p. (In Russian).

Globina L.V. Lexical and semantic field of partitive vocabulary in modern Russian. Thesis of Philol. Cand. Diss., Voronezh, 1995. 205 p. (In Russian).

Kiba O.A. Clustering of color, taste and olfactory features of a physical object in engineering discourse: linguodidactic aspect. *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve: sbornik statey* = Man and language in the communicative space: coll. papers, iss. 12 (21), Krasnoyarsk, 2021. Retrieved from: [chelovek_i_yazyk_v_kommunikativnom_prostranstve_2021.pdf](#) (In Russian).

Kuz'menko N.V. Meronymic organization of artifact names in modern English. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* = Bulletin of Moscow State Linguistic University, Humanities, iss. 6 (835), Moscow, 2020, pp. 85–94. (In Russian).

Rosell M. Introduction to Information Retrieval and Text Clustering. Cambridge, 2008, 24 p.

Rusina Yu.N. Semantics of meronyms of the modern English language. Thesis of Philol. Cand. Diss., Minsk, 2007, 193 p. (In Russian).

Ryzhuk N.S. Correlative relations of part and whole: semantic and linguacultural aspects. Thesis of Philol. Cand. Diss, Stavropol, 2008, 193 p. (In Russian).

Source

Laktionov A.P., Tselov N.N., Arkhipova Ye.A., Mavrodiyev Ye.V. *Elytrigia fursaevii* Laktionov, Tzvelev et Mavrodiyev (Poaceae), a new species from the Lower Volga Region. *Novosti sistematiki vysshikh rasteniy* = News of Higher Plant Taxonomy, 2014, vol. 45, pp. 18-21 (In Russian).

ЛЕКСЕМА «СВАДЬБА» В ПОЭМЕ К.Ф. ЖАКОВА «БИАРМИЯ»: СЕМАНТИКА И ПОЭТИКА

О.Г. Твердохлеб

Ключевые слова: К.Ф. Жаков, «Биармия», северный эпос, лексема «свадьба», концепт, мифопоэтика

Keywords: K.F. Zhakov, “Biarmia”, Northern epic, the lexeme “wedding”, concept, mythopoetics

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)2–13](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)2–13)

Введение

Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866–1926) — фигура многогранная и парадоксальная, объединившая в себе таланты ученого-энциклопедиста, оригинального философа-лимитиста и выдающегося писателя, чье творчество стало фундаментом для современной литературы коми [Демин, 1993; Жеребцов, Мифтахова, 2010; Мелютина, Терехихин, 2013; Максимова, 2016; Кузнецова, 2022]. Его наследие представляет собой уникальный синтез строгого научного знания, глубокой философской рефлексии и художественного мифотворчества, направленного на конструирование целостного образа северной цивилизации [Созина, 2009, с. 134; Жеребцов, Мифтахова, 2010, с. 104; Лимеров, 2018a, с. 101]. Центральным проектом этого жизнотворчества, по справедливому замечанию Е.А. Тюгашева, стала «биармийская парадигма» — философско-художественная модель идеального мироустройства «золотого века», укорененного в пространстве Европейского Севера [Тюгашев, 2023]. Ключевым текстом, где эта парадигма обрела законченное художественное воплощение, является эпическая поэма «Биармия» (1916). Современная наука рассматривает ее не как стилизацию, а как сознательную реконструкцию гипотетического северного эпоса [Королев, 1993; Лимеров, Созина, 2014; Лимеров, 2015, 2018a]. Согласно выводам П.Ф. Лимерова, Жаков-этнолог, опираясь на фольклорные «пережитки», и Жаков-художник, ориентирующийся на опыт «Калевалы» и скандинавских саг, ставили перед собой грандиозную задачу — воссоздать «поэтическую историю» народа, в которой стираются границы между реальностью и мифом, человеком, природой и божеством [Лимеров, 2015, с. 110].

Устойчивый интерес литературоведения и лингвокультурологии к творчеству национальных авторов Серебряного века, чье наследие от-

крывает альтернативные пути развития русской литературы, обуславливает актуальность исследования. Целью статьи является комплексный анализ семантики и функций лексемы «свадьба» в поэме «Биармия» в контексте авторской системы гармоничного бытия.

Методы и материалы исследования

Эмпирическую базу исследования составил текст эпической поэмы К.Ф. Жакова «Биармия» (1916) [Жаков, 1991]. Для проведения количественного и контекстуального анализа использовались ресурсы Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Важное значение имеет и лингвопоэтический подход, в рамках которого изучение ключевых лексем помогает раскрыть авторский замысел.

В работе использовались следующие методы: цифровой филологический анализ с применением инструментов Национального корпуса русского языка для сбора статистических данных; количественный (статистический) анализ, включающий подсчет частотности употребления лексемы «свадьба» в конкретном тексте и сравнение ее с общими показателями подкорпуса; сравнительно-типологический метод для сопоставления данных по «Биармии» с поэтическим подкорпусом 1900–1930-х гг., а также концептуальный анализ, направленный на интерпретацию лексемы как художественного концепта, формирующего авторскую модель мира.

Использование ресурсов НКРЯ (далее в статье все примеры по этому источнику) как инструмента для выявления частотности и специфики употребления данной лексемы отвечает современным цифровым методам филологического анализа.

Результаты исследования

Анализ лексемы «свадьба» в эпической поэме Каллистрата Жакова «Биармия» позволяет глубже осмыслить основы его художественного мира.

Значимость образа на языковом уровне подтверждается данными Национального корпуса русского языка (НКРЯ): все 10 употреблений лексемы «свадьба» в творчестве К.Ф. Жакова приходятся на поэму «Биармия». Для сравнения: в поэтическом подкорпусе 1900–1930-х гг. на долю более чем 60 авторов приходится лишь 163 случая использования данного слова. Такая концентрация в рамках одного текста переводит лексему из разряда рядовых элементов в статус смыслообразующей основы эпического повествования. Это позволяет рассматри-

вать *свадьбу* как важный концепт, на базе которого выстраивается авторская модель идеального мира «северного золотого века».

Важнейшим сюжетообразующим и структурирующим элементом эпического повествования выступает свадьба князя Яура и царевны Райды¹. Это не просто эпизод, а кульминация первой части поэмы (21-я глава из 47). Занимая срединное положение в структуре текста, событие служит композиционным узлом: оно завершает героическое странствие Яура и открывает описание утопического мироустройства Биармии. Как центральный акт свадьба аккумулирует идеи автора о «северной цивилизации» и становится ритуально-мифологическим мостом между мирами. Это не только финал сюжета, но и философская модель идеального сообщества, воплощающая жаковскую утопию «северного золотого века». Частотность лексемы маркирует именно этот переломный момент.

Далее проанализируем контексты употребления лексемы с учетом основных семантических полей, связанных с концептом (*пир, гости, знаменитая, много народу* и др.).

Свадьба, выполняя интегрирующую функцию, становится событием, объединяющим эпический мир Жакова, который пронизан «мифопоэтикой Севера» [Лимеров, 2018a] и устремлен к всеобщей «гармонии» [Зиявадинова, 2012]. Свадебный ритуал в «Биармии» предстает актом вселенского масштаба, связывающим все уровни мироздания. На торжество «отовсюду» съезжаются гости — от легендарных героев до правителей сопредельных земель: *Мы расскажем и споем мы / На той домбре семиструнной, / Как наш Оксы, мудрый Яур, / Пригласил гостей на свадьбу — / И с Печоры отдаленной, / И с Двины широководной, / С Выми желтой, болотистой, / С Вишеры-реки прозрачной, / С травянистой тундры светлой, / Из-за гор Уральских синих, / Из Сибири беспредельной / — Отовсюду пригласил он* (К.Ф. Жаков. Биармия. 1916). Лексема «свадьба» становится лингвистическим маркером связи между мирами: это подтверждается ее широкой сочетаемостью, описывающей приглашение на торжество гостей из разных земель, духов и богов. Важным средством реализации «биармийской парадигмы» К. Ф. Жакова служит система тщательно подобранных эпитетов, создающая всеобъемлющий образ идеальной северной цивилизации, где территории обладают уникальными и взаимодополняющими качествами. Пространственные эпитеты (*отдаленной, беспредельной*) подчеркивают

¹ Здесь и далее примеры цитируются по изданию: Жаков К.Ф. Биармия: эпическая поэма. Сыктывкар: Союз писателей Республики Коми, 2013. 350 с.

масштаб и единство пространства. Гидрографические определения характеризуют мощь и чистоту водных объектов (*широководной, прозрачной*), а ландшафтные — передают специфику северной природы (*болотистой земли, травянистой тундры*). Цветовые и световые эпитеты (*желтой, светлой*) формируют живописный образ и подчеркивают эстетическое совершенство мира. В сочетании «*синие горы*» адъектив передает не только цвет, но и, как символ духовного начала [Бидерман, 1996, с. 243], эпическую значимость, актуализируя мифопоэтическое восприятие пространства как сакрального и запредельного. Как пишет П. Ф. Лимеров, Жаков стремился представить «светлое прошлое» [Лимеров, 2018б, с. 67] как идеальное мироустройство (ср. эпитеты: *светлая царевна, в светлорадостных хорах*). Обобщающую функцию выполняет адвербатив «отовсюду»: синтезируя пространственные характеристики, он подчеркивает вселенский характер свадьбы как события, объединяющего весь эпический мир.

Свадьба становится микромоделью мира всеобщности и гармонии, на торжестве присутствуют все — от могущественных князей до духов природы и божеств. Всеохватность события подчеркивается неоднократным повтором местоимения «все» (в форме множественного числа) в поэтических строках: *Все приехали на свадьбу / < ... > / Дай удачу всем героям, / Здесь собравшимся, на свадьбу / < ... > / Собрались все герои / В гости к князю, все на свадьбу* (К.Ф. Жаков. Биармия. 1916). Такой синтез соответствует жаковскому принципу «плюрализма и красочности мировосприятия» [Тюгашев, 2023, с. 227] и отражает его философский замысел — «создать всемирную сказку» [Жеребцов, 2012, с. 53], модель идеального социума, основанного на согласии и мудрости.

Свадьба в поэме — это не только социальное, но и сакральное событие. Обрядовая сторона подчеркивается ритуальными действиями героя: *А в кумирне возле леса / Яур-князь, принес он жертвы / Духу Яурморта из тундры, / Птице Каленик молился / Оксы Яур и на свадьбу / Приглашал он их усердно* (К.Ф. Жаков. Биармия, 1916). Сакрализация образа репрезентируется через религиозный контекст («*молился, на свадьбу приглашал, принес жертвы*»), что подтверждает гармоничную связь между миром людей и миром богов, реальностью и мифом, характерную для жаковского «идеального прошлого».

Даже образ древней сосны, олицетворяющей «постоянство растительной жизни, несмотря на смену времен года и обновление всего живого» [Башко, Гордиенко, 2007, с. 96]), включен в общее празднество: дерево не только наблюдает за происходящим, но и комментирует его: *Древняя сосна стояла / На холме среди деревьев, / Головою покачала, /*

*Речь сказала напоследок: / «Сосны, ели, пихты, ольхи, / Посмотрите вы, сестрицы, / Что там делается у князя / В светлорадостных хорах, / Собрались все герои / В гости к князю, все на **свадьбу*** (К.Ф. Жаков. Биармия. 1916). Здесь отражаются идеи единства и многообразия северной цивилизации, где стираются границы между человеческим, природным и божественным. Этот синтез соответствует жаковскому принципу «плюрализма и красочности мировосприятия» [Тюгашев, 2023, с. 227]. Свадьба, таким образом, становится финальным аккордом в создании «всемирной сказки» [Жеребцов, 2012, с. 53] — модели идеального социума, основанного на согласии природы, людей и высших сил.

Важно отметить, что К.Ф. Жаков реконструировал не историческую действительность, а «поэтическую историю». Свадьба в «Биармии» представляет собой не этнографическое описание коми обряда, а мифологизированный литературный образ — попытку воссоздания гипотетического северного эпоса с опорой на фольклорные элементы [Лимеров, Созина, 2014, с. 6; Лимеров, 2018а, с. 101]. Этот тезис подтверждается и другими произведениями автора: так, в рассказе «Дарук Паш» (1909) на свадьбу также собираются мифологические персонажи и герои из отдаленных земель [Жаков, 1990]. Подобная повторяемость свидетельствует о том, что для Жакова «свадьба» служила универсальной сюжетной моделью, демонстрирующей единство и многообразие создаваемого им эпического мира.

Свадьба становится средством разрешения конфликтов. Выделяется фигура Оксора, отца Райды, чье сердце свободно от злобы (*гнева нет в душе*) и чей приезд для общего благословения символизирует торжество мира (*всех благословить*) над распрями: *Гнева нет в душе Оксора, / Любит всех душой великой / И на **свадьбу** он придет / В дальний Джеджим вверх по Эжве / < ... > / Тут ее утешил Яур, / Слово мудрое сказал он: / «Ты не плачь, царевна Райда, / Твой отец придет в Джеджим, / Он на **свадьбу** к нам прибудет / И нас всех благословит он, / И на счастье, и на радость / Будем жить мы все спокойно»* (К.Ф. Жаков. Биармия. 1916). Концепт СВАДЬБА выступает здесь антитезой хаосу, предшествовавшему торжеству в сюжете.

Для описания торжества Жаков использует традиционные эпические средства выразительности. Как отмечает Е.А. Тюгашев [Тюгашев, 2023, с. 227], в тексте частотны гиперболы («знаменитую доньине») и эпитеты с компонентом «много-» (*много, много там народу, многославной*) и гиперболы: *знаменитую доньине: **Много, много там народу, / На той **свадьбе** знаменитой / < ... > / на **свадьбу** белой Райды многославной / < ... > / Как он праздновал ту **свадьбу**, / **Знаменитую до-*****

ныне / < ... > / на **свадьбу** / **Знаменитой** белой Райды (К.Ф. Жаков. Биармия. 1916). Подобные приемы создают эффект исключительности события и подчеркивают его эпический размах. При этом, по замечанию Е.К. Созиной, мир Биармии изображен как заведомо уходящий: «автор не скрывает, что это время мифического идеала, располагающегося в прошлом» [Созина, 2018, с. 109]. Свадьба Юра и Райды становится кульминацией «золотого века» перед его неизбежным финалом, отчего празднество приобретает оттенок величавой элегичности. Это торжество — воспоминание о совершенном и невозвратном прошлом, где герои наделены превосходными качествами: *Уступи отрывок счастья, / Дай удачу всем героям, / Здесь собравшимся, на **свадьбу** / Знаменитой белой Райды / С Юром на Джеджим-парме / < ... > / Райда, светлая царевна, / Несказанно удивляет / Всех собравшихся на **свадьбу** / Чудодейною красую, / Несравненную под солнцем* (К.Ф. Жаков. Биармия. 1916).

Заключение

Проведенное исследование лексемы «свадьба» в поэме К.Ф. Жакова «Биармия» позволяет сделать ряд выводов.

Высокая частотность этого слова (10 употреблений в одном тексте), подтвержденная данными НКРЯ, закрепляет за ним статус смыслообразующей основы поэмы. Если в поэзии Серебряного века образ свадьбы обычно носит эпизодический характер, то в художественном мире Жакова он становится концептуально значимым элементом поэтической системы.

В ходе работы выявлено три основных уровня функционирования данного образа:

1. На сюжетно-композиционном уровне высокая частота употребления лексемы маркирует кульминацию и центральное событие эпического повествования.

2. На мифо-ритуальном уровне свадьба раскрывается как сакральный акт, обеспечивающий интеграцию различных уровней мироздания — от человеческого сообщества до природных стихий и божественных сил. Это подчеркивает неразрывную связь всех элементов в мифо-поэтической картине мира создателя «Биармии».

3. На философско-утопическом уровне семантика концепта служит фундаментом «биармийской парадигмы». Она воплощает идеал «северного золотого века» и манифестирует авторский проект «всемирной сказки» как гармоничного устройства общества.

Лексема «свадьба» и репрезентируемый ею художественный образ выступают структурно-семантическим центром поэмы, аккумулирую-

щим основные идеи К.Ф. Жакова о духовном идеале северной цивилизации, синтезируя фольклорные, литературные и философские аспекты его творчества.

Таким образом, данное исследование, сочетающее литературоведческий подход с элементами корпусной лингвистики, вносит вклад в изучение творчества К.Ф. Жакова и раскрывает организацию художественного пространства в его центральном произведении.

Библиографический список

Демин В.Н. К.Ф. Жаков как явление финно-угорской культуры XX века // К.Ф. Жаков. Проблемы творчества. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 1993. С. 8–20.

Жеребцов И.Л. Создавая всемирную сказку. (К.Ф. Жаков — политик и общественный деятель) // Утверждение истины. Жаков К.Ф. Рукописи послереволюционных лет из фондов Национальной библиотеки Республики Коми. Сыктывкар: АУ РК «Редакция газеты „Коми му“», 2012. С. 53–66.

Жеребцов И.Л., Мифтахова О.Р. К.Ф. Жаков — ученый, философ, пропагандист // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2010. № 4 (4). С. 104–105.

Зиявадинова О.С. Гармония Севера в художественном творчестве К.Ф. Жакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 4 (15). С. 59–61.

Королев К.С. Поэма К.Ф. Жакова «Биармия» и современные представления о Биармии // К.Ф. Жаков. Проблемы творчества. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 1993. С. 83–86.

Кузнецова Т.Л. О связи творческого наследия коми писателя К.Ф. Жакова с произведениями современного прозаика А.И. Вурдова: особенности повествования // Вестник угроведения. 2022. № 4. С. 677–685.

Лимеров П.Ф. Мифопоэтика Севера в литературном эпосе К.Ф. Жакова «Биармия» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018а. № 1. С. 101–110.

Лимеров П.Ф. Художественный мир поэмы К.Ф. Жакова «Биармия»: к проблеме хронотопа // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2018б. Т. 24. № 3 (177). С. 67–78.

Лимеров П.Ф. Поэма «Биармия» как итог исследовательской деятельности Каллистрата Жакова по реконструкции древнего миро-

воззрения коми-зырян // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2015. № 1 (21). С. 110–116.

Лимеров П.Ф., Созина Е.К. «Биармия» Каллистрата Жакова как реконструкция северного эпоса // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 6–15.

Максимова О.Л. Смысл и назначение человека в контексте идей лимитизма К. Жакова // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2016. № 5. С. 40–48.

Мелютина М.Н., Теребихин Н.М. Творцы и хранители этнокультурного наследия Севера // Наследие. 2013. № 3. С. 58–78

Созина Е.К. Имя и место: Биармия в художественном сознании XX в. // География и туризм. 2018. № 1. С. 106–112.

Созина Е.К. Книга К.Ф. Жакова «Биармия» в контексте мифотворчества писателя // Арт. 2009. № 4. С. 134–141.

Тюгашев Е.А. Биармийская парадигма жизнетворчества П.А. Сорокина // Вопросы социальной теории. 2023. Т. 15. С. 226–244.

Источники

Баешко Л.С., Гордиенко А.Н., Гордиенко А.Н. Энциклопедия символов. М.: Эксмо, 2007. 304 с.

Бидерман Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 335 с.

Жаков К.Ф. Биармия: эпическая поэма. Сыктывкар: Союз писателей Республики Коми, 2013. 350 с.

Жаков К.Ф. Под шум северного ветра: сб. / сост. А.К. Микушев. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1990. 462 с.

References

Demin V.N. K.F. Zhakov as a phenomenon of Finno-Ugric culture of the 20th century. *K.F. Zhakov. Problemy tvorchestva* = K.F. Zhakov. Problems of creativity, Syktyvkar, 1993, pp. 8–20. (In Russian).

Korolev K.S. K.F. Zhakov's poem "Biarmia" and modern ideas about Biarmia. *K.F. Zhakov. Problemy tvorchestva* = K.F. Zhakov. Problems of creativity. Syktyvkar, 1993, pp. 83–86. (In Russian).

Kuznetsova T.L. On the connection of the creative heritage of the Komi writer K.F. Zhakov with the works of the modern prose writer A.I. Vurdov: features of the narrative. *Vestnik ugrovedeniya* = Bulletin of Ugric Studies, 2022, no. 4, pp. 677–685. (In Russian).

Limerov P.F. "Biarmia" poem as a result of Kallistrat Zhakov's research activity on the reconstruction of the ancient worldview of the Komi-Zyrians. *Izvestiya Komi NTs UrO RAN* = Proceedings of the Komi Science Centre

of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences, 2015, no. 1 (21), pp. 110–116. (In Russian).

Limerov P.F. Mythopoetics of the North in K.F. Zhakov's literary epic "Biarmia". *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta* = Vestnik of Northern (Arctic) Federal University, 2018a, no. 1, pp. 101–110. (In Russian).

Limerov P.F. The artistic world of K.F. Zhakov's poem "Biarmia": on the problem of chronotope. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta* = Izvestia. Ural Federal University Journal, 2018b, vol. 24, no. 3 (177), pp. 67–78. (In Russian).

Limerov P.F., Sozina E.K. "Biarmia" by Kallistrat Zhakov as a reconstruction of the northern epic. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* = Ural Historical Journal, 2014, no. 3 (44), pp. 6–15. (In Russian).

Maksimova O.L. The meaning and purpose of man in the context of K. Zhakov's ideas of limitism. *Vestnik Syktyvkarskogo universiteta* = Bulletin of Syktyvkar University, 2016, no. 5, pp. 40–48. (In Russian).

Melyutina M.N., Terebihin N.M. Creators and guardians of the ethno-cultural heritage of the North. *Nasledie* = Heritage, 2013, no. 3, pp. 58–78. (In Russian).

Sozina E.K. K.F. Zhakov's book "Biarmia" in the context of the writer's myth-making. *Art*, 2009, no. 4, pp. 134–141. (In Russian).

Sozina E.K. Name and place: Biarmia in the artistic consciousness of the 20th century. *Geografiya i turizm* = Geography and Tourism, 2018, no. 1, pp. 106–112. (In Russian).

Tyugashev E.A. Biarmian paradigm of P.A. Sorokin's life-creation. *Voprosy sotsial'noy teorii* = Issues of Social Theory, 2023, vol. 15, pp. 226–244. (In Russian).

Zherebtsov I.L. Creating a world fairy tale. (K.F. Zhakov a politician and public figure). *Utverzhdenie istiny. Zhakov K.F. Rukopisi poslerevoljutsionnykh let iz fondov Natsional'noy biblioteki Respubliki Komi* = Affirmation of truth. Zhakov K.F. Post-revolutionary manuscripts from the collections of the National Library of the Republic of Komi, Syktyvkar, 2012, pp. 53–66. (In Russian).

Zherebtsov I.L., Miftakhova O.R. K.F. Zhakov — scientist, philosopher, propagandist. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* = Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences, 2010, no. 4 (4), pp. 104–105. (In Russian).

Ziyavadinova O.S. Harmony of the North in K.F. Zhakov's artistic work. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Theory & Practice, 2012, no. 4 (15), pp. 59–61. (In Russian).

List of Sources

Baeshko L.S., Gordienko A.N., Gordienko A.N. Encyclopedia of Symbols, Moscow, 2007, 304 p.

Biderman G. Encyclopedia of Symbols, Moscow, 1996, 335 p.

Zhakov K.F. Biarmia: An Epic Poem, Syktyvkar, 2013, 350 p.

Zhakov K.F. Under the Noise of the Northern Wind: A Collection, compiled by A.K. Mikushev, Syktyvkar, 1990, 462 p.

ТЕМА ЛЮБВИ В ТВОРЧЕСТВЕ НЕРЮНГРИНСКИХ ПОЭТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИКИ Я. МЕЛЬНИКА И К. ШУТИНА)

Н.В. Чаунина

Ключевые слова: региональная литература, современные нерюнгринские поэты, тема любви, традиции русской литературы, Мельник, Шутин

Keywords: regional literature, modern Neryungrin poets, the theme of love, traditions of Russian literature, Melnik, Shutin

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)2-14](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)2-14)

Введение

Исследование региональной литературы все больше вызывает интерес у научного сообщества. Это связано с тем, что данная литература относительно молода и все еще находится в стадии становления и научного осмысления. Но, как отмечает современный литературовед В.В. Абашев, «сегодня изучение локальных текстов русской культуры превращается в быстро развивающееся направление в филологии» [Абашев, 2000, с. 14].

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена возрастающим интересом литературоведов к изучению русской национальной и региональной литературы как с точки зрения наследования традиций, так и с позиций новаторства. Этот интерес проявляется в исследовании феномена «провинциального поэта» как культурной категории [Алиференко, 2022], в изучении истории и современного состояния региональных литературных центров [Крюкова, 2022], а также в анализе художественного своеобразия и концептосферы локальных текстов [Гаврилов, 2023; Вьюшкова, 2020]. Рассмотрение особенностей реализации темы любви в данном контексте представляется весьма продуктивным, поскольку она одна из самых востребованных и разработанных в русской литературе, в том числе и региональной. Ее анализ позволяет выявить как общенациональные ментальные основы [Кадочникова, 2014], так и актуальные тенденции в поэзии конкретных регионов [Медведева, Семьян, Смышляев, 2019], включая творческие поиски в полиэтническом контексте [Койчуева, 2011].

Так, К.С. Проскурякова в статье «Своеобразие любовной лирики Н.Д. Ющенко» анализирует любовную лирику ишимской поэтес-

сы с точки зрения воплощения трагических переживаний [Проскурякова, 2014]. В статье В.Э. Пигаревой «Тема любви в творчестве чеченских поэтов» представлен философский подход к рассмотрению обозначенной темы [Пигарева, 2016]. Автор доказывает, что ряд стихотворений чеченских поэтов и поэтесс содержит явные воспитательные и нравственные черты. Софья Коденцева предпринимает попытку рассмотрения любовной лирики воронежского поэта Алексея Прасолова сквозь призму взаимоотношений между лирическим героем и героиней, подмечая, что творческое и бытовое начала находятся в отношениях несовместимости, а чувства человека неразрывно связаны с природой [Коденцева, 2015].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изучение темы любви позволяет приблизиться к пониманию авторского мироощущения, а также выявить «ценностный состав» любовного чувства у каждого автора. В этом контексте особого внимания заслуживает творчество поэтов из Нерюнгри — столицы Южной Якутии, где переплетаются культурные традиции разных народов и формируется уникальное художественное пространство.

Тема любви в лирике нерюнгринских поэтов раскрывается через призму местного колорита и в то же время выходит на общечеловеческий уровень. В творчестве Якова Мельника и Константина Шутина эта вечная тема получает разнообразное воплощение — от возвышенно-романтического до иронично-бытового, что позволяет говорить о многогранности художественного осмысления любви.

Цель нашего исследования — выявить и проанализировать особенности художественного воплощения темы любви в лирике Якова Мельника и Константина Шутина.

Методы и материалы исследования

В данной статье использован метод комплексного анализа литературного произведения, в котором сочетаются тематический анализ вкуче с мотивно-образным. Присутствуют элементы биографического метода. Данный методологический подход позволяет глубже понять художественные особенности произведений нерюнгринских поэтов¹.

¹ В статье использованы материалы курсовой работы «Художественное своеобразие любовной лирики поэтов г. Нерюнгри» Деркач Дарии Олеговны, студентки кафедры экономических и гуманитарных образовательных дисциплин Технического института (филиал Северо-Восточного университета им. М.К. Аммосова в г. Нерюнгри), выполненной под руководством автора статьи.

В качестве материала анализа выбран сборник Я. Мельника «Мгновения любви» (2008) и рукопись стихов К. Шутина, любезно предоставленная автором.

Результаты исследования и обсуждение

Для иллюстрации подхода к теме Якова Мельника можно обратиться к его стихотворению «Мгновения любви» из одноименного сборника. Поэт вдохновляет читателей на то, чтобы любить и быть любимыми. Рассказывает о том, как зарождается это прекрасное чувство и к каким последствиям приводит: *«Остановись! Прислушайся к божественной мелодии, / Как сердце мелодично стучит в твоей груди. / Как чувства и желания живут в полной гармонии, / Переполняя нежностью порыв твоей души»* (Я. Мельник. 2008. С. 9). Лирический герой стихотворения — одинокий человек, который ищет любовь и беспокоится о своем будущем. Лирическая героиня — незнакомка, но благодаря случайной встрече их судьбы пересекутся. Тема любви здесь тесно связана с мотивом неожиданной встречи, в которой герой видит надежду на совместное светлое будущее.

Для раскрытия темы автор использует разнообразные средства выразительности. Например, автор сравнивает внезапно наступившее чувство с *«громом с небес в тиши»*, описывает его как *«молнию, мгновенно обожгущую»*. Эмоциональное напряжение усиливается риторическим вопросом: *«Ну, где ты мой причал?»*. Таким образом, поэт призывает читателей прислушиваться к своему сердцу, ведь именно в нем рождается самое важное чувство — любовь.

В данном стихотворении прослеживаются русские романтические традиции, восходящие к творчеству М.Ю. Лермонтова. Как и у Лермонтова, любовь у Мельника часто сопряжена с мотивами одиночества и поиска душевной гармонии. Эта традиция восходит к лермонтовскому «Выхожу один я на дорогу», где также звучит мотив единения с мирозданием через любовь: *«Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея, / Про любовь мне сладкий голос пел, / Надо мной чтоб, вечно зеленея / Темный дуб склонялся и шумел»* (М. Лермонтов. 1978. С. 26).

Любовь в произведениях данного поэта тесно связана с темой семьи. Например, стихотворение «Я ищу слова для мамы» посвящено воспоминаниям о детстве и материнской заботе: *«Помню, в детстве как стучали / В унисон наши сердца, / Когда нежно прижимались / Два родных наших лица»* (Я. Мельник. 2008. С. 119). Яков Мельник испытывает сильную тоску по матери, ведь она является самым важным и дорогим человеком в жизни каждого: *«Я ищу слова для мамы, / Чтоб во сне*

ей все сказать, / Те слова, что не успел я / Ей при жизни рассказать» (Там же). Основная мысль поэта заключается в необходимости заботы и памяти о родителях, бережном отношении к их чувствам. Смысл данного стихотворения — ценить время, проведенное с матерью, никогда не забывать о семье. Ключевые мотивы — воспоминания о детстве рядом с мамой, кровная связь с ней: «От её груди к моей / Пролетает её стезька / Из родительских кровей» (Там же). Это стихотворение созвучно с «Письмом матери» С.А. Есенина. У Есенина мать и родной дом — это духовный причал, источник силы и нравственная опора в мире смятения и невзгод: «Ты одна мне помощь и отрада, / Ты одна мне несказанный свет» (С. Есенин. 2023. С. 135).

Тема любви в лирике Якова Мельника сопряжена с темой Родины. Стихотворение «Два комочка земли с Украины» посвящено землякам. Лирический герой сохраняет связь с родной землей, которая становится для него священным оберегом: «Я вожу их с собой, где бы ни был, / Два кусочка домашней земли, / Все богатство и вся моя прибыль, / В оберег превратились они» (Я. Мельник. 2008. С. 117). Он остается верным своему отчужденному дому («родительский кров») и испытывает тоску по родной земле («родимый... чернозём»). Основные мотивы произведения — памяти, любви и верности Родине. Автор подчеркивает, как важна Родина для каждого человека, призывая ценить и защищать свой родной дом. Здесь прослеживается явная отсылка к традиции русской пейзажной лирики, крестьянской теме, теме родной земли (ср.: стихотворение С. Есенина «О родина!»: «Брожу по синим селам, / Такая благодать, / Отчаянный, веселый, / Но весь в тебя я, мать» (С. Есенин. 2023. С. 293).

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что тема любви в стихотворениях Я. Мельника затрагивает разные аспекты бытия, а лирический герой переживает всю гамму чувств — от интимно-личностных переживаний, связанных с романтическими увлечениями, через нежную любовь-заботу о родных и близких, к всеобъемлющей любви к большой и малой Родине. При этом трактовка любовного чувства близка к лучшим образцам русской поэзии XIX и XX вв.

В сравнении с возвышенно-романтическими стихотворениями Якова Мельника стихи Константина Шутина предлагают иной, подчас ироничный и сатирический взгляд на любовь. Эта вечная тема часто лишается возвышенного ореола и предстает как часть сложных, парадоксальных жизненных обстоятельств.

В стихотворении «Ирония судьбы» автор затрагивает целую систему проблем человеческих отношений: дружба, любовь, соперни-

чество, выбор спутника жизни, построение счастливых семейных отношений. Не случайно одно из стихотворений начинается так: *«Любовь — не вздохи на скамейке, / Когда-то написал поэт. / Как в лотерее — тут сумей-ка / Счастливого вытянуть билет»*². Любовь показана здесь не как судьбоносная связь, а как случайность, «счастливого билет», который кардинально меняет жизнь сразу трех людей. Два друга влюбились в НЕЕ: *«Она купалась во вниманьи, / Но выбрала лишь одного»*. Отвергнутому молодому человеку выпал жребий страдать от неразделенной любви и завидовать сопернику: *«Второй, облом залив винищем / Хмельной, на свадебной гульбе / Всё говорил: “Ах, мой дружище / Как я завидую тебе!”»*.

Любовная история дополняется драматизмом: *«Наш первый друг болел и помер, / Такая вот стряслась беда. / Второго же друг (а кто ж не грешен?), / Припомнив страсти давних дней / По мере сил вдову утешил, / Женившись сразу же на ней»*.

Казалось бы, вот оно, желанное счастье! Но не все так просто. Финал стихотворения поражает неожиданностью: *«Порой, у друга на моголе / С кривой ухмылкой на губе, / Он говорит: “Ах, друг мой милый, / Как я завидую тебе!”... »*. Этот неожиданный поворот заставляет читателя задуматься о природе любви, дружбы и о том, насколько иллюзорным может оказаться долгожданное счастье, раскрывая сложную и неоднозначную природу чувств. Шутин переносит высокое романтическое чувство в сферу бытовых отношений обычных людей, усиливая эффект «бытовизма» обилием разговорной и просторечной лексики.

В стихотворении «Весеннее» иронично-сатирические интонации постепенно сменяются романтико-лирическими. И снова бытовая ситуация — лирический герой выражает резкое недовольство неумной активностью кошачьей братии: *«Как угаснет сияние дня, / Будто хор упырей, не иначе, / Под окошком теперь у меня / Разливаются вопли кошачьи...»*. Он даже готов безжалостно расправиться с помехой, но вдруг и его настигает романтически-весеннее настроение: *«...А недавно я встретил ЕЁ! / Как во сне я хожу всю неделю. / Понял я наконец, ё-моё, / Что мне черти хвостатые пели! / От улыбок расплылось лицо. / Ярче солнце, звон птиц голосистее! / Вот куплю и букет, и кольцо! / И кота заведу. Попушистее...»*.

Отличительной чертой поэтики Константина Шутина является и умение находить повод для размышления о подлинных ценностях

² Здесь и далее стихотворения Константина Шутина цитируются по рукописям из личного архива поэта. Орфография и пунктуация автора сохранены.

в бытовых мелочах. Яркий пример — «Ода борщу», где любовь к любимой еде, домашнему очагу и простым радостям жизни обретает форму философского обобщения.

Воспевание борща как шедевра искусства («*Борщ — это считай что искусство: / Бульон, да на косточке чтоб! / Картофель, фасоль и капуста, / И свёкла, как калейдоскоп... <...> Жирком залоснится по-царски, / Струит аромат в потолок... / И мясо, и перец болгарский / В гармонию вносят штришок <...> Густой, разварившийся, красный / Неспешно в кастрюле кипит. / Томится, и нам ежечасно / Фонтан удовольствий сулит!*») перерастает в размышление о национальной идентичности, связи с традицией и даже об объединяющей силе культуры: «*Вдруг станет сие объединье, / Любимое в множестве стран, / Идеей для объединения / Народов восточных славян?*». Таким образом, истинное счастье и любовь к жизни для лирического героя Шутина заключаются не в романтических идеалах, а в простых, вечных и подлинных удовольствиях.

В стихотворениях, посвященных родному городу («Нюрка», «Нерюнгринское лето»), сквозь иронию и бытовой реализм проступает глубоко личное, выстраданное чувство любви-привязанности к малой родине. Приведем отрывок стихотворения «Нюрка»:

*А был ли ты в Нью-Йорке, иль в Париже?
Грел пузо на Мальдивах или в Сочи?
У нас конечно ж этажи пониже,
И в Чульмане купаться — ну, не очень...*

*Бывают в мире города и краше,
Но тут наш дом, дела, друзья, работа.
И город свой мы любим — это ж наше!
Хоть часто вопреки, а не за что-то.*

*Но Нерюнгри не хуже чем иные.
Ведь это так, и все об этом знаем.
Его мы — нерюнгринцы коренные
По-свойски просто Нюркой называем!*

Эта любовь «вопреки», лишенная пафоса, но наполненная подлинной теплотой и верностью, становится важной характеристикой любовного чувства в интерпретации Шутина.

На наш взгляд, лирика Константина Шутина продолжает сатирическо-иронические традиции русской литературы XX в. Явственно про-

ступает связь с зощенковским героем и сказовой манерой повествования от лица «простого человека», что находит выражение в использовании просторечной лексики и «уличной» интонации, характерной для рассказов Зощенко (ср.: «Аристократка»: «Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках. Ежели баба в шляпке, ежели чулочки на ней фильдекосовые, или мопсик у ней на руках, или зуб золотой, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место» (М. Зощенко. 1990. С. 26) или «Баня»: «А голому человеку куда номерки деть? Прямо сказать — некуда. Карманов нету. Кругом — живот да ноги. Грех один с номерками. К бороде не привяжешь» (Там же. С. 54).

С другой стороны, в стихах Шутина обнаруживаются темы и мотивы лирики Саши Черного. Черный в своих стихотворениях с едким сарказмом описывал мещанский быт — будь то душевный хаос в «Обстановочке» («Ревет сынок. Побит за двойку с плюсом, / Жена на локоны взяла последний рубль») (С. Черный. 2021. С. 4) или затхлый натюрморт в «Кухне» («Пахнет мыльной водой, / Старым салом и угаром. / ... Кот сидит как неживой») (С. Черный. 1992. С. 97), а Шутин переносит этот пристальный взгляд в реалии современной провинции XXI в., иронизируя по поводу «высоких материй» и возвышая бытовые мелочи. Более того, он развивает идущую от Черного «поэтику быта» в философском ключе. Как и у его предшественника, у Шутина бытовые детали становятся точкой отсчета для глубоких размышлений о подлинных ценностях — любви «вопреки», верности малой родине и простым радостям. Способность подмечать в частном и даже уродливом универсальное и выстраданное, а в иронии — скрытый лиризм составляет основу прямой поэтической преемственности между творчеством Саши Черного и Константина Шутина. Даже мотив снобизма и иронии над псевдоевропейским флером, который Саша Черный блестяще обыграл в «Европейце» («Я — адски пленительный сноб... / Ну как Петербург не любить / Как русский намек на Европу?») (С. Черный. 2022. С. 36), находит свое отражение в шутинском снижении пафоса и внимании к непарадной, но подлинной жизни.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что нерюнгринские поэты, обращаясь к традиционной для русской литературы теме любви, убедительно демонстрируют, что современная региональная литература является не периферийным явлением, а полноценной частью общенационального культурного процесса, о чем свидетельствуют обнаруженные преемственные связи с русской литературой XIX–XX вв. В творчестве

Я. Мельника и К. Шутина эта вечная тема получает разнообразное воплощение — от возвышенно-романтического до иронично-бытового, что позволяет говорить о многогранности художественного осмысления любви сквозь призму авторского мироощущения. Представленный анализ показал, что региональные авторы способны не только сохранять классические литературные традиции, но и творчески переосмыслить их, обогащая новым, уникальным художественным опытом.

Библиографический список

Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с.

Алиференко Е.И. Категория «провинциальный поэт» в художественной системе региональной культуры (к проблеме литературного краеведения) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 1 (94). С. 59-2.

Вьюшкова И.Г. Художественное своеобразие поэтического цикла «Шах-мат-ты» О.Н. Гульяевой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 11. С. 9-13. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.2>

Гаврилов В.В. Концептосфера регионального текста (на материале лирики Ю. Шесталова) // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (13). С. 57-65. <https://www.doi.org/10.26105/PBSSPU.2023.13.1.006>

Кадочникова И.С. Проблема социальной идентичности и национальной ментальности в лирике В. Фролова // Уральский филологический вестник. 2014. № 5. С. 222-236.

Коденцева С.С. Любовная лирика Алексея Прасолова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2015. № 3 (17). С. 103-110.

Койчуева (Топалова) З.К. Творческие изыскания в различных жанрах художников Карачаево-Черкесии // Научный журнал. 2011. № 29. С. 66-67.

Крюкова О.С. Региональные литературные центры России: история и современность // Россия: тенденции и перспективы развития. 2022. № 17-3. С. 453-454.

Медведева А.Р., Семьян Т.Ф., Смышляев Е.А. Актуальные тенденции в современной региональной поэзии (на материале творчества поэтов Челябинска) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 2. С. 166-174. <https://www.doi.org/10.29025/2079-6021-2019-2-166-174>

Пигарева В.Э. Тема любви в творчестве чеченских поэтов // Филология и лингвистика. 2016. № 2 (4). С. 7–9.

Полякова Л.В. Регион как источник творчества и объект науки о литературе // Филологическая регионалистика. 2009. № 1–2. С. 21–27.

Проскуракова К.С. Своеобразие любовной лирики Н.Д. Ющенко // Science Time. 2014. № 5. С. 184–188.

Себелева А.В. Поэтика жанра лирико-философской миниатюры в творчестве С. Луцкого // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (13). С. 82–89. <https://www.doi.org/10.26105/PBSSPU.2023.13.1.003>

Сироткина Т.А. Региональный текст как объект лингвистического и литературного краеведения // Русская речевая культура и текст : материалы XI Международной научной конференции. Томск: Томский центр научно-технической информации, 2020. С. 49–53.

Сытина А.В., Савицкая Т.А. Особенности внедрения регионального компонента на уроках литературы в Калининградской области // Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования». 2024. № 3 (23). С. 77–84. Электронный ресурс <https://koirjournal.ru/realises/k2024/30sent2024/kvo307/>

Список источников

Есенин С.А. «Мне осталась одна забава...»: Стихотворения, поэмы, проза. Полное собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 800 с.

Зоценко М.М. Избранное / вступ. ст. и сост. Ю.В. Томашевского. М.: Правда, 1990. 480 с.

Лермонтов М.Ю. Стихотворения. Герой нашего времени. Рисунки Ю. Игнатьева. М.: Детская литература, 1978. 193 с.

Мельник Я.И. Мгновения любви. Литературно-художественное издание. Нерюнгри: авторское издание, 2008. 408 с.

Чёрный С. Городской романс: стихи, рассказы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 416 с.

Чёрный С. Обстановочка. Избранные стихотворения. Подробный иллюстрированный комментарий. М.: Проспект, 2021. 16 с.

Чёрный С. Сатиры. М.: Родина, 1992. 128 с.

Шутин К. Стихотворения. Рукописи. Личный архив.

References

Abashev V.V. Perm as a text. Perm in culture and literature of the twentieth century, Perm, 2000, 404 p. (In Russian).

Aliferenko E.I. The category of «provincial poet» in the artistic system of regional culture (on the problem of literary local history). *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* = Scientific notes of the Orel State University, 2022, no. 1 (94), pp. 59–62. (In Russian).

Gavrilov V.V. The conceptual sphere of the regional text (based on the lyrics of Yu. Shestalova). *Filologicheskii vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Philological Bulletin of Surgut State Pedagogical University, 2023, no. 1 (13), pp. 57–65. <https://doi.org/10.26105/PBSSPU.2023.13.1.006> (In Russian).

Kadochnikova I.S. The problem of social identity and national mentality in V. Frolov's lyrics. *Ural'skii filologicheskii vestnik* = Ural Philological Bulletin, 2014, no. 5, pp. 222–236. (In Russian).

Kodentseva S.S. Love lyrics by Alexey Prasolov. *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* = Current issues of modern philology and journalism, 2015, no. 3 (17), pp. 103–110. (In Russian).

Koychueva (Topalova) Z.K. Creative research in various genres by artists of Karachay-Cherkessia. *Nauchnyi zhurnal* = Scientific Journal, 2011, no. 29, pp. 66–67. (In Russian)

Kryukova O.S. Regional Literary centers of Russia: history and modernity. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* = Russia: trends and development prospects, 2022, no. 17–3, pp. 453–454. (In Russian).

Medvedeva A.R., Sem'yan T.F., Smyshlyaev E.A. Current trends in modern regional poetry (based on the creative work of Chelyabinsk poets). *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* = Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 2019, no. 2, pp. 166–174. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-2-166-174> (In Russian).

Pigareva V.E. The theme of love in the works of Chechen poets. *Filologiya i lingvistika* = Philology and Linguistics, 2016, no. 2 (4), pp. 7–9. (In Russian).

Polyakova L.V. The region as a source of creativity and an object of literary science. *Filologicheskaya regionalistika* = Philological regionalism, 2009, no. 1–2, pp. 21–27. (In Russian).

Proskuryakova K.S. The originality of N.D. Yushchenko's love lyrics. *Science Time*, 2014, no. 5, pp. 184–188. (In Russian).

Sebeleva A.V. The poetics of the genre of lyrical and philosophical miniature in the works of S. Lutsky. *Filologicheskii vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Philological Bulletin of Surgut State Pedagogical University, 2023, no. 1 (13), pp. 82–89. <https://doi.org/10.26105/PBSSPU.2023.13.1.003> (In Russian).

Sirotkina T.A. Regional text as an object of linguistic and literary local history. *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst* = Proceedings of the 11th

International Scientific Conference. Russian Speech Culture and Text, Tomsk, 2020, pp. 49–53. (In Russian).

Sytina A.V., Savitskaya T.A. The specifics of the implementation of the regional component in literature lessons in the Kaliningrad region. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kaliningradskiy vestnik obrazovaniya»* = Kaliningrad Bulletin of Education Scientific and Methodological Electronic Journal, 2024, no. 3 (23), pp. 77–84. Retrieved from: <https://koirojurnal.ru/realises/g2024/30sent2024/kvo307/> (In Russian).

V'yushkova I.G. Artistic originality of the poetic cycle “Checkmate” by O. N. Gulyaeva. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological Sciences. Issues of Theory and Practice, 2020, vol. 13, no. 11, pp. 9–13. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.2> (In Russian).

List of Sources

Chernyy S. The Satires, Moscow, 1992, 128 p. (In Russian).

Chernyy S. The setting. Selected poems. Detailed illustrated commentary, Moscow, 2021, 16 p. (In Russian).

Chernyy S. Urban romance: poems, short stories, St.-Petersburg, 2022, 416 p. (In Russian).

Esenin S.A. «I have only one thing left to amuse myself...»: Poems, poems, prose, St.-Petersburg, 2023, 800 p. (In Russian).

Lermontov M.Yu. Poems. A hero of our time, Moscow, 1978, 193 p. (In Russian).

Meľnik Ya.I. Moments of love. Literary and artistic publication, Neryungri, 2008, 408 p. (In Russian).

Shutin K. Poems. The manuscripts. Personal archive. (In Russian).

Zoshchenko M.M. Favourites, Moscow, 1990, 480 p. (In Russian).

ЛЮДИ. ФАКТЫ. СОБЫТИЯ

«ПОЗНАТЬ НАМ НАДОБНО НЕМАЛО...»: К 85-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПОЧЕТНОГО ПРОФЕССОРА АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА АЛЕКСЕЯ АНДРЕЕВИЧА ЧУВАКИНА

Т.В. Чернышова, И.А. Широких, Е.А. Савочкина

Ключевые слова: Алексей Андреевич Чувакин, «Филология и человек», концепции реформирования высшего филологического образования в классических университетах России, Алтайский государственный университет, филология и коммуникативные науки

Keywords: Alexey Andreevich Chuvakin, “Philology & Human”, concepts of reforming higher philological education in classical universities of Russia, Altai State University, philology and communication sciences

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)2–15](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)2–15)

26 марта свое 85-летие отметил почетный профессор АлтГУ Алексей Андреевич Чувакин — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, прекрасный педагог, талантливый исследователь, успешный организатор, многие годы возглавлявший филологический факультет АлтГУ, а затем кафедру, главный редактор журнала ВАК «Филология и человек», созданного по его инициативе вузами Алтая в 2006 г., а ныне — член редакционного совета журнала, который в текущем году отметил свое двадцатилетие. Алексей Андреевич Чувакин внес неоценимый вклад в разви-

тие отечественного филологического образования. Он стал одним из авторов концепций реформирования высшего филологического образования в классических университетах России, участвовал в состав-

лении Государственных образовательных стандартов и документальном обеспечении образовательного процесса по направлению и специальности «Филология» в университетах России (Чувакин, 1993; 1999; 2006), многие годы возглавлял диссертационный совет по филологическим наукам при АлтГУ.

Доктор филологических наук, профессор Алексей Андреевич Чувакин начал работать в Алтайском университете с 1975 г. и оставался верным своему выбору и своей профессии почти полвека.

В одном из интервью в ответ на вопрос журналиста: «А как вы пришли на работу в АлтГУ?», Алексей Андреевич ответил:

«Я учился в Бийске, работал в институте до и после аспирантуры. А как я попал в АлтГУ? Ситуация сложилась таким образом: однажды профессор И.А. Воробьева приехала в составе комиссии крайкома партии для проверки БиГПИ. Ида Александровна посетила мою лекцию по синтаксису современного русского языка и после нее произнесла примерно такую фразу: „Можно, я не буду разбирать вашу лекцию, а просто приглашу Вас на работу на свою кафедру?“ Вот так я попал в АлтГУ. Мне очень приятно об этом вспомнить» [Алексей Андреевич Чувакин: «Тогда мы были молодыми...». За науку. 1998. № 3].

Алексей Андреевич в 2006 г. создал и долгие годы руководил ведущим научно-педагогическим коллективом «Филологическое исследование коммуникации», был научным руководителем лаборатории коммуникативистики и риторики филологического факультета АлтГУ, научно-образовательного центра филологических исследований коммуникации (совместно с Институтом филологии СО РАН). По его инициативе и при его руководящем участии был создан международный научный семинар «Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия» с участием специалистов Республики Казахстан и ряда ведущих вузов России. При активном участии А.А. Чувакина создан научно-исследовательский центр-музей В.М. Шукшина (при АлтГУ и краевом, ныне — государственном, Музее истории литературы, искусства и культуры Алтая), который обеспечивал работы по подготовке энциклопедического словаря-справочника «Творчество В.М. Шукшина».

А.А. Чувакин осуществлял успешное руководство несколькими научными и образовательными проектами, в том числе международными [Фигура речи. За науку. 9.04.2026]:

2004–2007 гг. — руководитель, научный редактор, автор ряда статей энциклопедического словаря-справочника «Творчество В.М. Шукшина» : в 3-х т. Барнаул, 2004–2007 (при поддержке РФНФ, грант № 96–04–06090). Авторский коллектив словаря-справочника награжден дипло-

мом «Лучшая книга Алтая — 2007» [Творчество В.М. Шукшина, 2004; 2006; 2007].

1997–2017 гг. — научный / ответственный редактор ряда продолжающихся изданий: «Человек — коммуникация — текст : сб. статей». Барнаул, 1997–2007; «Филолого-коммуникативные исследования: международный ежегодник». Барнаул, 2014–2017 (совм. с И.В. Силантьевым) [Филолого-коммуникативные исследования, 2014; 2015; 2016; 2017];

2006–2017 гг. — научный руководитель лаборатории коммуникативистики и риторики; 2009 г. — член редакционной коллегии издания «В. М. Шукшин. Собрание сочинений» : в 8 т. [Шукшин В.М. Собрание сочинений, 2009].

2013–2017 гг. — руководитель международного научного семинара «Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия» (совместно с зав. кафедрой) [Чувакин, 2020; Теория текста, 2021; Чувакин, 2021a];

2018 г. — руководитель российско-казахстанского проекта, подготовленного совместно с Евразийским национальным университетом имени Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан), в результате которого вышло в свет электронное издание «Риторика. Учебная книга для магистратуры по направлению / специальности „Филология“ в вузах России и Казахстана» [Риторика..., 2018].

Алексей Андреевич — автор более 370 научных работ — статей, монографий, словарных изданий и учебных пособий с грифом УМО [Труды Почетного профессора Алтайского государственного университета Алексея Андреевича Чувакина, 2021]. Под его руководством в русле научной школы филолого-коммуникативных исследований подготовили и защитили кандидатские и докторские диссертации 40 исследователей, воплощающих свои теоретические и практические знания в образовательной, культурной, лингвоэкспертной и других сферах деятельности Алтайского края и России в целом.

В день славного юбилея УЧИТЕЛЯ ученики Алексея Андреевича прислали ему свои поздравления и поделились своими воспоминаниями.

Широких Ирина Алексеевна, к. филол. н., доцент АлтГУ; в 2004 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Опыт эвокационного анализа бытийной семантики в тексте (на материале романа J. Galsworthy “A Modern Comedy” и его перевода):

«Бытийный тип предложений заключает в себе глубокое философское начало: бытие — форма существования всего, что есть (существует) в мире, кроме того, идея бытия неразрывно связана с идеей пространства и идеей времени. Именно такими сложными, но универсальными понятиями в далеком теперь уже 2000 г. мне предложил заниматься профессор Алексей Андреевич Чувакин, мой научный руководитель. Наверное, состояние замешательства, страха, паники знакомо всем аспирантам первого года обучения. Только годы спустя мы начинаем осознавать, насколько мудрым, прозорливым и думающим на перспективу должен быть человек, который берет на себя ответственность, в некоторой степени, определить будущее своего ученика. Мне повезло. У меня был именно такой УЧИТЕЛЬ!..

Должна признаться, что теорию синтаксиса я познавала на лекциях Алексея Андреевича Чувакина вместе со своими студентами. Обучение на факультете иностранных языков не предполагало глубокого изучения синтаксиса, что мне было необходимо при написании диссертационной работы. Так что мне „пришлось принять приглашение“ Алексея Андреевича и ходить на его лекции вместе со своими студентами направления зарубежной филологии. И это было здорово: с одной стороны, через 10 лет после окончания университета вновь стать студентом, с другой, понимать не только структурный и семантический синтаксис, но и то, КАК ЧИТАТЬ ЛЕКЦИЮ, чтобы аудитория в 50 человек внимательно слушала тебя. Еще я училась тому, КАК ПРЕПОДНЕСТИ СЛОЖНЫЙ МАТЕРИАЛ студентам, чтобы он стал понятен. ... Мне бы хотелось закончить краткий обзор направлений, которые стали нашими общими интересами с Алексеем Андреевичем Чувакиным, таким речевым жанром, как БЛАГОДАРНОСТЬ. Коммуникативная цель которого — осуществление предусмотренного этикетом поступка в социальной сфере, выражение чувства говорящего, вызванного сделанным ему добром. Добра Алексей Андреевич сделал очень много не только мне, но и всем своим студентам, магистрантам и аспирантам. Моя благодарность предопределена не столько этикетом, сколько искренними чувствами, которые начинаешь понимать все лучше. А время, проведенное за обсуждениями, спорами, согласиями и несогласиями, начинаешь ценить все выше...»

Саланина Ольга Сергеевна, к. филол. н., заведующая кафедрой лингвистики, перевода и иностранных языков АлтГУ. В 2005 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Абзазирование вторичного текста как проблема общей теории текста (эвокационное исследование)»:

«Алексей Андреевич является безусловным авторитетом для студентов, которым посчастливилось в свое время учиться на филологическом факультете АлтГУ. И тем более для его аспирантов. В начале 2000-х мы не слышали о цифровых технологиях, много времени проводили в библиотеках, диссертации копировались на дискеты, а защиты записывались на кассеты. Зато было общение с настоящим вузовским профессором, и это время мы часто вспоминаем с определенной долей ностальгии.

Помню, какими тяжелыми были первые месяцы обучения в аспирантуре. Приходилось очень много читать, разбираться в терминологии, вникать в тему исследования. Но Алексей Андреевич всегда грамотно направлял нас, приносил из собственной библиотеки нужные нам монографии. Никогда не забудем его интереснейшие лекции и аспирантские семинары.

Алексей Андреевич очень бережно относился к своим аспирантам: с одной стороны, был требовательным, ставил перед нами четкие задачи и сроки, а с другой стороны, всегда был внимательным, уважал наше мнение (правда, учил нас тому, что любое мнение должно быть основано на фактах). Тем самым как-то незаметно формировал и наш характер. Его аспиранты — особенные люди. Если слышишь, что у кого-то научным руководителем был Алексей Андреевич Чувакин, то знаешь точно, что на его ученика всегда можно положиться».

Савочкина Елена Александровна, к. филол. н., доцент кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков АлтГУ. Кандидатскую диссертацию по теме «Лингвоэвokedационное исследование жанра юридического триллера (на материале романа J. Grigam “The Runaway Jury” и его перевода на русский язык)» защитила в 2007 г.:

«Я пришла в аспирантуру примерно в 2004 г. к Алексею Андреевичу Чувакину. Звезды сошлись — мы занимались коммуникативистикой. У Алексея Андреевича все было продумано, размеренно, спокойно: без давления, „кнута и пряника“. Он отличался исключительной тактичностью: никогда не повышал голос, не подгонял. Спокойно и мягко направлял в нужное русло, не давал „уйти в тень“, потерять темп. При этом всегда готовый помочь. Рядом с ним возникало ощущение ответственности — его не хотелось подвести. Относились к нему с глубоким уважением.

Алексей Андреевич — профессор в классическом смысле этого слова. Тот самый типаж, который часто можно увидеть в фильмах и книгах. Это не скучный и грузный теоретик, а статный, ухоженный, краси-

вый мужчина в галстук. Чем-то напоминал Алена Делона. Они, кстати, были тогда примерно одного возраста. Относился к нам по-отечески, а мы гордились, что у нас именно такой научный руководитель. В то время Алексей Андреевич занимался исследованиями дискурса и теорией текста, развивал собственную теорию эвокации, которой была посвящена его докторская диссертация. Многие его ученики продолжили работать в этом направлении.

Тогда был популярен Джон Гришэм, выходило много его романов на английском языке. И мы выбрали тему кандидатской диссертации „Лингвоэвокационное исследование жанра юридического триллера на материале романа Джона Гришэма и его перевода на русский язык“.

Научная школа Алексея Андреевича связана с коммуникативистикой — взаимодействием между автором и воспринимающей аудиторией. Аспирантура формально не предполагала обязательного посещения занятий. Однако Алексей Андреевич и Татьяна Владимировна Чернышова все равно проводили аспирантские семинары один-два раза в месяц. На них мы обсуждали работу над кандидатскими диссертациями, учились друг у друга. Эта практика оказалась полезной — по-настоящему сдружились со всеми молодыми учеными нашего курса. Студенты буквально внимали его словам. У Алексея Андреевича была великодушная риторика: он словно находился в постоянном движении между доской и аудиторией, всегда на ногах. Он говорил, что стоит только сесть — и тут же теряешь половину внимания.

Отличительная черта Алексея Андреевича — его фееричная подпись. Она занимала почти весь лист формата А4: крупная, размашистая, красивая. Настоящая рука учителя! Запомнился и другой момент: когда долго и усердно работаешь над текстом, начинаешь верить, что все получилось блестяще... А затем Алексей Андреевич проводит фигурную скобку на всю страницу и пишет: „И что?“ Это мгновенно возвращало на землю и помогало понять, что всегда есть куда расти.

Есть и еще одно важное воспоминание — неизменное уважение к студентам. Запомнилось безукоризненное обращение ко всем на „вы“, полное отсутствие высокомерия и, конечно, мастерство ведения лекций».

Клинк Евгения Игоревна, к. филол. н, выпускница магистратуры филофака АлтГУ, преподаватель английского языка в онлайн-школе «Яндекс.Практикум». Кандидатскую диссертацию по теме «Коммуникативное моделирование жанра имиджевой статьи: на материале газетно-журнальных текстов на русском языке» защитила в 2014 г.:

«Сегодня, оглядываясь на пройденный путь становления в науке, я испытываю особое чувство благодарности, обращенное к моему Учителю — доктору филологических наук, профессору, основателю алтайской школы коммуникативистики Алексею Андреевичу Чувакину. Моя кандидатская диссертация — это прямое продолжение и развитие тех идей, которые пронизывают его научную школу и всю его многолетнюю деятельность. Алексей Андреевич не просто передал мне знания — он открыл для меня мир настоящей, большой науки, где царит дух интеллектуальной свободы и творческого поиска. Его научная школа, алтайская школа коммуникативистики, объединила вокруг себя десятки исследователей не только из России, но и из Казахстана, Китая и других стран. Быть частью этой школы — огромная честь. Я бесконечно благодарна профессору Чувакину за его мудрое наставничество, за ту поддержку и веру в мои силы, которые он давал мне на всех этапах работы. Именно его внимание к деталям, его способность увлечь идеями и его уникальный дар видеть перспективу в, казалось бы, уже изученных вопросах помогли мне завершить исследование и успешно защитить кандидатскую диссертацию.

Спасибо Вам, Алексей Андреевич, за Ваш труд, за Ваше время, за поддержку и за ту высокую планку научной мысли, к которой Вы помогли нам прикоснуться и которую теперь мы стремимся держать не только в работе, но и в жизни!»

Медведев Сергей Алексеевич, выпускник кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка АлтГУ, к. филол. н., ныне эксперт-лингвист ЭКЦ МВД России по Алтайскому краю. Защищал в 2019 г. кандидатскую диссертацию по теме «Лингвотипологическое исследование жанра интернет-рецензии (на материале русскоязычного портала Проза.ру)»:

«Алексей Андреевич открыл для меня путь в науку, когда я был еще на первом курсе бакалавриата. Тогда я слабо представлял себе, что такое и наука вообще и интернет-коммуникация в частности, но Профессор смог разглядеть перспективу в направлении моей мысли и уже тогда задал курс моим исследованиям. Его чуткое руководство и наставничество, совмещенные с искренней поддержкой и тактом, позволили мне не только в конечном счете защитить кандидатскую диссертацию, но и научиться думать, смотреть на текст с разных точек зрения, не теряя при этом фокус и понимание того, что важно именно сейчас, в рамках данной работы, в рамках данных условий. Именно эти навыки, возвращенные Алексеем Андреевичем, помогают мне сейчас в моей ра-

боте, а его качества настоящего наставника раз за разом предстают для меня той ценностью, к обладанию которой я продолжаю стремиться.

Долгих лет и благополучия желаю я Алексею Андреевичу с чувством искренней и безграничной благодарности!»

Коллективы кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка АлтГУ, Института гуманитарных наук и редколлегии журнала «Филология и человек» искренне, с большим уважением и благодарностью присоединяются к поздравлениям учеников. Желаем Алексею Андреевичу крепкого здоровья и долгих счастливых и творческих лет жизни!

Библиографический список

Алексей Андреевич Чувакин: «Тогда мы были молодыми...». За науку. 1998. № 3. Электронный ресурс https://www.asu.ru/univer_about/new_history/memoires/chuvakin/

Чувакин А.А. и др. Направление «Филология». Концепция многоуровневого высшего филологического образования // Структура и содержание образовательно-профессиональных программ базового уровня университетского образования (Бакалавриат): Программы гуманитарных факультетов. М., 1993. С. 3-9.

Творчество В.М.Шукшина: энциклопедический словарь-справочник : в 3 т. Т. 1: Филологическое шукшиноведение. Личность В.М. Шукшина. Язык произведений В.М. Шукшина / АлтГУ, Администрация Алтайского края (Барнаул), Комитет администрации Алтайского края по культуре и туризму ; ред.: А.А. Чувакин, В.А. Чеснокова. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. 332 с.

Творчество В.М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник : в 3 т. Т. 2: Эстетика и поэтика прозы В.М. Шукшина. Мотивы и символы творчества В.М. Шукшина. Диалог культур / АлтГУ, Администрация Алтайского края (Барнаул), Комитет по культуре и туризму ; ред. А.А. Чувакин [и др.]. Барнаул: Изд-во АлтГУ. 2006. 290 с.

Творчество В.М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник : в 3 т. Т. 3: Интерпретация художественных произведений В.М. Шукшина. Публицистика В.М. Шукшина / АлтГУ, Администрация Алтайского края (Барнаул), Управление по культуре ; ред. А.А. Чувакин [и др.]. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. 360 с.

Теория текста : учебное пособие / Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова, Л.М. Комиссарова; под ред. А.А. Чувакина. 5-е изд., стер. М.: ФЛИНТА,

2021. 224 с. Электронное издание <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=57627>. ISBN 978–5–9765–0841–5. Текст : электронный.

Труды Почетного профессора Алтайского государственного университета Алексея Андреевича Чувакина: биобиблиограф. указ. / Алтайский государственный университет, Научная библиотека; сост.: А.А. Чувакин, Т.В. Щербакова, Т.В. Лакиза. 2-е изд., перераб. и доп. Барнаул: АлтГУ, 2021. 1 CD-R (1,5 Мб). Систем. требования: Intel Pentium 1,6 GHz и более; 512 Мб (RAM); Microsoft Windows 7 и выше; Adobe Reader. — Загл. с титул. экрана. Текст : электронный.

Фигура речи. За науку. 9.04.2026. Электронный ресурс <https://zn.asu.ru/2026/figura-rechi/>

Филолого-коммуникативные исследования: ежегодник — 2014 / науч. ред. А.А. Чувакин, И.В. Силантьев; отв. ред. Ю.В. Трубникова. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. 289 с.

Филолого-коммуникативные исследования: ежегодник — 2015 / АлтГУ ; отв. ред. Ю.В. Трубникова. Барнаул: АлтГУ, 2016. 1 эл. опт. диск (CD-ROM). ISSN 2410–1958. № гос. регистрации 0321700400.

Филолого-коммуникативные исследования: ежегодник — 2016 / АлтГУ. Барнаул: АлтГУ, 2016. 1 эл. опт. диск (CD-ROM). № гос. регистрации 0321604004.

Филолого-коммуникативные исследования. Электронное издание : ежегодник-2017 / АлтГУ ; редкол.: И.Ю. Качесова (отв. ред.) и др. Барнаул: АлтГУ, 2017. 1 эл. опт. диск (DVD). № гос. регистрации 0321704289.

Чувакин А.А. Заметки об объекте современной филологии // Человек — коммуникация — текст : сб. ст. Барнаул: АлтГУ, 1999. Вып. 3. С. 3–11.

Чувакин А.А. Курс основ филологии: к проблеме модернизации высшего филологического образования // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2006. № 2. С. 123–134. (Проблемы университетского образования в России).

Чувакин А.А. и др. Направление «Филология». Концепция многоуровневого высшего филологического образования // Структура и содержание образовательно-профессиональных программ базового уровня университетского образования (Бакалавриат): Программы гуманитарных факультетов. М., 1993. С. 3–9.

Чувакин А.А. Филолого-коммуникативные исследования: избранные труды : сб. науч. тр. М.: ФЛИНТА, 2020. 860 с. Режим доступа: по подписке: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=718906>. ISBN 978–5–9765–4371–3. Текст электронный.

Чувакин А.А. Основы филологии : уч. пособие / под ред. А.И. Куляпина. 4-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2021. 240 с. Режим доступа: по подписке. Электронный ресурс: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=69125> (ISBN 978-5-9765-0939-9. Текст электронный).

Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 8 т. / под общ. ред. О.Г. Левашовой. Барнаул: Издательский Дом «Барнаул», 2009. 3372 с.

References

Aleksey Andreevich Chuvakin: “We were young then...”. For Science. 1998, no. 3. Retrieved from: https://www.asu.ru/univer_about/new_history/memoires/chuvakin/ (In Russian).

Chuvakin A.A. Fundamentals of Philology: a tutorial, ed. by A. I. Kulyapin, Moscow, 2021. 240 p. Retrieved from: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=69125>, ISBN 978-5-9765-0939-9 (In Russian).

Chuvakin A.A. Notes on the object of modern philology. *Chelovek — Kommunikatsiya — Tekst* = Human — Communication — Text: coll of articles, Barnaul, 1999, iss. 3, pp. 3-11. (In Russian).

Chuvakin A.A. Philological and Communicative Research: Selected Works: Coll. of Scientific Papers, Moscow, 2020, 860 p. Access mode: by subscription <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=718906>. ISBN 978-5-9765-4371-3. (In Russian).

Chuvakin A.A. A Course in Philology Fundamentals: Toward the Problem of Modernizing Higher Philological Education. *Vestnik Moskovskogo universiteta* = Bulletin of Moscow University, ser. 9, Philology, 2006, no. 2, pp. 123-134. (In Russian).

Chuvakin A.A. et al. Philology. The Concept of Multi-Level Higher Philological Education. *Struktura i soder-zhaniye obrazovatel'no-professional'nykh programm bazovogo urovnya universitetskogo obrazovaniya (Bakalavriat): Programmy gumanitarnykh fakul'tetov* = The Structure and Content of Basic-Level Educational and Professional Programs in University Education (Bachelor's Degree): Programs of Humanities Faculties, Moscow, 1993, pp. 3-9. (In Russian).

Figure of speech. For science. April 9, 2026. Retrieved from: <https://zn.asu.ru/2026/figura-rechi/> (In Russian).

Philological and Communicative Studies: Yearbook — 2014, scientific ed. A.A. Chuvakin, I.V. Silantyev; responsible editor Yu.V. Trubnikova, Barnaul, 2014, 289 p. (In Russian).

Philological and Communicative Studies: Yearbook — 2015, Altai State University; responsible ed., Yu.V. Trubnikova. Barnaul, 2015. ISSN 2410-1958, state registration number 0321700400. (In Russian).

Philological and Communicative Studies: Yearbook — 2016, Altai State University. Barnaul: Altai State University, 2016, state registration number 0321604004. (In Russian).

Philological and communicative studies: Electronic publication: yearbook-2017, Altai State University; ed. I.Yu. Kachesova, Barnaul, 2017, state registration number 0321704289. (In Russian).

Shukshin V.M. Collected Works: in 8 vols, ed. by O.G. Levashova. Barnaul, 2009. 3372 p. (In Russian).

Text Theory: a study guide: Yu.N. Zemskaya, I.Yu. Kachesova, L.M. Komissarov; ed. A.A. Chuvakin, Moscow, 2021. 224 p. ISBN 978-5-9765-0841-5. (In Russian).

The Works of V.M. Shukshin: An Encyclopedic Dictionary and Reference Book, in 3 vols, vol. 2: Aesthetics and Poetics of V.M. Shukshin's Prose. Motifs and Symbols of V.M. Shukshin's Works. Dialogue of Cultures, Altai State University, Altai Krai Administration (Barnaul), Committee for Culture and Tourism; ed. A.A. Chuvakin et al., Barnaul, 2006. 290 p. (In Russian).

The Works of V.M. Shukshin: An Encyclopedic Dictionary and Reference. In 3 vols, vol 1: Philological Shukshin Studies. The Personality of V.M. Shukshin. The Language of V.M. Shukshin's Works, Altai State University, Altai Krai Administration (Barnaul), Altai Krai Administration Committee for Culture and Tourism; ed. by A.A. Chuvakin, V.A. Chesnokova. Barnaul, 2004. 332 p. (In Russian).

The Works of V.M. Shukshina: an encyclopedic dictionary and reference book, in 3 vols., vol 3: Interpretation of V.M. Shukshin's works of fiction. Publicism by V. M. Shukshin, Altai State University, Administration of Altai Krai (Barnaul), Department of Culture; ed. A.A. Chuvakin et al., Barnaul, 2007, 360 p. (In Russian).

Works of Aleksey Andreevich Chuvakin, Honorary Professor of Altai State University: biobibliographic index. Altai State University, Scientific Library; compiled by: A.A. Chuvakin, T.V. Shcherbakova, T.V. Lakiza, revised and enlarged. Barnaul, 2021. (In Russian).

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Ю. Е. Камер, Н. Н. Шпильная. Текст закона в контексте неофициального толкования. Статья посвящена сравнительному анализу особенностей интерпретации текста закона носителями языка, имеющими специальные (лингвистические или юридические) познания (экспертами-лингвистами и учеными-юристами), и рядовыми носителями языка (студентами). Основной акцент в исследовании сделан на сопоставительном изучении проявлений разновидностей неофициального толкования (доктринальное (научное), профессиональное и обыденное) текста закона. Материал исследования — фрагмент статьи Федерального закона «О рекламе», интерпретирующие данный фрагмент тексты (текст лингвистического экспертного заключения и тексты юридических комментариев к закону) и данные лингвистического эксперимента (результаты опроса, проведенного среди студентов). Цель исследования — изучение вариативности неофициальной (профессиональной, доктринальной и обыденной) интерпретации текста закона и верификация предположения о том, что неоднозначно интерпретируемый носителями языка, имеющими специальные познания, текст закона будет неоднозначно понят и рядовыми носителями языка. Результаты исследования показывают, что текст закона неоднозначно интерпретируется рядовыми носителями языка.

Yu. E. Kamer, N. N. Shpilnaya. The Text of the Law in The Context Informal Interpretation. The article is devoted to a comparative analysis of the peculiarities of interpretation of the text of the law by native speakers with specialized (linguistic or legal) knowledge (linguistic experts and legal scholars) and ordinary native speakers (students). The main focus of the study is on a comparative study of the manifestations of varieties of unofficial interpretation (doctrinal (scientific), professional and ordinary) of the text of the law. The research material consists of a fragment of an article of the Federal Law “On Advertising”, some texts, interpreting this fragment (the text of the linguistic expert opinion and the texts of legal comments on the law) and data of a linguistic experiment (the results of a survey, conducted among students). The purpose of the article is to study the variability of informal (professional, doctrinal and ordinary) interpretation of the text of the law and verify the assumption that the text of the law, ambiguously

interpreted by native speakers with special knowledge, will be misunderstood by ordinary native speakers. The results of the study show that the text of the law is ambiguously interpreted by ordinary native speakers.

В. И. Тармаева, Г. Цоглхагва. Бытовая лексика баргузинского говора потомков баргутов Республики Бурятия. Цель данной статьи — исследование особенностей бытовой лексики потомков баргутов Баргузинского и Курумканского районов Республики Бурятия. Материал исследования — результаты полевых экспедиций в Баргузинский и Курумканский районы Бурятии, осуществленных в 2014 г., а также словарь диалектных слов и устойчивых сочетаний баргузинского (гипотетически потомков баргутов) говора, лексика которого собрана учителями бурятского языка средних школ Баргузинского и Курумканского районов. В результате исследования установлено, что лексемы баргузинского говора можно определить как лексемы социального говора, поскольку представители старшей возрастной группы, считающие себя баргутами, употребляют их в речи. Выявлено, что слова, номинирующие предметы быта в баргузинском говоре, а также бытовая лексика баргузинского говора объединены в лексико-семантические группы парадигматического типа. Установлено, что она состоит из ряда лексико-семантических групп. Выявлено, что в повседневной сфере общения бытовая лексика баргузинского говора используется ситуативно. Предварительные исследования показали, что бытовая лексика исследуемого говора в основном совпадает с повседневной лексикой баргутского диалекта Монголии и Китая.

V. I. Tarmaeva, G. Tsoglikhagva. Everyday Vocabulary of the Barguzin Dialect of the Descendants of the Barguts of the Republic of Buryatia. The purpose of this article is to study the characteristics of everyday vocabulary of the descendants of the Barguts in the Barguzinsky and Kurumkansky districts of the Republic of Buryatia. The research material is based on the results of field expeditions to the Barguzinsky and Kurumkansky districts of Buryatia, conducted in 2014, as well as the data of the dictionary of dialectal words and set expressions of the Barguzin dialect (hypothetically descended from the Barguts). Its vocabulary was collected by Buryat language teachers in secondary schools in the Barguzinsky and Kurumkansky districts. The study found that some lexemes of the Barguzin dialect can be defined as lexemes of a social dialect, as representatives of the older age group, who identify themselves as Barguts, and use these words in their speech. The results show that words denoting everyday objects in the Barguzin dialect, as well as the rest everyday vocabulary of the Barguzin dialect, are grouped

into lexical-semantic groups of the paradigmatic type. It has been established that it is represented by a number of lexical and semantic groups. In everyday communication, the colloquial vocabulary of the Barguzin dialect is used situationally. Preliminary research has shown that the colloquial vocabulary of the dialect under study largely coincides with the everyday vocabulary of the Bargut dialect of Mongolia and China.

Е. П. Панченко, Т. В. Чернышова. Способы актуализации категории темпоральности в плакатных текстах Великой Отечественной войны. Цель данной статьи, посвященной результатам исследования плакатных текстов Великой Отечественной войны, — описание поля темпоральности с позиции семантических категорий, разработанных в функциональной грамматике, а также с учетом текстовой природы исследуемого материала. Материал исследования — плакатные тексты двух лет войны: 1941 и 1945 гг., размещенные в электронных фондах Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина (Санкт-Петербург). Для исследования материала использован комплексный анализ, содержащий приемы полевого моделирования «текстовой сетки» для описания структур плакатного текста, позволяющие перейти от формы текста к его смысловому содержанию; приемы интерпретационного, структурно-логического, лексико-грамматического анализа, а также приемы сопоставительного анализа вербальных и визуальных компонентов в структуре креолизованного плакатного текста. В результате исследования выделено три параметра категории темпоральности, актуальных для плакатных текстов периода Великой Отечественной войны, на основе которых сгруппированы следующие группы текстов: темпорально статичные / динамичные, векторно направленные, политемпоральные.

Ye. P. Panchenko, T. V. Chernyshova. Methods of Actualizing the Category of Temporality in Poster Texts of the Great Patriotic War. The purpose of this article devoted to the results of the study of poster texts from the Great Patriotic War is to describe the field of temporality from the perspective of semantic categories developed in functional grammar, as well as to take into account the textual nature of the material under study. The research material consists of poster texts from two war time years (1941 and 1945) available in the electronic collections of the Presidential Library in St. Petersburg. The study of the material utilized a comprehensive analysis, incorporating techniques of field modeling of the “text grid” for describing the structures of poster texts, allowing for the transition from the text’s form to its semantic content; techniques of interpretative, structural-logical,

lexical-grammatical analysis; as well as techniques of comparative analysis of verbal and visual components in the structure of creolized poster texts. As a result of the study three parameters of the category of temporality were identified that are relevant for poster texts of the Great Patriotic War period on the basis of which the following groups of texts were classified: temporally static/dynamic, vector-directed, polytemporal.

С. С. Степанов. Этнокультурные характеристики социальной репрезентации (на материале газетных статей и текстов выступлений Б. Писториуса). В настоящей статье рассматриваются этнокультурные характеристики социальной репрезентации образов *русского* и *немца* в германоязычном военно-политическом дискурсе. Автор исходит из предположения, что медийные и политические тексты не только фиксируют оценки и интерпретации, но и формируют устойчивые ценностно-образные схемы, влияющие на коллективное восприятие «своего» и «чужого». Особое внимание уделяется механизмам смещения доминирующих ценностей в условиях международной турбулентности. В качестве материалов взяты тексты газетных изданий переломных моментов германской и европейской истории, стенограммы публичных выступлений министра обороны ФРГ. Методами исследования послужили сравнительный анализ и контент-анализ. Результаты анализа демонстрируют динамику образов *русского* и *немца* и показывают, что в современной риторике военно-политического руководства Германии формируется репрезентация страны как «щита Европы». Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных выводов для выявления стратегий ценностной перенастройки этнических нарративов в институциональном дискурсе.

S. S. Stepanov. Ethnocultural Characteristics of Social Representation (Based on German Newspaper Articles and Speeches of B. Pistorius). This article examines ethnocultural characteristics of the social representation of the images of the Russian and the German in German-language military-political discourse. The author proceeds from the assumption that media and political texts do not only record evaluations and interpretations but also construct stable axiological and image patterns that shape the collective perception of the “one’s own” and the “other.” Particular attention is paid to the mechanisms by which dominant values are displaced under conditions of international turbulence. The empirical material comprises newspaper texts about turning points in German and European history, as well as transcripts of public speeches by the Federal Minister of Defense of Germany. The study employs comparative analysis and content analysis. The results show

the development of the images of the Russian and the German and indicate that contemporary rhetoric of Germany's military-political leadership constructs a representation of the country as the "shield of Europe." The practical importance of the study lies in the implementation of the results to identifying strategies of value-based recalibration of ethnic narratives in institutional discourse.

А. О. Полякова. Принципы систематизации параметров представления иноязычных заимствований на современных онлайн-ресурсах. Статья описывает ключевые особенности составления электронных словарей в эпоху цифровизации. Цель исследования — выявление и систематизация параметров представления иноязычных заимствований на современных лексикографических онлайн-ресурсах. Материалом исследования послужили 8 словарных баз данных русского языка, имеющиеся в свободном доступе в сети Интернет. Приведено описание результатов комплексного анализа более 400 электронных словарных статей. В ходе обзора научной литературы определены структурные аспекты, регулирующие содержательную и функциональную наполняемость ресурсов. Для исследования материала использован структурно-функциональный анализ с элементами сопоставительного и компонентного анализа. Основным результатом исследования является формирование параметров представления иноязычных заимствований, предполагающих обязательные, рекомендуемые и опциональные компоненты построения онлайн-словарей. В статье предложен унифицированный список параметров представления иноязычных слов для его возможного дальнейшего использования при разработке новых и обновлении имеющихся цифровых лексикографических ресурсов.

A. O. Polyakova. Principles of Systematizing the Parameters of the Foreign Language Borrowings Presentation on Modern Online Resources. The article describes the key characteristics of compiling electronic dictionaries in the era of digitalization. The aim of the study is to identify and systematize the parameters, governing the presentation of foreign-language borrowings in contemporary lexicographic online resources. The research material includes eight Russian-language dictionary databases freely accessible via the Internet. The article presents the findings of an analysis of over 400 electronic dictionary entries. A review of current research literature provides the identification of structural aspects that regulate the content and functional features of electronic resources. To study the material, structural-functional analysis with elements of comparative and component analysis was used. The principal outcome of the study is a classification

of parameters for the representation of foreign-language borrowings, comprising mandatory, recommended, and optional components for the creation of online dictionaries. The article offers a unified list of parameters for the representation of foreign words for its possible further use in the development of new and updating existing digital lexicographic resources.

Ю. С. Багрова. Основные компоненты мотивационного текста коуча. В статье анализируется структура коучингового мотивационного выступления как жанра публичной речи, направленного на формирование лидерской позиции и стимулирование профессионального и личностного роста адресата. Цель исследования заключается в описании структурно содержательных компонентов мотивационного текста и связанных с ними речевых тактик. Материалом послужила книга Ш. Сандберг «Lean In: Women, Work, and the Will to Lead», репрезентирующая коучинговый дискурс для женщин-лидеров. Применены теоретико-аналитический обзор, терминологическое уточнение, структурно-композиционный и прагмалингвистический анализ, а также типологизация стратегий и тактик. Установлена типовая композиция текста, включающая вступление, основную часть и заключение, и выявлена ее корреляция с тактиками установления контакта, проблематизации, аргументации, моделирования поведения и побуждения к действию; определены характерные языковые средства их реализации.

Yu. S. Bagrova. Key Components of a Coach's Motivational Text. The article examines the structure of a coaching motivational speech as a genre of public discourse aimed at shaping a leadership stance and fostering the addressee's professional and personal development. The study describes the text's key structural and content components and the speech tactics related to them, based on Sheryl Sandberg's *Lean In: Women, Work, and the Will to Lead*. Methods include theoretical review, terminological clarification, structural and compositional analysis, and pragma-linguistic analysis. The results identify a typical three-part structure (introduction, main body, conclusion) and its correlation with tactics of rapport building, problematization, argumentation, behavior modeling, and calls to action, as well as the linguistic devices that realize these tactics.

Е. В. Михайловская, Т. О. Лебедева. Британская неоготическая проза: лингвистические параметры жанра (на материале романа С. Перри «Мельмот»). Статья посвящена исследованию лингвистических параметров британской неоготической прозы на материале романа Сары Перри «Мельмот». Актуальность работы обусловлена устойчи-

вым интересом современной филологии к трансформации готической традиции в современной литературе и к языковым механизмам формирования жанровых эффектов. Цель исследования заключается в выявлении лексических, синтаксических и нарративных средств, формирующих эффект саспенса и определяющих жанровую специфику неоготического текста. Методическая база исследования включает интегративный подход, сочетающий методы литературоведческого анализа, нарратологии, лингвостилистики и когнитивной поэтики. Особое внимание уделяется анализу дейктических проекций, эпистемической модальности, сенсорной и телесной лексики, а также синтаксической и пунктуационной организации текста. Установлено, что эффект саспенса формируется через взаимодействие композиционных, лексических и синтаксических средств — ретардации, внутренней фокализации, протяженных абзацев и сенсорных дескрипторов. Делается вывод, что роман С. Перри является образцом постмодернистской неоготики.

E. V. Mikhailovskaya, T. O. Lebedeva. British Neo-Gothic Prose: Linguistic Parameters of the Genre (on Sarah Perry's *Melmoth*). This article examines linguistic parameters of British neo-Gothic prose based on Sarah Perry's novel *Melmoth* (2018). The study addresses the transformation of the Gothic tradition in contemporary literature and explores the linguistic mechanisms that produce suspense in neo-Gothic narrative. The aim of the research is to identify lexical, syntactic and narrative devices that shape the genre-specific features of neo-Gothic discourse. The methodological framework combines literary analysis, narratology, linguistic stylistics and cognitive poetics. Particular attention is paid to deictic projections, epistemic modality, sensory and corporeal vocabulary, as well as syntactic and punctuation organization of the text. The analysis shows that suspense in Perry's novel emerges from the interaction of compositional and linguistic strategies, including extended paragraph structures, retardation, internal focalisation and sensory description. The study concludes that *Melmoth* represents a form of postmodern neo-Gothic prose in which classical Gothic techniques are reinterpreted within a contemporary narrative framework.

Сунь Имань. Проблема телесности в замятиноведении: история изучения и исследовательские подходы. В статье рассматривается проблема телесности в замятиноведении в историко-научной перспективе — с акцентом на историю формирования и эволюции исследовательских подходов в отечественной и западной гуманитарной традиции. Систематизация накопленных наблюдений необходима, поскольку телесность в прозе Замятина выступает ключевым элементом его ху-

дожественного мира, определяющим структуру повествования, философию человека и авторскую модель культуры. В работе выявляются две основные научные парадигмы, которые развивались параллельно, но при этом дополняли друг друга, формируя объемное понимание зямятинской концепции тела. Отмечается, что в отечественном зямятиноведении телесность изучается преимущественно в связи с фольклорной традицией, эстетикой гротеска и диалогом писателя с русской религиозной мыслью, тогда как западные исследователи акцентируют внимание на антиутопическом контексте, семиотике тела, мифологической символике и постантропологических моделях. Обе исследовательские линии демонстрируют, что «поэтика телесности» у Е. Замятина является неотъемлемой частью его эстетики «синтетизма».

Sun Iman. The Issue of Corporeality in Zamyatin Heritage Studies: Research History and Methodological Approaches. This article examines the issue of corporeality in Zamyatin heritage studies from a historical and scientific perspective, with the focus on the conception and evolution of research approaches within both domestic and Western humanistic traditions. A systematic review of accumulated observations is necessary because corporeality in Zamyatin's prose serves as a key element of his artistic world, shaping the narrative structure, philosophy of human being, and the author's model of culture. The paper identifies two main scholarly paradigms that developed in parallel, yet complemented each other, forming a multidimensional understanding of Zamyatin's concept of the body. It is noted that in domestic scholarship, corporeality is primarily studied in connection with folk traditions, the aesthetics of the grotesque, and Zamyatin's dialogue with Russian religious thought, whereas Western Zamyatin scholarship emphasizes the dystopian context, the semiotics of the body, mythological symbolism, and post-anthropological models. Both lines of research demonstrate that the "poetics of corporeality" in Yevgeny Zamyatin's work is an integral part of his aesthetic of "synthetism."

А. А. Кухтенкова. Сравнение как способ репрезентации индивидуально-авторской картины мира (на материале романа Г. И. Газданова «Призрак Александра Вольфа»). В статье анализируется язык романа Г. И. Газданова «Призрак Александра Вольфа». Цель работы — выявить лексико-семантические, стилистические и композиционные особенности индивидуально-авторских сравнений в романе Г. И. Газданова «Призрак Александра Вольфа» как репрезентацию картины мира и идиостиля и доминирующий фрагмент текстового ассоциативно-смыслового поля произведения. В результате проведенного анализа

с применением семантико-стилистического, компонентного, мотивного и концептуального анализов, метода «слова-образ» сделаны следующие выводы: сравнения как способ актуализации заглавия, импульс мотивных и лейтмотивных, концептуально нагруженных комплексов обрисовывают пространственно-временную организацию текста в тексте, очерченную ассоциативной рамкой воспоминания, проводят условную границу эффекта двоемирия, символики, реинкарнации, углубляют, конкретизируют психологизм и экзистенциальные искания, создают экспрессивность и вводят соматические реакции с аллюзийным продолжением.

A. A. Kukhtenkova. Comparison as a Way of Representing the Idiosyncratic Author's Worldview (Based on the Novel by G. I. Gazdanov *The Ghost of Alexander Wolf*). The article analyzes the language of G. I. Gazdanov's novel *The Ghost of Alexander Wolf*. The purpose of this work is to identify the lexical-semantic, stylistic, and compositional features of individual author's comparisons in G. I. Gazdanov's novel as a representation of the worldview and idiosyncrasy, as well as the dominant fragment of the textual associative-semantic field of the work. The following conclusions were drawn as a result semantic-stylistic, component, motivic and conceptual analyses, and the "word-as-image" method: being a way to actualize the title, working as an impulse to generate motional and leitmotif conceptually loaded complexes, comparisons outline the spatial and temporal organization of the text in the text, defined by the associative frame of memory. They draw a conventional boundary line between double worlds, symbols, and reincarnations; they deepen and particularize the psychological depth and existential searches, create expressivity, and introduce somatic reactions with an allusive continuation.

О. Н. Меркулова. Тема времени в цикле стихов Алёны Рычковой-Закаблуковской «Хронологическое». Статья посвящена поэтическому циклу Алёны Рычковой-Закаблуковской «Хронологическое», состоящему из 13 стихотворений, опубликованных в 2023 г. Цель исследования — рассмотреть цикл как единое полифоническое целое, в котором тема времени реализуется на формально-содержательном уровне художественного целого. Методологической базой исследования стали семиозстетический метод анализа поэтического текста (В. И. Тюпа), литературоведческий метод интертекстуального анализа (Н. А. Фатеева). Поэзия автора сочетает эпическую и лирическую линии: первая отражает масштабные исторические перемены, вторая — личные переживания и поиски своего места в неустойчивом мире. В стихах прослежи-

ваются мотивы родовой памяти, ответственности, борьбы с отчаянием и поиска духовной опоры. Выявлено, что ведущим принципом организации цикла является контрапункт как сочетание двух и более самостоятельных голосов. Также в стихах используются разнообразные прецедентные тексты, что придает циклу глубину, универсальность и направляет восприятие читателя по разновременным фазам, заставляя преодолевать линейное течение времени. Таким образом, весь цикл становится символическим актом преодоления времени, а значит, и смерти.

O. N. Merkulova. Theme of Time in the Cycle of Poems by Alyona Rychkova-Zakablukovskaya “Chronological”. This article explores Alena Rychkova-Zakablukovskaya’s poetry cycle “Chronological,” consisting of 13 poems published in 2023. The aim of the study is to examine the cycle as a single polyphonic whole, in which the theme of time is realized at the formal and substantive levels of the artistic whole. The research is based on the semioesthetic method of analyzing poetic texts (V. I. Tyupa) and the literary method of intertextual analysis (N. A. Fateeva). The author’s poetry combines epic and lyrical lines: the former reflects large-scale historical changes, while the latter explores personal experiences and the search for one’s place in an unstable world. The poems explore themes of ancestral memory, responsibility, the struggle with despair, and the search for spiritual support. It has been revealed that the guiding principle of the cycle’s organization is counterpoint as a combination of two or more independent voices. The poems also involve a variety of precedent texts, lending the cycle depth and universality and guiding the reader’s perception through different phases of time, challenging them to transcend the linear flow of time. Thus, the entire cycle becomes a symbolic act of overcoming time, and therefore death.

С. В. Беликов. Топонимы как объект лингвострановедения в учебниках по РКИ: аудиовизуальный курс. В статье на базе учебных материалов по аудированию, рекомендованных Министерством образования КНР, проводится сравнительный анализ топонимов и их места, которое они занимают среди прочих онимов. Цель работы — проследить динамику использования топонимов в зависимости от сложности уровня и выявить наиболее приоритетные виды топонимов в глазах китайских специалистов. В статье использован метод сплошной выборки, приведены таблицы, позволяющие отследить частотность использования топонимов методом количественного анализа. Основные полученные результаты представлены путем сравнения онимов в учебных изданиях до и после реформы образовательных стандартов в области иностранного языка, проведенной в КНР в 2020 г. Сделан вывод о том,

что происходит рост в количественном отношении имен собственных, что можно объяснить введением в преподавание РКИ национально-культурного компонента, позволяющего иностранцу, изучающему русский язык, увидеть полноценную и многогранную картину русского мира и сопоставить его со своим.

S. V. Belikov. Toponyms as Object of Language and Culture Studies in Textbooks of Russian as a Foreign Language: an Audiovisual Course.

The article, based on listening materials recommended by the Ministry of Education of the China, conducts a comparative analysis of toponyms and their place among other proper names. The aim of the work is to trace the dynamics of the use of toponyms depending on the level of complexity and to identify the most significant types of toponyms in the opinion of Chinese specialists. The article employs the method of complete sampling and uses quantitative analysis to interpret tables which allow tracking the frequency of toponyms. The main results are presented by comparing proper names in textbooks before and after the reform of educational standards in foreign language teaching conducted in China in 2020. The conclusion is made that there has been a quantitative increase in the use of proper names, which is explained by the introduction of a cultural component in teaching Russian as a foreign language, allowing foreign learners to see a full and multifaceted picture of the Russian world and to compare it with their own.

О. А. Киба. Кластеризация признаковой информации в латинском ботаническом диагнозе: холо-меронимическая парадима. Статья посвящена изучению признаковой структуры латинского ботанического диагноза на примере вида *Elytrigia fursaevii* Laktionov, Tzvelev et Mavrodiev. В центре внимания в работе находится семантический механизм объединения информации о биологическом объекте в «блоки» (кластеры), каждый из которых представляет собой своеобразную микросистему взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов. Автор подробно рассматривает системно возможные типы такого объединения и доказывает, что в основе механизма кластеризации на всех уровнях лежит холо-меронимическая корреляция (отношение целого и части). В результате анализа автор приходит к выводу о том, что базовые смысловые компоненты ботанического диагноза — объект и признак — вступают в разные типы холо-меронимических отношений: слово-мероним может сохранять свой статус объекта и иметь признаки (второй уровень кластеризации), а в некоторых случаях меняет свой статус и становится признаком по отношению к холониму (третий уровень кластеризации). Все результаты, полученные в рабо-

те, подкреплены аутентичными текстовыми образцами, а языковой материал, в свою очередь, соответствует современному состоянию развития биологической систематики.

О. А. Kiba. Clustering of Feature Information in Latin Botanical Diagnosis: Holo-Meronymic Paradigm. The article discusses the feature structure of the Latin botanical diagnosis as a case study of the species *Elytrigia fursaevii* Laktionov, Tzvelev et Mavrodiev. The work focuses on the semantic mechanism of combining information about a biological object into “blocks” (clusters), each of which is a kind of microsystem of interconnected and interdependent components. The author examines in detail the systemically possible types of such a union and proves that the clustering mechanism at all levels is based on holo-meronymic correlation (relation of the whole and the part). As a result of the analysis, the author comes to the conclusion that the basic semantic components of the botanical diagnosis – object and feature – enter into different types of holo-meronymic relationship: the meronym word can retain its status as an object and have features (the second level of clustering), and in some cases changes its status and becomes a feature in relation to the holonym (the third level of clustering). All the results obtained in the work are supported by authentic text examples, and the language material, in its turn, corresponds to the current state of development of biological systematics.

О. Г. Твердохлеб. Лексема «свадьба» в поэме К. Ф. Жакова «Биармия»: семантика и поэтика. Статья посвящена комплексному анализу лексемы «свадьба» в поэме К. Ф. Жакова «Биармия» (1916). Выявлена высокая концентрация данной лексемы (10 употреблений). Семантика и функционирование лексемы исследуются в контексте философско-художественной системы Жакова, ориентированной на реконструкцию гипотетического северного эпоса и создание модели идеального общества («биармийской парадигмы»). Установлено, что на фоне поэтики Серебряного века, где образ свадьбы носит преимущественно эпизодический характер, высокая плотность словоупотреблений в «Биармии» уникальна и подтверждает ее важную роль в художественном мире К. Ф. Жакова. Показано, что концепт СВАДЬБА выступает структурно-семантическим ядром произведения, организующим сюжетное повествование, интегрирующим мифо-ритуальные пласты (связь людей, богов и духов природы) и воплощающим утопический идеал гармоничного мироустройства «северного золотого века». Свадьба интерпретируется как микромодель жаковской «всемирной сказки», основанной на плюрализме, всеобщем единении и сакральной картине

мира. Результаты, полученные в работе, могут оказаться интересными для литературоведов, исследующих творчество русских поэтов Серебряного века, а также могут найти применение и в практике составления словаря поэта.

O. G. Tverdokhlebov. The Lexeme “Wedding” in K. F. Zhakov’s Poem “Biarmia”: Semantics and Poetics. The article demonstrates a comprehensive analysis of the lexeme “wedding” in K. F. Zhakov’s poem “Biarmia” (1916). A high concentration of this lexeme (10 uses) was revealed. Its semantics and functioning are studied within the context of Zhakov’s philosophical and artistic system, which is aimed at the reconstruction of a hypothetical Northern epic and the creation of a model for an ideal society (the “Biarmian paradigm”). It is established that against the backdrop of Silver Age poetics, where the image of a wedding is predominantly episodic, the high density of word usage in “Biarmia” is unique and confirms its vital role in K. F. Zhakov’s artistic world. The study shows that the concept of WEDDING acts as the structural and semantic core of the work, organizing the narrative plot, integrating myth and ritual layers (the connection between humans, gods, and nature spirits), and embodying the utopian ideal of a harmonious world order of the “Northern Golden Age.” The wedding is interpreted as a micro-model of Zhakov’s “world fairy tale,” based on pluralism, universal unity, and a sacred picture of the world. The results obtained in this work may be of interest to literary scholars researching the work of Russian Silver Age poets and may also be applied in the practice of compiling a poet’s lexicon.

Н. В. Чаунина. Тема любви в творчестве нерюнгринских поэтов (на материале лирики Я. Мельника и К. Шутина). Статья посвящена исследованию художественного воплощения темы любви в лирике современных поэтов г. Нерюнгри (Республика Саха, Якутия) Якова Мельника и Константина Шутина. Цель исследования — выявить и проанализировать особенности интерпретации вечной темы в контексте русской литературной традиции. В исследовании применяется метод комплексного анализа, сочетающий тематический, мотивно-образный методы и элементы биографического подхода. Исследование показало, что творчество Я. Мельника развивается в русле русской классической поэзии (обнаружена связь с лирикой М. Ю. Лермонтова и С. А. Есенина) и раскрывает любовь как многогранное чувство — от личностного переживания до любви к семье и Родине. В стихотворениях К. Шутина представлена иронично-бытовая, сатирическая трактовка, указывающая на преэминентность традиций М. М. Зощенко и Саши Чёрного, где любовь лишается пафоса и рассматривается в контексте повседневности.

сти. В целом творчество нерюнгринских авторов сохраняет связь с общенациональной литературной традицией и вносит в нее уникальный художественный опыт, демонстрируя высокий потенциал современной региональной литературы.

N. V. Chaunina. The Theme of Love in the Works of Neryungrin Poets (Case Study of the lyrics of Ya. Melnik and K. Shutin). The article explores the artistic expression of the theme of love in the poetry of contemporary poets Yakov Melnik and Konstantin Shutin from Neryungrin (Sakha Republic, Yakutia). The aim of the study is to identify and analyze the interpretation of this eternal theme within the context of Russian literary tradition. The study utilizes a comprehensive analysis method, combining thematic, motivic, and figurative methods with elements of a biographical approach. The study demonstrates that Melnik's work develops within the scope of classical Russian poetry (with connections to the poetry of M. Yu. Lermontov and S. A. Yesenin) and reveals love as a multifaceted emotion — from personal experience to love for family and country. Shutin's poems present an ironic, every day, and satirical interpretation, demonstrating the continuity of the traditions of M. M. Zoshchenko and Sasha Cherny, where love is deprived of its pathos and viewed within the context of everyday life. In general, the work of Neryungrin authors maintains a connection with the national literary tradition and contributes to it a unique artistic experience, demonstrating the high potential of contemporary regional literature.

Т. В. Чернышова, И. А. Широких, Е. А. Савочкина. «Познать нам надобно немало...»: к 85-летию юбилею почетного профессора Алтайского государственного университета Алексея Андреевича Чувакина. Материал посвящен 85-летию со дня рождения почетного профессора Алтайского государственного университета Алексея Андреевича Чувакина — Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, первого декана филологического факультета АлтГУ, талантливого педагога и исследователя, успешного организатора, многие годы возглавлявшего филологический факультет АлтГУ, а затем кафедру; главного редактора научного журнала «Филология и человек» с 2006 по 2014 гг. (входит в список ВАК РФ с 2007 г.), а ныне — члена редакционного совета журнала, созданного по инициативе Алексея Андреевича вузами Алтая в 2006 г.

T. V. Chernyshova, I. A. Shirokikh, Ye. A. Savochkina. "We need to learn a lot...": On the 85th Anniversary of the Honorary Professor of the Altai State University, Alexey Andreevich Chuvakin. This article is dedicated to the 85th anniversary of the birth of Aleksey Andreevich

Chuvakin, Honorary Professor of Altai State University. He was an Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, the first Dean of the Faculty of Philology at Altai State University, a talented teacher and researcher, and a successful organizer who headed the Faculty of Philology at Altai State University for many years, and then the department; editor-in-chief of the scientific journal "Philology & Human" from 2006 to 2014 (included in the list of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation since 2007), and currently a member of the editorial board of the journal, which was started on the initiative of Aleksey Andreevich by Altai universities in 2006.

НАШИ АВТОРЫ

БАГРОВА,
Юлия
Сергеевна

— магистр филологии, соискатель на степень кандидата филологических наук Омского кадетского военного корпуса
E-mail: lasu-yulia@mail.ru

БЕЛИКОВ,
Сергей
Владимирович

— преподаватель русского языка Нанькайского университета (Тяньцзинь, Китай)
E-mail: serafimb@mail.ru

КАМЕР,
Юлия
Евгеньевна

— аспирант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул)
E-mail: yulya.12.03@mail.ru

КИБА,
Олег
Александрович

— кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул)
E-mail: okiba1982@yandex.ru

КУХТЕНКОВА,
Анастасия
Анатольевна

— кандидат филологических наук преподаватель Новосибирского авиастроительного лица
E-mail: kuhtenkovaanastasiya@mail.ru

ЛЕБЕДЕВА,
Татьяна
Олеговна

— кандидат филологических наук, старший преподаватель Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: t.lebedeva1984@gmail.com

МЕРКУЛОВА,
Ольга
Николаевна

— кандидат филологических наук,
доцент Иркутского государственного университета
E-mail: olzame@ya.ru

МИХАЙЛОВСКАЯ,
Екатерина
Владимировна

— кандидат филологических наук,
доцент Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: morleyka@mail.ru

ПАНЧЕНКО,
Елизавета
Павловна

— аспирант, преподаватель
Алтайского государственного университета
(Барнаул)
E-mail: eliza.panchenko@yandex.ru

ПОЛЯКОВА,
Анна
Олеговна

— аспирант, ассистент Алтайского государственного
университета (Барнаул)
E-mail: an_gulina@mail.ru

САВОЧКИНА,
Елена
Александровна

— кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул)
savochkina71@mail.ru

СТЕПАНОВ,
Станислав
Сергеевич

— преподаватель Военного университета
имени князя Александра Невского Министерства
обороны Российской Федерации (Москва)
E-mail: stas.stavropol2001@mail.ru

СУНЬ,
Имань

— аспирант Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: sunyiman@yandex.com

ТАРМАЕВА,
Виктория
Ивановна

— доктор филологических наук, профессор
Бурятского государственного университета
имени Доржи Банзарова (Улан-Удэ)
E-mail: vitarmaeva@gmail.com

ТВЕРДОХЛЕБ,
Ольга
Геннадьевна

— кандидат филологических наук, доцент
Оренбургского государственного
педагогического университета
E-mail: ogtwrd@gmail.com

ЦОГЛХАГВА,
Ганжуурдалай

— аспирант Бурятского государственного
университета имени Доржи Банзарова (Улан-Удэ)
E-mail: tslbgu2023@gmail.com

ЧАУНИНА,
Наталья
Владимировна

— кандидат филологических наук, доцент
Технического института Северо-Восточного
университета имени М.К. Аммосова (Нерюнгри)
E-mail: chaunin@mail.ru

ЧЕРНЫШОВА,
Татьяна
Владимировна

— доктор филологических наук,
профессор Алтайского государственного
университета (Барнаул)
E-mail: chernyshova@flo.asu.ru

ШИРОКИХ,
Ирина
Алексеевна

— кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного
университета (Барнаул)
E-mail: shirokih.irina@mail.ru

ШПИЛЬНАЯ,
Надежда
Николаевна

— доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул)
E-mail: venata85@mail.ru

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 45 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения — до 25 тыс. знаков с пробелами, другие материалы — до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов — объем не более 20 тыс. знаков с пробелами.

2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, LucidaSans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf — True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.

3. Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.

4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.

5. Библиографическое описание научных изданий (Библиографический список) оформляется с указанием издательства, индекса DOI (при наличии), страниц и вида издания — учебное пособие, монография, сборник и т.п., количества страниц и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы.

6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987a]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости — с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т.п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).

7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. Наличие адреса электронной почты обязательно!

8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

9. Требования к оформлению текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (1000 знаков с пробелами каждая); в аннотации указываются тема, цель, материал, методы, краткие результаты исследования). Далее следует **основной текст статьи**: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, Библиографический список литературы (не менее 15 единиц) и References.

К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте.

2. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.

Периодическое издание

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

№ 2 2026

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер ПИ № ФС77–81381 от 16.07.2021 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Технический редактор Т. Б. Беломестнова
Подготовка оригинал-макета: Д. А. Басманова

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс с 36795 в каталоге Урал-Пресс
Цена свободная

Подписано в печать 01.06.2026.

Дата выхода издания в свет 09.06.2026.

Формат 60×84/16. Гарнитура Minion 3. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 15,11. Тираж 500 экз. Заказ № 247.

Издательство Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66
Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Типография Алтайского государственного университета 656049,
Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66